

Андрей Маргулев

ИЗ ЧЕТВЕРТОГО РИМА
С ЛЮБОВЬЮ

МОСКВА • ОГИ
2013

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

М25

В оформлении использована работа Джованни ди Паоло
«Сотворение Мира и изгнание из Рая» (1445)

Маргулев А.И.

М25 Из Четвертого Рима с любовью / Андрей Маргулев. –
М.: ОГИ, 2013. – 204с.

ISBN 978-5-94282-698-7

Сборник опубликованных и не публиковавшихся ранее текстов.
Разных по жанру, но порожденных общей потребностью в собственных
ответах на волнующие автора вопросы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-94282-698-7

© А.И. Маргулев, 2013

© ОГИ, 2013

Содержание

От автора	4
-----------------	---

Голос

«Птица-тройка» и «тормоз Вестингауза»: к положению terra incognita	6
Юбилей реактора	19
Почти по Гашеку	26
Какая вам нужна правда?	28
«Скотский хутор» имени Лужкова	30
«Скромное обаяние» в эпоху свободы вони	42
Убийство Пушкина	47
Имитационное государство Россия	50
Уголовный закон в имитационном государстве	62
Магия Генплана	96
Дороги, которые нам выбирают	99
Чистка судейской нечисти	115
Не будет вам и чечевичной похлебки	120

Логос

К истокам феномена тоталитаризма	126
«Товарищ Дант» и «бывший регент»	145
«В молчаньи твоего ухода упрек невысказанный есть...»	160
«Выгоды отечества» в «слезинке ребенка». Особенности национальной ловли	165
Россия, которую мы не теряли	177

Откровения

«Сколь ни насулит кукушка лет...»	186
Сегодня я встречаюсь	187
«Ты – бабочка на моей попоне...»	188
Гамлет	190
«Грачи, как чайнки, кружатся, и блики...»	192
«Эта женщина бывает молчалива...»	194
«Не хочу тебя видеть...»	196
«Тайна прозрения. Тайна причастия...»	198
Триптих	200
«По ручьям воспоминаний...»	202
Своя игра	203

От автора

В наших силах решать только, что делать
со временем, которое нам отпущено.

Властелин колец

...А всего-то мне и выпало – жить на Земле. Как миллионам и миллионам.

И если гений Осип Мандельштам написал:

*Я бестолковую жизнь,
Как мулла свой Коран, замусолил,
Время свое заморозил
И крови горячей не пролил –*

то что же мне сказать в свое оправдание?

На самом деле, есть что. Никогда не плыл по течению. Боролся с земным тяготением. Искривлял вокруг себя пространство...

Но я все равно не уверен в том, что именно на это мне было отпущено время. И потому непрерывно ищу какое-то неведомое мне пока сообщение, которое я должен передать будущему...

Когда я думаю об этом сообщении, два слова расцветают в моем сознании – «любовь» и «жизнь», а остальное недоступно внутреннему зрению. Сам-то я знаю, что любовь – это жизнь, и что убийство любви – отнятие жизни.

«Причем же тут эта книга?» – спросите вы. А это тоже любовь – к утраченному времени, к выпавшей судьбе, к тем, о ком я думал и вспоминал, собирая ее...

ГОЛОС

«Птица-тройка» и «тормоз Вестингауза»: к положению terra incognita

И восстанет в то время Михаил князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени...

Даниил, 12:1

Что происходит в твоей стране, не всегда понимаешь, даже живя в ней. Тем более нелегко приходится тем, кто по разным причинам проживает сейчас вдали от земли, где родился и жил долгие годы.

Сюжеты, разворачивающиеся в течение последних полутора лет на территории бывшего СССР, настолько запутанны и быстро-текущи, что картина, которую пытается восстановить нынешний «русский американец» по публикациям и рассказам очевидцев, неизбежно оказывается противоречивой. И после мысленного «усреднения», тоже неизбежного, ситуация, в общем-то, не выглядит безнадежной. При этом упускается, однако, что нецелесообразно оценивать состояние пациентов больницы по их средней температуре: если часть их уже скончалась, а остальные еще в горячке, – можно сильно ошибиться... Очевидца, который в данном случае сказал бы: ситуация в больнице неподконтрольна врачам, и больные умирают, – вряд ли бы следовало обвинять в пессимизме и панических настроениях.

Эти мысли мне как очевидцу (и, увы, пациенту) пришли на ум, когда я столкнулся с сильным скепсисом моих новых нью-йоркских знакомых в отношении, в частности, «Письма из России» (НРС, 6 марта с.г.), где другой очевидец, А. Владыкин, рисует та-

мошную ситуацию в столь же мрачных тонах, сколь и те, что дает мое собственное восприятие.

Думается, что такой скепсис американцев вполне естественен: основа статьи А. Владыкина – его ощущения, а база, на которой они возникли, представлена уж как-то слишком бедно, какими-то поверхностными деталями. Ну, подумаешь, денег у людей нет, и торгуют везде с рук! И не верит, не верит американский читатель, словно умудренный родимой русской классикой, что на этот раз и вправду родила царица-перестройка в ночь (на затянувшемся рассвете) «не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Ужасно не хочется верить в такое, когда казалось уже многим, что еще чуть-чуть – «оковы тяжкие падут...», и тогда – по родимым, братцы, пенатам, где и стены помогают! Ведь от чего спасались? – от режима!

А тут вдруг говорят, что ни режима, ни жизни вообще...

И все-таки именно этот тезис о том, что Россия не вынесла – и притом совершенно закономерно – нынешнего испытания свободой от режима, мне и придется отстаивать.

Как же так? – спросит читатель. Ведь идет же в нынешней России бурная деловая жизнь: как грибы растут товарно-фондовые биржи с миллиардными оборотами; конкурируя с ними в рекламном времени телеэфира, новые коммерческие банки наперебой объявляют о выпуске ценных бумаг. Наконец, самое что ни на есть народное правительство не покладая рук выпускает законы, указы и постановления, направляя ход реформ по апробированным Западом каналам разгосударствления, демонополизации, снятия ограничений. Да и знакомые, оставшиеся в России, вдруг выбились в бизнесмены – и процветают, по их словам... Так неужели нельзя предположить, что трудности, переживаемые Россией, лишь временные? «Столько веков была Россия, куда ж она вдруг надевается?» – это ли, наконец, не убийственный довод против апокалиптических измышлений?

С этого, пожалуй, и начнем. Сколько же в самом деле веков существует Россия? Разумеется – как империя, ибо до того никакой России не было. Были многочисленные княжества единоверцев, прежде всего, однако, между собой воевавших – за старшинство ли, за ханский ли ярлык, за иные какие обиды. Когда же и какими силами было инициировано появление на их территории России?

В IX–X веках активная деятельность миссионеров распадающейся Византийской империи среди языческих славянских племен дала блестящие плоды: объединяемые вокруг Киева молодой династией Рюриковичей, восточнославянские племена были крещены в православную веру. Но расцвет нового государства был краток: после Ярослава Мудрого обычные для периода удельного княжения конфликты между дядьями и племянниками, а равно и между братьями, привели к междуусобицам и распаду Киевской Руси на враждующие уделы. Вскоре после этого почти все они были завоеваны монгольскими кочевниками («татарами») и полтора века пребывали под игом чуждого этнически и духовно варварского племени.

Татарское иго наложило неизгладимый отпечаток на дух и душу русского народа. Говоря об этом, обычно имеют в виду известные рабские элементы его психики, но это только одна из особенностей. Не менее важна и другая, более духовная: восприятие собственной судьбы, преломленное через христианское мировидение, предстало картиной библейского «вавилонского пленения», данного в наказание Богом избранному народу, отступившему от его заветов в братоубийственных смутах (вспомним святых Бориса и Глеба, убитых их же братом – Святополком). В монастырях, очагах духовного сопротивления враждебной всему христианскому миру силе, зрела объединительная идея избранничества.

Самоопределяясь как духовное начало, русская церковь стала влиять и на политику. Так, обеспечив великокняжеский стол для малолетнего Дмитрия (Донского) и благословив затем его на борьбу с Ордой, церковь дала моральную основу для определения Москвы как нового центра собирания русских земель. При этом важно отметить, что подъем русской церкви пришелся на период величайшего кризиса обеих мировых христианских церквей: западная католическая, дискредитированная и униженная «авиньонским пленением» пап, вступила в эпоху Реформации. Восточная же, византийская, бедствовала под натиском мусульманского Востока.

Наконец, во второй половине XV века Московская Русь обрела решающие факторы имперской идеологии. Переход Константинополя под власть турок (1453) не только сделал окончательно автономным русское православие, но и позволил ему осознать себя как единственный оплот «истинного» христианства. В то же время же-

нитьба Ивана III на племяннице последнего константинопольского императора Софье Палеолог (1472) облекла правление московской династии в формы преемственности от некогда могущественной Византийской империи. На этой-то почве и возшла знаменитая теория: «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать», – которая окончательно утвердила высокую степень избраннической идеологизации русского общества. В конечном счете, это изолировало его от участия в общеевропейском процессе – эпохах Возрождения и Просвещения, породило упорное неприятное нововведений, на которое наталкивались все попытки реформ, начиная с Петровских.

Идеологизированная империя способна к внутренней стабильности только в условиях серьезной внешней – явной или мнимой – угрозы; ослабление в обществе чувства опасности, грозящей его святыням, ведет к росту в нем иных конкурирующих между собой тенденций и регуляторов (прежде всего – экономических), что неизбежно ведет к «раскачке» имперского корабля.

Энергия идеологического противостояния России Западу – как цельному иноверному Супостату (если отвлечься от конкретики политических конъюнктур) – стала иссякать во второй половине XIX века, оставив за собой лишь поле борьбы в стане интеллигенции. И если ценность «Легенды о Великом Инквизиторе» Достоевского своим выходом в метафизические глубины бытия неоспорима, то его публицистические пророчества об угрожающей России «последней и решающей» экспансии католицизма представляют собой уже скорее курьез. И к началу нашего столетия Россия уже не могла стоять в стороне от общезападного процесса перемещения центра тяжести межгосударственных отношений из сферы идеологической в сферу экономики, когда «правота» всегда на стороне того, кто эффективнее работает. Так империя, выросшая на идее избранности и пропитанная этой идеей до корней народной психики, вдруг очутилась – и внешне и внутренне – в мире, который давно отойдя от ценностей типа «истинной веры», был озабочен совершенно прозаическими делами: изобретением дешевых способов сборки автомобилей, да игрой на бирже.

Но, дав народу новые степени свободы без уверенности в том, что он способен рационально ими пользоваться, власть сделалась заложницей внутреннего конфликта. Конфликт возник в народ-

ной психике, поскольку ее изначальная созерцательность приносила теперь в жертву новым ценностям. Так внешне могучая, но вынужденная поступиться цельностью народного сознания империя неотвратимо вошла в период глубочайшего кризиса. И вся история России в нынешнем столетии, которую принято делить на те или иные периоды в связи с теми или иными, якобы упущенными, возможностями, искать в ней те или иные элементы «возрождения» и т.д., на деле представляет собой эпоху ее умирания. В эпоху эту входит и зловещая попытка возрождения империи на базе новой формы идеологии избранничества – коммунистической. Ну, а происходящее ныне, после ее окончательного провала, – просто фарс, когда полутруп пытаются излечить не только очередным «шоком» (пока экономическим), но и заклинаниями, но и облачениями в ризы былых торжеств (так варвары, разрушив Рим, полагали, что продолжают его историю, восседая своим полудиким сенатом на развалинах Форума).

Обратимся теперь к рассмотрению того грандиозного банкротства, которое терпит ныне центральная российская власть, – банкротства, предопределенного все той же марксистской верой во всеислие «базиса», на этот раз капиталистического, который только что и осталось пересадить на наконец-то перепаханную от коммунистических сорняков российскую почву.

Небольшое отвлечение. Года два назад приснопамятный Николай Иванович Рыжков в интервью для телевидения, касаясь требований отставки его правительства, произнес замечательную фразу: «Правительство, конечно, можно сменить, но вот куда девать народ?». Фраза на первый взгляд образцово тупоумная, если бы не стоящий за ней совершенно реальный феномен – та самая специфическая русская ментальность, которая еще Тютчева заставила выдохнуть: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать: в Россию можно только верить!» Ссылки на русскую ментальность чрезвычайно популярны у нынешних «патриотов», – и потому, увы, вместо осмысления вызывают в стане «демократов» лишь ответное улюлюканье. А зря. Ведь хотелось бы им того или нет, но в истории России множество особенностей, отличающих ее от остальных стран западной цивили-

зации. Это и татарское иго, и многовековое рабство, и «пропущенные» эпохи Возрождения и Реформации, и, наконец, чудовищная эпоха тоталитаризма. И все это – в течение каких-то 11 веков, до которых – варварство. Возможны ли такие особенности истории без особенности духа народа? Отрицая существенность русской ментальности для нынешнего экономического реформаторства, современные «западники» предъявляют, по существу, единственный довод: успех подобных реформ в таких странах с ментальностью, отличной от западной, как Япония или Южная Корея. На это ответчу: возможно, что ментальность этих наций даже более соответствует привнесенной с Запада экономике, – почему бы и нет? И стоит ли при этом закрывать глаза на обратные примеры, – скажем, в странах Латинской Америки? Как бы ни хотелось кому от этого отмахнуться, определенные свойства русской ментальности актуализировались еще во времена Петра Великого, который с чисто восточной свирепостью принялся вводить полную произвола жизнь общества в строгую систему отношений не личностей, но чинов, не мнений, но правил. Реакция созерцательной народной психики на насильственную регламентацию проявилась в тяготении к воспроизводству в любой регламентированной системе *альтернативной системы неформальных связей*. Волокита, взяточничество, протекционизм, волюнтаризм – это, как показывает история, вовсе не родимые пятна какой-либо государственной системы на Руси, но общесистемные следствия этой именно тяги к тайному противодействию регламенту. И издевка Добролюбова над оппонентом-славянофилом («В прусском вагоне»), полагающим сначала, что строительство железных дорог «скует волю Руси-исполина» чуждой регуляризацией, но затем успокаивающегося, вспомнив, что «не пойдет наш поезд как идет немецкий: то соскочит с рельсов с силой молодецкой, то свернет в овраге, то мосток продавит, то на встречный поезд ухарски направит» и т.д., и в конце концов гордо восклицающего: «Верю, что машины, русскою природой, сами наделятся духом и свободой», – издевка эта несла в себе, вопреки воле ее автора, горькую истину. И зловеще аукнулась она демократам прошлым, когда долгожданная ими «машина» демократического переворота вдруг наделилась свободой «птицы-тройки» и понесла в кровавую пропасть тоталитаризма... Что ж, это закономерно: на фоне такой вот ментальности стабиль-

ность государства возможна только при развитом механизме подавления всяких отступлений от регламента, при насильственном отведении индивиду роли «винтика». И сталинский СССР, явившись стабильной формой государства, вполне адекватной русской ментальности, сумел-таки продлить жизнь империи, дав ей новый, коммунистический, вариант идеологии противостояния...

Это отвлечение понадобилось мне потому, что игнорирование особенностей народного духа как слишком тонкой и несущественной по сравнению с экономическими законами материи, притом в обстановке крушения несбывшихся надежд, может привести, помимо прочего, к поиску вредителей. Я имею в виду, разумеется, не поборников теории «еврейского заговора», но широчайше распространенное убеждение, что всему виной сознательное противодействие мимикрировавшей бывшей коммунистической номенклатуры. Ибо внешне это так и выглядит, – что показано, например, в статье Ю. Митюнова «Экономика и мораль с точки зрения совка» (НПС, 12 марта), избавляющей меня от необходимости подробно обосновывать, почему такие столь дорогие здешним русским приметы «нормальной» экономики, как приватизация и биржевая активность, есть не более чем легализация разворовывания бывшей «общенародной» собственности и переход к новым формам монополии.

Но вот стоит ли привязывать этот процесс к конкретной «виновной» группе, бывшей партийно-хозяйственной номенклатуре? Точно так же, как нашлась бы масса претендентов на их посты во времена прошлые, точно так же их с успехом заменили бы сонмы «незапятнанных» прохвостов и во времена нынешние. Не будем строить иллюзий: всего несколько лет назад каждый десятый совершеннолетний «бывшего СССР» был либо коммунистом, либо очередником на вступление... Нет, знал-таки Николай Иванович, что говорит!

История не терпит сослагательного наклонения: каждая случайность в ней – закономерна. Не будем поэтому гадать, что было бы, если бы Ельцин в упоении борьбы за Кремль не похоронил походя «ново-огаревский процесс» и не придал новый импульс центробежным силам именно в тот момент, когда нужно было всеми силами им противостоять. После тихого декабрьского переворота, прекратившего существование СССР, и после того, как в Татарста-

не, Якутии и ряде других в той или иной степени автономных образований явно обозначилась тенденция к обособлению от «России демократической», российская демократия вдруг обнаружила, что эта демократическая Россия подпадает под ругательный у них термин «империя» с тем же успехом, как до того – «Советский Союз», а еще ранее – «царская тюрьма народов». И логика очередного витка сепаратизма, разумеется, та же: раз центр проводит реформы, а реформы не идут, и жизнь все ухудшается, – значит, виноват центр, и надо от него бежать. Что ж, все верно, и не пожалели бы демократы и эту империю – Российскую федерацию, – если бы, наконец, не увидели, что уже даже не стоят – висят над пропастью.

Пелена спала, и открылось, что веками складывавшееся единое экономическое пространство дробится всевозможными «суверенитетами» исключительно в ажиотаже корыстной борьбы новой генерации местных функционеров за власть на местах. А коли так – любые «договорные отношения» между такими «суверенитетами», на которые у демократов было столько наивного упования, будут лишь прикрытием взаимного и самоубийственного, в конечном счете, шантажа. И от долгожданного «федеративного договора» будет теперь столько же толку, сколько от договора между «странами СНГ».

Потрясенная увиденным, часть демократов влилась в сформированный из еще недавно абсолютно несовместимых течений мощный оппозиционный блок, готовый, приди он к власти, предпринять «все меры» для предотвращения дальнейшей губительной суверенизации. Да вот беда (или счастье?): время для этих «всех мер» уже упущено: армия перестала быть послушным инструментом в чьих-либо руках и легко может раздробиться на противостоящие друг другу части – подобно тому, как это было в Югославии.

Куда не кинь – всюду клин: от судьбы реформ ельцинского кабинета ныне напрямую зависит ответ «быть России, иль не быть», ибо при их провале скатывание к войне всех против всех (и особенно против «центра»), к бытию, изображенному А. Кабаковым в «Невозвращенце», неизбежно.

Похоже, однако, что народ не желает брать своего блага из доверчиво протянутых рук власти... Уж не глянуть ли повнимательнее: что там, в этих руках?

Начну с примера «классического», ибо он характерен и для всей последующей истории создания законодательной базы предпринимательства в России коммунистической, а затем и демократической. Первым по-настоящему перестроечным законом стал, если кто об этом помнит, действовавший с лета 1988 года закон «О кооперации в СССР», где, в частности, устанавливались и размеры ставок налога на прибыль кооперативов в первые пять лет их деятельности. Естественно, низкие. Производственники с госпредприятий потянулись в кооперативы, подавляющее большинство которых тогда еще не только перепродавало, но и производило товар. Столкнувшись с таким поворотом, госсектор погнал демагогическую «волну»: за что-де кооператорам такие льготы, когда госпредприятия платят налога до 60 процентов? Ни словом, правда, не упоминая, что госпредприятия получают бесплатно основные фонды и почти бесплатно – дефицитные материалы, да и налог платят с чистой прибыли (с вычтенной зарплатой), в то время как зарплата кооператоров – под двойным налогообложением.

И что же? В апреле 1989 года выходит указ Горбачева (тогда еще и не президента), который безо всякого упоминания соответствующих положений и статей закона «О кооперации в СССР» вводит для кооперативов совершенно иную шкалу ставок и местный принцип их установления. И вот за несколько дней до 1 июля – срока вступления этого указа в силу – местные финорганы собирают кооператоров и объявляют: будете платить все как по указу, да притом с любых договорных сумм, поступивших на счет позднее 1 июля, хотя бы договор был исполнен ранее. Надо ли уточнять, что банки в эти дни очень не спешили в перечислении денег со счета на счет?

Так нарождающемуся предпринимательству был преподан первый (но не последний!) урок: честной игры не будет, они – вне закона.

Что вспоминать, подумает иной, грехи прошлой власти... Можете быть уверены: правосознание нынешней – на том же уровне. Мы легко готовы закрыть глаза на то, что упразднение СССР было совершенно противозаконной акцией республиканских властей, как и последующий «отзыв» ими союзных депутатов, но неужели, вдобавок, поверим, что это – первое и последнее «исключение из правил»? А «обвальная приватизация», также попирающая закон

под флагом необходимости? И ведь не какие-нибудь это стараются беззаконники-партократы, а самые что ни на есть демократы-рыночники. Попов, Пияшева... У мэра Москвы с законностью вообще особые счета, но об этом долго пришлось бы говорить.

Химер, рождаемых «правосознанием» властей, нормальному человеку трудно вообразить. Начнем с того, что в России демократической, как прежде в коммунистической, законы так и не имеют прямого действия. Что это значит? Представьте, в новоиспеченном законе (указе, постановлении) указан срок начала его действия. Для кого, вы думаете, он указан – для вас? Нет, для вас – только в том случае, если какие-нибудь административно-хозяйственные органы (необязательно даже в законе и указываемые) разработают к этому моменту инструкции о порядке его применения и сопряженные с его выполнением нормативные акты.

То есть прочли вы, скажем, в указе президента «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», что ваше частное предприятие может теперь безо всяких ограничений заниматься внешнеэкономической деятельностью, и банкам разрешено открывать вам валютные счета, – да и пошли сдуру в банк открывать этот самый счет. Увы, насчет нового порядка никаких инструкций банку пока не поступало!

Думаете, почему закону о земле скоро год, да никак он все что-то не заработает? Правильно: местные органы не имеют инструкций по его применению! Или – закон о приватизации, которому тоже скоро год. Почему действует не он, а «обвальные приватизаторы»? Я вижу, что вы уже все поняли. А многие, думаю, просто вспомнили нечто давно забытое из длинной серии совковых абсурдов. Вот уж, поистине, новое – хорошо забытое старое!

Куда более интересные вещи происходят, когда закон или указ вдруг принимается для исполнения органом, каким-то образом решившим, что есть возможность отличиться. В числе десяти указов президента (один из которых – «О либерализации...» – мы уже упоминали) и постановлений правительства РСФСР от 15 ноября 1991 г., торжественно анонсированных «Курантами» как «Правовой фундамент российской реформы», был и такой: «Об отмене ограничений на заработную плату и прирост средств, направляемых на потребление». Указ постановлял: «Отменить с 1 декабря 1991 г. ограничения на заработную плату и на прирост средств, направ-

ляемых на потребление. Установить, что предприятия и организации определяют размер средств, направляемых на потребление, самостоятельно в пределах заработанных средств в соответствии с законом РСФСР 'О предприятиях и предпринимательской деятельности'. На первый взгляд – вполне в духе и реформы, и законности. На деле же – типичный двусмысленный выверт: в самом деле, то, что «самостоятельно», так это в упомянутом Законе именно и было сказано; но вот то, что одновременно – «в пределах заработанных средств», – такого там и термина-то нет!

Ни одна подобная двусмысленность не бывает случайной, и в конце года Центральный банк России разослал во все банки России циркуляр. В нем, со ссылкой на приведенную формулировку президентского указа, содержалось требование: выдавать предприятиям деньги на потребление только из полученной от реализации прибыли (из «заработанных средств»), для контроля чего вводились две дополнительные формы отчетности, с обязательным составлением и приложением одной из них к каждому чеку на получение наличных денег на зарплату (а кроме как на зарплату и пособия ни на что другое наличность получать нельзя, – об этом читатель, наверное, уже сам догадался). Для еще не осознавших поясню: циркуляр сделал невозможной выплату зарплаты из авансов и кредитов. Представьте себе: частное предприятие (звучит?) заключило полугодовой договор на разработку какого-нибудь изделия. Или взяло подряд на строительство, допустим, коровника. Или – только что создано и взяло кредит на организацию выпуска, ну, скажем, электронной сигнализации для автомобилей. Так вот, во всех перечисленных или подобных вариантах предприятие лишено права получать зарплату или иное какое довольствие до тех пор, пока ему не начнут поступать средства от реализованной (сданной) продукции (что легко контролируется банком по формулировкам платежных документов)!

Так указ об отмене ограничений на зарплату был легко превращен в указ об отмене и самой зарплаты. Так-то вот и закладывается «фундамент российской реформы»...

Я понимаю, все это плохо укладывается в голове. Не пришла ли вам спасительная мысль о том, что не все банки подчинены Центральному, что есть ведь и коммерческие?.. Увы коммерческие есть, а вот независимых от Центрального банка – нет! И – смею

вас уверить – независимый от правительства Центральный банк сумеет подорвать любой «фундамент», покуда власть, потрясенная отсутствием положительных результатов от своего тяжелого труда по шоковой терапизации населения, не начнет требовать очередных «чрезвычайных» полномочий.

Или вот, например, взяли – и разрешили в России не то что частному предприятию, а прямо уже физическому лицу вести предпринимательскую деятельность, фермеру – быть просто фермером, а не малым предприятием. И разрешено им законом иметь расчетный счет в банке, ибо без расчетного счета торговать с юридическими лицами они не смогут. Но в банке ничего не знают: из Центрального банка России никаких инструкций не поступало! Иди-ка ты, фермер, образовывай юридическое лицо, назначай жену бухгалтером и кассиром, пусть обучится вести чудовищные бухгалтерские отчетности, составлять и сдавать в финорганы ежеквартальные балансы и отчеты, не забывая производить ежемесячные и ежеквартальные платежи налогов... При этом налоговый пресс будет таков, что процентов 70 выручки уйдет на налоги и соцстрах, а там – выплаты процент за кредит, на который купил технику, да выплаты положенную его часть... А там, глядишь, если соседи не спялят, и власть все не конфискует, глядишь – и хозяином себя почувствуешь...

Нет, не стану я сетовать, что обленился крестьянин в колхозе и не хочет брать землю!

Самое поразительное, что вся эта иррациональная логика кем-кем, а правительством воспринимается как явление нормальное, сопутствующее чему-то куда более важному. А более важным, чем гибнущее производство и вместе с ним – государство, считается баланс и курс рубля к доллару. Точнее – западные инвестиции, которые, якобы, при соблюдении этих условий восстановят производство, но уже на современной основе.

В самом деле, почему бы Западу и не рискнуть: самые дешевые в мире руки (а не много ли их Западу будет?), все гарантии (какие?)... Главное же – между строк: не бросайте нас, господа, а то у нас тут такое может начаться – вам же дороже станет... Таков последний «писк» отечественной магикоэкономической мысли по превращению гадкого перестроенного утяти в прекрасного лебедя.

Тут-то как раз и было бы к месту вспомнить, что Япония через «шоковую терапию» отнюдь не проходила!

А вдруг наступит момент – и выяснится, что Международный валютный фонд в своих рекомендациях вовсе не подразумевал сочетать «шоковую терапию» с планомерным уничтожением существующего производства? Вдруг, да и окажется эта самая «терапия» зощенковским «тормозом Вестингауза», за который очередной «ученик чародея» дернул – и ждет, довольный, в то время как состав развала знай себе набирает ход?..

Империя угасает, и впереди – предсмертные судороги и разложение. Что делать в такой ситуации, как, чем и кому помочь? Есть такая молитва: «Господи, дай мне силы изменить то, что я в состоянии изменить, дай терпения, чтобы вынести то, чего я изменить не в состоянии, и дай мудрости, чтобы различать первое и второе». Я призываю к мудрости. Ну, а что делать, – каждый должен решать сам.

Новое русское слово. 24 марта 1992 г.

Юбилей реактора

В названии этой статьи многие читатели газеты, вероятно, уловят ассоциацию с названием недавней статьи Е. Манина «Юбилей эскалатора» (НРС, 10 апреля), которая была посвящена столетней годовщине изобретения эскалатора и ему самому – устройству, которое «никто не замечает, кроме тех, кто его боится, и тех, кто из-за него пострадал». В подобной переключке названий присутствует, безусловно, некоторый полемический оттенок.

Начну с того, что к тем, кто эскалатора если и не «боится», то уж во всяком случае сильно опасается, я отношу ныне и себя. Почему? Здесь имеется тоже свой, притом крайне печальный, «юбилей». Десять лет назад, 18 февраля, в газете «Вечерняя Москва» внизу третьей страницы была напечатана следующая «Информация»: «17 февраля 1982 года на станции “Авиамоторная” Калининского радиуса Московского метрополитена произошла авария эскалатора. Среди пассажиров имеются пострадавшие. Причины аварии расследуются».

Из этой скромной заметки (а ничего иного в советской прессе об этой аварии больше никогда не появилось) нельзя, разумеется, вынести должных впечатлений. Поэтому процитирую еще «Новое русское слово» от 2 апреля 1982 года (со ссылкой на журнал «Посев»): «По сообщениям очевидцев, в результате обрыва переполненного эскалатора несколько сот человек упало в продолжавший вращаться механизм, десятки были раздавлены, более сотни искалечено. Все это происходило на глазах людей, двигавшихся на параллельном эскалаторе. Среди них возникла паника, вызвавшая дополнительные жертвы: несколько человек погибло в толчее». Здесь все верно.

Станция метро «Авиамоторная», в полчаса ходьбы от которой я тогда жил, расположена в плотном окружении всевозможных

«ящиков». Было пять часов вечера, и спускавший к поездам эскалатор (в то время один из длиннейших в Москве) был заполнен ехавшими с работы людьми. Вдруг в нем словно что-то оборвалось, и он начал набирать скорость. У его подножия возникла свалка, но в этом еще не было большой беды. Возможно, будь ступени эскалатора из обычного пластика, последствия не были бы столь кошмарными. Но на Калининском радиусе были впервые в Москве широко внедрены эскалаторы с дюралюминиевыми ступенями (рационализация!), материалом весьма вязким. И вот – в какой-то момент очередную ступень заклинило вниз, там, где она уходит под «гребенку». Эскалаторная лента оборвалась и стала осыпаться вниз вместе с людьми...

Но не только вид этого кошмара посеял панику на встречном эскалаторе. Многие, особенно молодые люди, в то время, когда эскалатор еще скользил вниз, пытались, запрыгивая на межэскалаторную панель и сбивая при этом укрепленные на ней лампы, перебраться на соседний эскалатор. Некоторым это удалось. Однако затем не рассчитанное на такие нагрузки перекрытие проломилось... Под ним как раз и находились наиболее опасные элементы работающего механизма. Наконец, металлические ступени, оказавшиеся под напряжением 380 вольт, стали причиной дополнительного массового поражения людей электрическим током.

Так эскалатор в тот злополучный день стал убийцей почти сотки человек, около полутора сотен было ранено и искалечено. Вывешенные в вестибюлях предприятий фотографии в траурной рамке с соболезнованиями «от парткома и месткома» — вот и все, чем почтило тоталитарное государство память очередных своих неудачливых «винтиков», ибо ничто не имело права омрачать лучезарность «образцового коммунистического города», в котором метро всегда было на особом счету – как то едва ли не единственное, чем еще можно было покорить разборчивого иностранного гостя.

«Единственное, что ей понравилось в Москве, – это городской транспорт и полное отсутствие надписей на стенах и вагонах метро», – так описывало НРСлово впечатления от поездки в Москву (в мае того же 1982) президента городского совета Нью-Йорка Кэрол Беллами. Действительно, кровь со стен станции метро «Авиамоторная» была к тому времени давно смыта...

Что же заставило эскалатор сделаться убийцей? Как и в большинстве подобных случаев, к этому привело сочетание нескольких факторов: просчеты конструкторов, неквалифицированность и халатность персонала и, в частности, – преступная безалаберность ремонтников, непосредственно перед аварией отключивших систему автоматической защиты. Нетрудно заметить, что весь букет этих безобразий словно является прообразом того, что позднее будет коротко и всем понятно именоваться одним словом: Чернобыль.

Читатели «Нового русского слова» – первые, с кем я поделюсь некоторыми важными, на мой взгляд, деталями, касающимися чернобыльской катастрофы, ибо недавняя авария на Ленинградской АЭС – это очередной сигнал о том, что катастрофа может повториться, и долг каждого, кто это сознаёт, – бить тревогу. Кроме того, у меня есть подобный же повод, что и у автора статьи об эскалаторе: в этом году исполняется пятьдесят лет с момента пуска в США великим Энрико Ферми первого в мире ядерного реактора.

Тот реактор был совершенно того же типа, что и злополучный реактор РБМК-1000 («реактор большой мощности канальный», мощностью тысяча мегаватт), которые ныне имеет только бывший СССР, – как вследствие запрета на их распространение в остальном мире (ввиду имеющейся у них возможности извлечения из отработанного топлива горючего для атомных бомб – плутония-239), так и вследствие более высокого загрязнения ими окружающей среды. В реакторах этого типа замедлителем быстрых нейтронов (до спектра энергий, на котором идет ядерная реакция деления) служит графит. Поэтому активная зона такого реактора представляет собой примыкающие друг к другу столбики (их много сотен) высотой семь метров каждый, сложенные из графитовых блоков сечения 25 на 25 сантиметров. Внутри каждого такого столбика располагается вертикальный цилиндрический канал с кобальтовой оболочкой, причем назначение каналов различное. Большинство из них – топливные, в них помещены тепловыделяющие сборки (ТВС), состоящие каждая из набора тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) – семиметровых металлических трубок, заполненных таблетками уранового топлива. Через топливные каналы прокачивается пар первого контура, отбирающий тепло у ТВЭЛов и передающий его пару второго контура, поступающему

непосредственно в турбину. Прочие же каналы относятся к системе управления и защиты реактора (СУЗ). В часть из них в процессе управления реактором вводятся на ту или иную глубину стержни из сильного поглотителя (бора) – для поддержания в активной зоне реактора в определенном смысле постоянного и равномерно распределенного поля медленных нейтронов. Другая часть каналов СУЗ всегда пуста, а подвешенные над каждым таким каналом поглотительные стержни предназначены для сбрасывания в канал с целью аварийного гашения реактора в экстренной ситуации.

Что же произошло 26 апреля 1986 года на четвертом реакторе Чернобыльской АЭС? Наиболее подробно и компетентно (хотя и с массой непонятных для рядового читателя технических деталей) причины и последовательность развития аварии изложены специалистом-атомщиком Григорием Медведевым в документальной повести «Чернобыльская тетрадь» («Новый мир» № 6, 1989 г.). Остановливаясь только на кульминационном моменте аварии, мы можем подытожить происходившее так: грубо ошибочные действия дежурной смены в процессе проведения недопустимого эксперимента довели реактор до критического состояния, единственным выходом из которого, в представлении персонала, был сброс аварийных стержней с целью гашения реактора. И реактор был бы погашен, если бы поглотительные стержни вошли в каналы на положенную глубину. Но вместо требуемых семи метров они вошли только на глубину два — два с половиной метра, т.е. в основном своими хвостовыми частями, состоящими не из поглотителя, а из элементов, придающих реактору дополнительную реактивность (важнейший конструкционный дефект!). Начался необратимый разгон реактора, и через двадать секунд прогремел роковой взрыв...

Почему же стержни не провалились на положенную глубину? Г. Медведев позволяет себе по этому поводу только одно скупое замечание: «Видимо, каналы реактора деформировались, и стержни заклинило». В этих словах мне чудится некоторая неуверенность автора, словно его самого смущает некая загадка: почему эти каналы так быстро деформировались, ведь разгон еще только начался?

В статье «Отравленная страна» (НПС, 15 апреля 1992 года) есть такая строчка: «Яблоков (академик, советник президента Ельцина по экологическим вопросам. – А.М.) объясняет, что все русские

атомные станции находятся в аварийном состоянии, все реакторы протекают». Звучит это как-то обиденно, ведь почти всё в бывшем СССР – «в аварийном состоянии». Но в ядерной энергетике за знаковыми терминами стоят явления совершенно иного масштаба, в том числе и в стоимостном выражении. Даже простая остановка и последующий пуск реактора представляют собой чрезвычайно сложное и дорогостоящее научно-техническое мероприятие. А уж ремонт графитовой кладки активной зоны – дело вообще невозможное, ибо чудовищное вторичное излучение графита и его загрязненность продуктами распада делают невозможным непосредственное участие человека, а механизмов, способных его в этом заменить, пока не существует. Но почему вдруг я заговорил о графите?

В 1985 году, когда я работал инженером в лаборатории физических процессов ядерных реакторов канального типа Всесоюзного НИИ по эксплуатации атомных электростанций, мне было поручено произвести компьютерные расчеты пространственно-энергетического распределения нейтронов в элементах активной зоны реактора РБМК-1000, с целью последующего расчета в других подразделениях института температурного поля в этих элементах. Тут-то мне и «открыли», в каком плачевном состоянии находятся эти реакторы ввиду так называемого «радиационного распухания графита».

Нужно понимать, что эксплуатация ядерного реактора – сама по себе уникальный эксперимент, в ходе которого обнаруживаются такие физические явления, предусмотреть которые на стадии разработки было невозможно. В полной мере это относится к указанному «распуханию». Оказалось, что постоянное воздействие мощнейшего нейтронного потока приводит к весьма заметному увеличению объемов блоков графитовой кладки, что уже само по себе создает деформирующие нагрузки на канал. Но этого мало. Между столбами графитовой кладки прокачивается охлаждающая их смесь инертных газов. Вследствие распухания графитовых блоков зазоры между столбами катастрофически уменьшаются, и эффективность охлаждения графитовой кладки резко падает. Температурные поля в графите и по величинам и по градиентам уходят за предусмотренные пределы, что ведет и к чрезмерным напряжениям в самом графите, и к недопустимым деформациям каналов.

Кобальтовые оболочки каналов, попросту говоря, лопаются, что и является, в частности, причиной постоянных и непредотвратимых утечек загрязненного теплоносителя из топливных каналов.

Но не одними утечками, видимо, грозит «распухание». Представляется весьма вероятным, что и первопричиной того самого заклинивания аварийных стержней, о котором пишет Г. Медведев, явились вышеописанные деформации. Те самые, которым в той или иной степени подвержены, вследствие указанного «распухания», каналы на всех ныне действующих РБМК -1000 и которые при дополнительных механических воздействиях (вибрации, например), присущих аварийной обстановке, мгновенно возрастают до величин, делающих заклинивание в них сброшенных аварийных стержней неизбежным, как и следующий за этим взрыв...

Я, конечно, далек от мысли, что из чернобыльской аварии не были извлечены соответствующие уроки и не был изменен регламент действий операторов в аварийных ситуациях. Но что именно и как именно было учтено? К сожалению, ответы на эти вопросы нельзя оставить в ведении одних лишь специалистов, ибо они, «варясь» в собственной среде, слишком привыкли помалкивать в тех случаях, когда надо бы кричать на весь мир. Только широкие публичные обсуждения способны побудить и их к откровенности и обнаружить перед общественностью и политиками истинную картину в постсоветской ядерной энергетике. Ибо лишь тогда, когда политики бывшего СССР будут четко понимать, что не персонал, не руководство какой-либо очередной АЭС и даже не правительственный чиновник, а именно они в глазах общественности несут ответственность за продолжающуюся эксплуатацию заведомо аварийных реакторов, – лишь тогда можно надеяться на принятие трудного, но единственно возможного политического решения: остановить реакторы РБМК-1000.

Совсем недавно такое решение в отношении реакторов Чернобыльской АЭС приняло наконец правительство Украины. Российские же власти, загипнотизированные «необходимостью», продолжают играть судьбами миллионов людей, продолжают отгораживаться от общественности чиновниками, не имеющими в арсенале своих доводов ничего лучшего, чем затасканные инсинуации об искусственном разжигании страстей ядерщиками-конкурентами...

Печальный советский опыт, к которому я здесь обратился, внес, увы, совсем не праздничные ноты в «юбилей» обоих затронутых мной устройств, неоспоримых достижений американской технической мысли, – и эскалатора, и реактора...

Новое русское слово. 25–26 апреля 1992 г.

Почти по Гашеку

Знаете ли вы, что на свете самое-самое дешевое? Нет, вы, конечно, этого не знаете.

Я купил *это* вчера. В книжном магазине на Таганской площади. За 4 (четыре) рубля.

Именно такой четырехлетней давности номинал украшает «Исповедь на заданную тему» тогдашнего неустомимого «борца с привилегиями», а ныне – просто Президента. *«Вся Млада Болеслава перебивала в этот день у магазина Петишки, чтобы убедиться, как катастрофически пали акции Габсбургской династии»* (Гашек Я. *Повесть о портрете императора Франца-Иосифа*).

Ну, скажите, в каком еще тридесятном царстве книга, да еще написанная действующим правителем, может продаваться за цену менее 0,1 цента?

Спасибо Гайдару (Егору), он научил меня быстро и правильно разрешать подобные мучительные вопросы. Да-да, это оно, то самое, долгожданное: РЫНОК ЗАРАБОТАЛ!

Ах, какое падение цен нынче на рынке харизм! Какие «коллективные прозрения» вызвала вдруг всего лишь очередная стадия «борьбы с преступностью»! Нет, вы представляете, *Президента подставляют!!!*

О «исповедь», о «заданная тема», о родная и привычная наушная лапша! Сколько сдержанного достоинства и чести в каждом слове... «Говори, правдивый старик!» – восклицал шварцевский Король. Не то в нашей пьесе: тут уж сам король-трудяга старается за двоих – тянет на себе заодно и роль «правдивого старика». И правда, кто же лучше самого короля может так трогательно описать, как разлукой проверял он свои чувства к будущей жене? Или с каким стоицизмом и сознательностью хранил он правду о по-

кушении со стороны тайных своих врагов, дабы не растерзал их возмущенный народ?

Кстати, о народе. Эх, не запомнил я, кто же опубликовал подслушанный в нем диалог:

– *Харизма да харизма, а что это – не пойму. Ты не знаешь?*

– *А это, наверное, харя такая, но только о-очень большая!*

И народ, как выяснилось, оказался куда как прозорливее своих блудливых духовных поводырей, возомнивших себя незаменимыми Его Величества экспертами по *целесообразности*. Исповеди сменились инвективами под скрежет металла. Из-под харизмы глянула вдруг действительно та-а-кая харя... Еще та, уж было позабытая.

Хотя, есть подозрение, что далее чем до «президента подставляют» прозренья вчерашних «демократических» идеологов «добра с кулаками» дойдут, видимо, уже в самый последний момент...

Итак, *«война шла, а на императора по-прежнему не было спроса» (Гашек)*. Поэтому, вернемся, наконец, к главному. К экономике то есть.

Вниманию тех, кто, как и я, ввиду успехов шоковой терапии, уже не способен платить по тысяче пятьсот за рулон! В нынешнем, 4-х рублевом «портрете императора Франца-Иосифа» целых 56 листов. И хотя бумага указана «офсетная №1», она, по счастью... Впрочем, «попробуйте сами и убедитесь»!

Дешевая, ну очень дешевая книга!

Независимая газета. 11 марта 1995 г. ^{*1}

¹ Знаком * здесь и далее обозначены публикации, в которых приводимый авторский текст был сокращен редакцией.

Какая вам нужна правда?

Итак, народ (А. Михайлов, его дочь и 8 сотрудников КБ – см. «НГ» от 15 августа 1998 г., с. 8) хочет узнать у «гаранта Конституции» «Бориса Николаевича» «всю правду»: «Сколько еще времени будет наша жизнь являть собой подлинное вымирание?»

И как же вы думаете, для чего нужна народу эта «вся правда»? Для недогадливых в следующем же предложении ответ: «Чтобы мы поверили, что у нас гласность и демократия, что мы не зря отдавали голоса Вам».

То есть что бы ни ответил Борис Николаевич, сам факт его ответа даст народу веру, что он (народ) на верном пути (хотя бы и к вымиранию). Вот какой у нас народ!

Конечно же, все это игра. Какую такую «правду» может ждать народ от Бориса Николаевича? Про 38 снайперов, ежечасно отслеживающих положение в экономике? Или про то, как Б.Н. всю зиму живет на картошке со своего огорода?

Бедный народ! Конечно же, страшно осознать, что вместо матушки-козы с молоком по вымечку в дом вломилась банда волков. Вроде не за это голосовали... Где ж ты, матушка коза, подай голосок, ау!

Но все же это игра. Народ ведь не лыком шит, он знает, что такое его обращение всегда прекрасный пас государевым спичрайтерам для демонстрации ими государева «демократизма» в преддверии новых выборов, благо стоит недорого! А вдруг как заметят такой преданный народ, да отличат? С волками жить – по-шакальи выть...

А Сталин, действительно, как пишет народ, «в 1941 г., когда началась война, выступил перед народом с откровенными словами». Вот они, эти слова:

«Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры...».

Как все же хорошо, когда враг бывает вовне, и знать правду о нем не мешает народу ни очередная заступница – «матушка коза», ни его, «народа», врожденное холопство.

Независимая газета. 22 августа 1998 г.

«Скотский хутор» имени Лужкова

Ямы Форума заново вырыты
И открыты ворота для Ирода,
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.

О. Мандельштам, «Рим», 1937

Знаете, один старый еврей как-то сказал: «Я не боюсь советских законов. Хорошие они, или плохие, – но это законы. Но я очень боюсь пожеланий трудящихся».

Когда власть начинает действовать по «пожеланиям трудящихся», – это значит она готова совершать самые чудовищные злодеяния. Именно по «пожеланиям трудящихся» был начат «красный террор». Именно по «пожеланиям трудящихся» был введен внесудебный порядок рассмотрения дел после убийства Кирова в 1934 году. Именно на эти «пожелания» должно было опираться готовящееся Сталиным истребление евреев в 1953 году.

При всем своем правовом нигилизме Ельцин не ссылаясь на «пожелания трудящихся» даже когда узурпировал власть в 93-м – все делалось им под лозунгом «защиты Конституции». Конечно, такое «правовое» оформление заведомо неправых действий было, прежде всего, данью Западу, проводником идей которого Ельцин служил не за страх, а за совесть. Такая оглядка на Запад вообще была традиционна еще для советских послесталинских времен: в ее основе лежала хрущевская установка на «соревнование» с Западом. И вот сейчас мало кто осознает, что история России подошла к очередному, завершающему повороту: прозападная ориентация полностью себя исчерпала и будет в самых уродливых формах мутировать к изоляционизму.

Эти формы, впрочем, уже никак не назовешь плодом чьей-либо больной фантазии: их легко ныне можно наблюдать именно в

Москве, где в «новоделах» западного капитализма вдруг явственно проступили черты самого что ни на есть смрадного средневекового феодализма. Все эти думы и макдональдсы, префектуры и евроремонты, храмы и банкоматы, – все это лишь призрачный фасад. Действительность же совсем иная. Перед нами средневековая провинция, где по дорогам бредут нищие, ремесленники, мелкие торговцы, менялы. а рядом, на неприступных скалах – загадочные и грозные феодальные замки: Комитет муниципального жулья, Паспортное управление ГУВД г.Москвы...

Вдоль дороги множество застав со строгими стражниками: паспортные столы ОВД, жэки, отделы ГИБДД, регистрационные палаты, налоговые инспекции. И всюду стража, стража, стража... Она стоит, она рыщет по дорогам в автомобилях чтобы ограждать вас от преступников. Но нам становится страшно: мы не знаем, кого сегодня намечено назначить этим самым преступником, какой сегодня спущен план по задержаниям. Но мы знаем твердо: мы полностью во власти этих стражников: они могут остановить нас и сделать с нами, в общем-то, все, что угодно: обворовать, избить, посадить. А если и отпустят, то только после того, как получают от вас расписку, что претензий к ним у вас нет. И ни в одном суде вы ничего не докажете.

И в то же время все эти рогатки и кордоны совершенно прозрачны для настоящих, а не назначенных преступников. Посмотрите хоть «Дорожный патруль» – каждый день по заказному убийству. И никого не находят! И вдруг, походя так, выясняется, что охранниками преступного авторитета служили все те же стражи порядка в свободное от основной работы время...

Конечно, иногда и РУБОП берется за дело всерьез. Вот на днях таганскую группировку пошерстили, что полтора миллиона долларов в месяц имела за «охрану» местных рынков. Держатель «общака», вишь ли, посмел 500 тыс. баксов из него проиграть!..

На Рублевке то и дело – расстрелы да перестрелки. И – ничего. Поди, отличи, кто это там домой едет, солнцевский или госчиновник: у обоих мерсы, обоих по их номерам даже останавливать нельзя для проверки. То ли дело, если есть заказ или план: и останавливают, и наркотик найдут, и оружие...

Ах, какая некультурная была бы преступность без Лужкова! Наверное, как в Нью-Йорке: в темном уголке вас останавливают

два «латина», наставляют пистолет и забирают деньги. Домой вы приходите на трясущихся ногах. Зачем все это? Моего друга К. остановили этой весной в 11 вечера, когда он был в 100 метрах от его подъезда, двое милиционеров. Попросили, вежливо, документы. Друг показал паспорт. Милиционеры извинились и попросили разрешения, «для их спокойствия», осмотреть его карманы. Друг, посмеиваясь, разрешил. Пришел домой и обнаружил, что 80 рублей в нагрудном кармане как не бывало... Зато – никакого стресса, и в этом можно, конечно, найти огромное преимущество организованной преступности перед обычной. Хотя, конечно, если ты приехал, ну, допустим, из Самары, хотя бы и в командировку, то тут, конечно, и строгость нужно показать. Вышел наш самарский «гость столицы» из Оружейной палаты, а к нему трое стражей: 300 рублей, а то проведешь ночь в отделении, а это мало не покажется. Уговорил стражей на сотню, а еще недовольным остался – только кандидаты наук такими борзыми бывают...

Вообще, правоохранительные органы лужковского разлива давно бы следовало переименовать в правонарушительные. Нет, это неправильно; называть все происходящее «нарушениями» – просто нелепо. «Правоусмирительные», «правоосквернительные» органы! Олицетворение права бандита измываться над своей жертвой. Права ни за что ни перед кем (кроме начальства и/или заказчика) не отвечать.

При назначении Лужкова председателем исполкома Моссовета ему был задан на сессии вопрос: на какой он стоит платформе в партии? «На хозяйственной», – ответил Лужков. Действительно, Лужков – очень умелый хозяйственник. Дрессировку баранов на своем благоприобретенном хуторе он начал традиционными и привычными методами: через правильно организованный учет и контроль. Подсмотрел, наверное, как это делается на своем первом рабочем месте – в домоуправлении. И чтобы ни у кого не оставалось сомнений, каковы его «хозяйственные» пристрастия, одновременно с председателем исполкома Моссовета он «избрался» и председателем комиссии того же исполкома по... прописке, конечно же!

Лужков правильно сразу все понял: кто держит в своих руках прописку в Москве – тот и хозяин. По сложившейся за время советской власти традиции, территориальные органы милиции име-

ли полномочия прописывать в Москве только в совершенно определенных случаях: в связи с рождением, браком или ордером. В прочих ситуациях решение принимало по своему усмотрению Паспортное управление ГУВД г. Москвы. Как именно? Те, кто обращался, хорошо знают как – в форме открыток с отказами от имени комиссии Моссовета и со ссылкой на неопубликованные «Правила», без указания пунктов этих правил и, разумеется, без цитат. Конечно же, ни дату происшедшего заседания комиссии, ни номер протокола узнать при этом было нельзя. Если при этом попадался какой-то неугомонный оптимист, подававший, вслед за тем, заявление непосредственно на имя председателя комиссии Лужкова, то получал опять-таки тот же ответ из Паспортного управления. И – не иначе.

Но ведь не могла же комиссия Лужкова давать одни отказы? Разумеется. Во-первых, те заявления, которые подавались в Паспортное управление, комиссией не рассматривались вообще: у Паспортного управления были негласные полномочия давать отказы от ее имени! Во-вторых, та же судьбы постигала заявителей и на следующей стадии – когда они подавали заявления на имя Лужкова – их заявления так же шли прямыми в Паспортное управление для отказа. Реально комиссия Лужкова (без его, разумеется, непосредственного участия) рассматривала вопросы чьей-либо прописки по ходатайствам. И давала согласие опять-таки в супер исключительных случаях. Зато когда клиент шел от «своих»...

Из приведенных фактов можно сделать один очень простой вывод: положительно решать вопрос о чьей-либо прописке в Москве в таких условиях быстро и эффективно могла лишь узкая группа очень влиятельных лиц. И без какого-либо риска извлекать из такого положения корысть в разных приятных формах: деньгах, ответных услугах, влиянии...

Одно время, однако, казалось, что у нашего правдома начались трудности на его любимом поприще – решать, кому жить в Москве, а кому учиться жизни: вдруг прописку признали незаконной, а жилье при этом разрешили свободно покупать. У кого хочешь опустили бы руки, но не у Лужкова. Решение Комитета конституционного надзора СССР было полностью им проигнорировано – слава возникшему вскоре противостоянию республики и центра. Основываясь на этом успешном опыте, Лужков и в даль-

нейшем использовал политические конфликты для решения своих «хозяйственных» задач на излюбленную тему. Так, кризис весны 1993 года был использован им для реализации в Москве чудовищной по сути идеи: взимания временной оплаты с приезжих. Наши «демократы» (те, в частности, которые в нынешнем «правом деле» так дружно изобличают бывшего союзника) даже не поморщились! Еще бы, «коммунофашизм» покусился на святое! На Президента! До пустяков ли тут...

Следующий кризис – октябрьский переворот 93-го года, в котором Лужков оч-ч-ень помог нашей демократии (бандитским ОМО-Ном и натуральными солнцевскими, съехавшимися на защиту мэрии) – еще с большей пользой был им употреблен. Его распоряжением от 5 ноября в Москве был введен «Особый порядок пребывания в Москве... граждан, постоянно проживающих за пределами России». В нем опять – временная оплата с «иностранцев» (минимальная зарплата за каждые 10 дней), поскольку весенний «наезд» приостановили было эти гнусные Советы, благо теперь распущенные... Заодно было утверждено и «Положение о порядке выдворения граждан, нарушающих особый порядок пребывания...». Этот «временный» «особый порядок» действует, разумеется, и поныне. Ах, какими королями заходили «правоподрядчики» с дубьем по Киевскому рынку! Какими иномарками обзавелись сержанты, правоподрядствующие на рынке в Лужниках! Интересно, какой процент от их мздоимства они отстегивают наверх? Тем, кто с серьезным видом доказывал нам все эти годы, что все это – для борьбы с преступностью... Только даже лукавая милицмейская статистика что-то не смогла эти предполагаемые успехи отразить! Ну да много ли баранам надо объяснений? Пусть радуются, что не их стригут...

Ну и, наконец, последний удар по тем, кто хотел бы хоть как-то и хоть в чем-то обойти всеведующего нашего управдома. В мае 94-го принимается постановление правительства Москвы «О сборе с граждан, прибывающих на жительство в г.Москву». О, горе вам, граждане, которые «приобретают в собственность жилую площадь, находящуюся в г. Москве, в результате чего эти лица фактически проживают в Москве без регистрации (прописки)»! Теперь вам, если вы, не дай бог, иностранцы, придется раскошелиться. Как, у вас нет денег? Тогда извините, не получится у вас поселить-

ся в Москве, даже если там есть ваша собственная квартира! А что вы думали, заплатите 30 тысяч долларов и будете жить в Москве? Черта с два! Заплатите-ка еще 65 тысяч за прописку...

Я так и вижу читателя моего «Дневника», застывшего над этой цифрой в тупом недоумении. Ты прав, мой читатель, благодаря падению рубля и стабильности минимальной зарплаты теперь этот 5000-кратный ее размер равен «всего» около 17 тысяч долларов, кому-то «повезло»!.. Ах, вы слышали, что этот сбор отменен? Да, но только не для иностранцев!

Если же ты, читатель, внимательно следил за моей мыслью, то вправе поинтересоваться: ну, а тут-то в чем может быть корысть для известных «заинтересованных лиц»? Грубо говоря, тут-то где почва для взяток? О, наивные! Вот вам пример. Некто иностранец хочет жить в Москве, но не хочет платить за это двойную цену. Что он, по наивности, делает? Вступает в фиктивный брак (хорошо заплатив, разумеется) и прописывается к жене (это происходит без сбора). Затем он покупает квартиру и подает документы на прописку, полагая, по наивности, что теперь-то он не является «прибывшим на проживание» поскольку уже живет и прописан в Москве. Но зам по паспортной работе выдает «извещение» об отказе: «не в его компетенции» и – предлагает обращаться в Паспортное управление г.Москвы. Иностранец идет в ПУ, где ему популярно объясняют, что вряд ли чем ему смогут помочь, так как его вопрос существующим законодательством якобы «не регламентирован», а платить сбор он, значит, не хочет... Да-да, любая ситуация с пропиской иностранца «на собственность» определяется как «не регламентированная» и решается по усмотрению работников Паспортного управления... А вы как думали?

Впрочем, позвольте предоставить слово одной из жертв описанного «правового» бандитизма. Это – отрывок из искового заявления.

«В июне 1994г. я выписался из своей, принадлежащей мне по договору приватизации указанной квартиры, в которой я был прописан и проживал вместе со своими тремя несовершеннолетними детьми, в связи с выездом на постоянное место жительства в Израиль (выписка является необходимым условием такого выезда). Пробыв за границей менее 5 месяцев, я вернулся в декабре 1994г. в Россию с целью, как я указывал в

соответствующих документах УВИР г. Москвы, проживания в собственной приватизированной квартире. Зарегистрировавшись по указанному месту жительства у паспортиста УВИР в ОВД «Нижегородский» ЮВАО г. Москвы, я немедленно подал в УВИР г. Москвы необходимые документы для получения вида на жительство в России (я не являюсь гражданином России с 25 августа 1993 г., отказавшись от признания моего российского гражданства в соответствии со ст. 13 Закона РСФСР «О гражданстве РСФСР»). В процессе приема документов, УВИР поставил меня в известность, что так как вопрос выдачи вида на жительство связывается по специально выработанным правилам с возможностью постоянной прописки в г. Москве, осуществляемой в соответствии с вышеупомянутым Положением «О едином порядке...», то я имею право лишь на прописку к своей жене /.../ (по вышеуказанному адресу моей нынешней прописки: /.../. Не имея никакой реальной возможности оспаривать правомочность такого подхода (в силу временности моего тогдашнего статуса пребывания в России с ограниченной возможностью продления визы) и принимая во внимание то, что после прописки в г. Москве я без каких-либо проблем имел бы право перепрописаться в указанную собственную квартиру в порядке оформления моей прописки территориальным ОВД – согласно пункту 1 подпункту 1.13 того же Положения «О едином порядке...», – я вынужден был согласиться на прописку меня на жилплощадь моей жены по вышеуказанному адресу.

Однако, пока тянулось полгода оформление моего вида на жительство, в указанное Положение «О едином порядке...» постановлением Правительства Москвы № 393-14 от 3 мая 1995 г. были внесены изменения, которые, в результате, сделали невозможной мою перепрописку в порядке оформления в соответствии с пунктом 1 Положения, так как в его подпункте 1.12 (соответствующем подпункту 1.13 предыдущей редакции) термин «граждане» был заменен на «граждане России» (единственное изменение данного подпункта). Это обнаружилось, когда в ответ на мое обращение на следующий же после прописки по адресу жены день за разрешением на прописку по вышеуказанному адресу своей квартиры, начальник паспортного стола ОВД «Нижегородский» отказал мне 18 августа 1995 г. в

прописке и направил меня для рассмотрения вопроса в Паспортное управление ГУВД г. Москвы. /.../

24 августа я пришел на прием к инспектору Паспортного управления ГУВД г. Москвы Каратеевой Г.П., которой было передано ведение моего дела. На приеме я предъявил свой вид на жительство с отметкой о разрешении проживания в г. Москве и пропиской по адресу места жительства моей жены и сдал требуемые существующими нормативными актами для рассмотрения вопроса о прописке следующие документы:

- заявление начальнику ОВД «Нижегородский» г. Москвы с просьбой о прописке;
- извещение о рассмотрении вопроса из ОВД «Нижегородский»;
- копию договора приватизации (предъявив оригинал);
- копию финансового лицевого счета и выписку из домовой книги по адресу, куда я хотел прописаться;
- копию финансового лицевого счета и выписку из домовой книги по адресу моей нынешней прописки;
- копии свидетельств о рождении всех троих прописанных с рожденья на моей жилплощади моих несовершеннолетних детей от своего настоящего и предыдущего браков (с предъявлением оригиналов);
- копию свидетельства о браке (с предъявлением оригинала).

(Все указанные документы хранятся в моем деле в Паспортном управлении и могут быть предоставлены им суду по его требованию.)

Кроме этих документов, инспектор Каратеева потребовала от меня не предусмотренные никакими нормативными актами заявления обеих моих жен о... их согласии на мою прописку в собственную приватизированную квартиру, где они не прописаны и в которой я проживал и был прописан с момента вселения в 1981 г. за исключением одного последнего года! Инспектор мотивировала свое требование тем, что матери детей, как и я, являются опекунами детей.

Я категорически отказался предоставлять такие заявления так как: а) они не предусмотрены ни одним из существующих нормативных актов; б) моя прописка в находящуюся в моей собственности квартиру не является сделкой т.к. не устанавливает, не изменяет и не прекращает гражданских прав и обя-

занностей (ст. 153 Гражданского Кодекса РФ) ни моих собственных, ни прав моих детей, а потому не может быть обусловлена согласием опекунов /.../ Мой отказ удовлетворить незаконное, по моему мнению, и унижительное для меня требование Паспортного управления явился, как видно из вышеуказанного извещения Паспортного управления, основанием, которое я также считаю незаконным, для отказа мне в прописке».

Но ведь это открыто издевательское требование к заявителю о предоставлении согласий матерей могло и не возникнуть... Не правда ли? Господа москвичи, неужели и после этого документа вы поверите, что полковник Шебалдин, отказавший заявителю в приведенном примере, действительно озабочен вашей безопасностью, обосновывая ею очередные бандитские меры очередного бессрочного «особого положения», теперь уже и для россиян (именно этим он занимался на днях в передаче «Слушается дело», посвященной регистрации по-московски)?

Надо сказать, что москвичи действительно ужасно наивны. Многие горячо поддерживают борьбу нашего управдома с напором восточного населения (и он умело этим пользуется!). Правда, иногда в душах их сгущаются призраки сомнений. Уж больно, право, странно: такая глубоко эшелонированная оборона, что своих-то родственников еле-еле бывало регистрируешь, а как, не дай бог, еще самому приспичит переписать из Москвы в Москву же – так измудохаешься весь. На все, однако, согласишься, если будет от этого гореть земля под ногами зловредных пришельцев! И вроде бы горит земля, а пришельцам хоть бы что: колосятся еще тучнее! В чем же тут дело? А дело в том, что восточное поголовье ценнейшее сырье в руках умелого хозяйчика! Знают что от них требуется, все сами как надо сделают, лишь бы им в Москве жить; а ущерб-то они свой всегда с тех же москвичей компенсируют. Чеченская мафия, азербайджанская – все это очень порядочные и полезные в хозяйстве животные, не хуже солнцевских. Конечно, все они давно прописаны, конечно, не они ездят в метро, где на каждом шагу – шмон. Ну, а голь перекатную, что по рынкам и стройкам шабашит – их можно всегда, когда понадобится, и в нарушители, и в преступники определить, тем более, что этого так ждут любящие избиратели. Такая вот идет селекция «южан»: сумел вписаться в мафиозную систему, скрепленную снизу доверху

и справа налево взяткой, – живи, не сумел, – будь здоров. А вы как думали, все это бесчисленное регистрирование, лицензирование, аккредитирование, акцизные марки, бесчисленные разрешения, согласования и визы – это для того, чтобы вас от неприятностей ограждать? Кого-нибудь они оградили, вы слышали? Нет, это все детали единого механизма, все подчиняющего высшей «хозяйственной» цели: поддержанию пирамиды единственно у нас реальной и неуязвимой мафиозной власти, сцементированной круговой порукой, высасывающей все соки из нации и перемалывающей все идеалы.

В том, что «простые москвичи» чудовищно наивны и совершенно не готовы трезво видеть, во что, собственно, превращает их город земляк-управдом, я знаю давно (разве что насчет его хозяйственного беззакония и произвола уже нет иллюзий у тех, кто пытался вести некриминальный бизнес в первые года его власти). Но лишний раз с горечью убедился в этом в эти трагические недели после взрывов. Я еще могу понять жителей Печатников и Нагатинского затона: в их шоковом состоянии ночные дежурства были естественным успокоительным. Но ведь и в Беляево активно включились в эту подкинутую властями унижительную игру. Что-то вроде ловли шпионов в сталинщину. Не суетитесь, «дорогие мои москвичи»! Никого вы не найдете, ничего не предотвратите пока в вашем городе, равно как и в стране, правит мафиозная власть: эти взрывы ее рук дело. Ваши жизни – мелкая разменная монета в их межклановых разборках.

Система, созданная Лужковым, уже им не контролируется; она зажила по своим собственным законам. Та селекция, которую проводила эта система над пришельцами, дала и те всходы, которые управдомный мозг уж никак не мог предвидеть. И вот посреди победных фанфар вдруг начинают сами рушиться еще не достроенные дома на Мичуринском; а про которые еще не рушатся вдруг выясняется, случайно, что чуть ли не из картона... То вдруг скандалы с фирмами, от имени правительства Москвы обобравшими москвичей-инвесторов... А теперь вот такой конфуз: подвалы, которые с такой выгодой были розданы «вписавшимся» пришельцам вдруг оказались «с начинкой»! Ну и поплатятся же за это «козлы»! (Это такая восточная притча. Задавило, случайно стадо слонов отбившегося от стаи львенка. Учинил лев розыск. «Так слоны, гово-

ришь, – задумчиво произнес он, услышав правду. – Нет, это сделали козлы! И они дорого за это заплатят!»)

А ведь вы, образованные мои, воодушевленные новым починком управдома, помните, наверняка, этот отрывок из «Завтрака для чемпионов» Воннегута.

«На заводе “Бэрритрон” никто понятия не имел, что их отходы попадают в Сахарную речку. Эта фирма заключила контракт со строительной фирмой “Братья Маритимо”, которой заправляли гангстеры, чтобы те построили им очистительную установку для уничтожения отходов. Фирма знала, что строительной компанией заправляют гангстеры. Все об этом знали. Но обычно “Братья Маритимо” были лучшими строителями в городе... Но вдруг они делали что-нибудь невообразимо преступное. Примером мог служить очистительный комплекс фирмы “Бэрритрон”».

Так чего же вы, собственно, ожидали от тех же гангстерских компаний, выпестованных Лужковым?

Нет, мафией уже никакой управдом управлять не в состоянии. Но зато к его услугам – любые методы и средства для подавления любых признаков независимости, инакомыслия и свободы его выражения. ГУВД, Мосгорсуд – это средства узаконивания произвола и сокрытия преступлений московского клана; карманная Дума – для отвлекающего процедурного антуража и демпфирования поползновений «снизу»; канал ТВЦ с его чудовищной ангажированностью, ложью и демагогией – для промывки мозгов и дрессировки путем игры на стадных инстинктах. И вот этот-то канал, который является некой моделью будущего рупора государственной пропаганды, и станет, судя по всему, «источником права» по-лужковски, в форме «пожеланий трудящихся». Пока он только готовится к этой роли, только создает «виртуальную реальность» мегаполиса, созидającego в «общем порыве» материальные и духовные ценности под руководством мудрого и рачительного хозяина города. Конечно, у него пока немало завистливых врагов. Но москвичей-то уж им не обмануть: послушайте-ка всех этих совершенно случайных прохожих, возмущенных кампаниями против мэра!

Но это, повторяю, только начало. И если слова «пожелания трудящихся» употреблены мною в ироническом значении, то «общий порыв» – это уже цитата. Именно в такой терминологии возражал

17 сентября ведущий передачи «В центре событий» Дм. Киселев Конституционному судье Гадису Гаджиеву, осмелившемуся заявить, что распоряжение нашего управдома о введении очередного «особого режима» антиконституционно и не должно исполняться. «Вы подрываете общий порыв», – вот дословный аргумент ведущего.

Сейчас «общий порыв» – просто тенденция. Которая, после избрания Лужкова президентом, станет формой существования белковой материи. На оруэлловском «скотском хуторе», бывшем когда-то государством.

октябрь 1999 г.

<http://www.nelegal.ru/archive/hutor.html>

«Скромное обаяние» в эпоху свободы вони

Несчастливым днем 14 августа поехал я в Ленинку посмотреть одну книжечку. (Эх, Ленинка-Ленинка, до какого же убожества докатилась ты со времен – не то что «Пашкова дома» Н. Шмелева – с тех времен, когда я сам, бывало, проводил там дни в упоительных поисках осколков и крупиц, по которым иногда складывалась какая-нибудь удивительная находка, погребенная было под мусором лжи и мифотворчества...) Пока ждал ее (но все равно не дождался), зашел (впервые) в торговый центр на Манежной, где мертвые павильоны с живыми продавцами напоминали оранжереи. Потом вернулся, пока оставалось время до получения книжки, решил посмотреть журналы. Удивительное зрелище являли собой стеллажи открытого доступа в зале периодики! Большинство мест просто пустовало, включая, что особенно удивительно, почти все места «толстых» литжурналов; другие же были заняты выпусками за 1997 год, за который, по правилам, в зале периодики вообще ничего не должно было уже быть.

Впрочем, журнал «Октябрь» имелся аж за 10 месяцев прошлого, 1998 года; последний, 10-й, я и решил посмотреть.

Посмотрел. Потом просмотрел. И невольно обратил внимание на заголовок «Жизнь Клим Самгина». Да и как не обратить: заголовок ведь был без кавычек, а авторствовал при этом отнюдь не Горький, а известный Вячеслав Курицын. Как не польститься на такой провокативный заход!

Впрочем, причина моего внимания была, видимо, не только в этом.

Встречал я прошлое Рождество у своего доброго знакомого З., и показал он мне некое свежее издание – «Энциклопедию литературного героя», в которой и сам весьма прибыльно поучаствовал. К большому его сожалению, издание это, замышлявшееся строго

научным, получилось по тем или иным причинам не вполне таким. Мне же сразу резанула глаз странная, скажем так, пестрота этих самых литературных героев. Какие-то в высшей степени второстепенные фигуры словно брали реванш у фигур знаковых. «Ну, вот есть ли, например, там Клим Самгин?» – спросил я З. «Должен быть», – уверенно заявил тот. Однако Клим Самгин в энциклопедии не было...

Позднее, возвращаясь в памяти к этому эпизоду, я понял, что дело тут не совсем, или даже совсем не в небрежности редакторов. Ведь еще в период «прорабов перестройки» Горький был подвергнут яростному уничтожению как продажный пособник сталинизма, в лучшем случае – как сдуревший от официальной лести ма-разматик. Позднее, расправа приняла более гуманитарные формы: ну, например, братва от филологии просто не допустила никаких традиционных мероприятий в связи с его юбилейными датами...

Итак, я стал-таки читать. *«Собрались мы с женой на пару недель к друзьям в деревню. Хорошо бы, думаю, прочесть, лежа на сеновале, какой-нибудь толстый русский роман. Скажем, четыре тома “Жизни Клим Самгина”». Ну, ничего оригинального, далее, как и можно было бы догадаться, не происходит. Для чего нужно патентованному постмодернисту на отдыхе «погружаться в жизнь одиозного Клим»? Поглумиться над тем, что выше и чище, пройтись победителем по некогда чтимым недоразвитыми предками костям, являя при этом образ «славной неторопливости» «которая единственно и составляет цель и смысл жизни всякого порядочного русского писателя». «По последнему поводу, впрочем, у многих были и есть совсем иные мнения. Поскольку “Жизнь Клим Самгина” посвящена интеллигенции, постольку с самого начала остро вскакивает проблема народа и соответствующей ответственности гуманитария. “Большинство интеллигентов обязано приносить силы свои в жертву народу”, – говорил отец Клим, и у меня отлегло от сердца: да, большинство, но, слава Господу милосердному, не все. Может быть, я-то как раз и не обязан».*

Конечно, вчитываться в это – все равно что входить в загаженный подъезд: так же противно и так же, увы, привычно. Как известно, захватив Зимний, солдатня испражнялась не в предназначенных для этого, вполне исправных и удобных местах, а нарочито – в предметах искусства. Так и Курицыну, чтобы поймать

кайф неслыханной вседозволенности, недостаточно было пресного отправления естественных надобностей в «Матадоре», «Медведе», «Русском телеграфе» и прочих соответствующих местах; нет, только в «Октябре» – поверх всех этих Гроссманов и Солженицыных, да чтоб еще вензелем «порядочного русского писателя». Но ничего, повторяю, феноменального; да и хотел бы Курицын принести чего в жертву народу – все равно была бы моча: она у наших постмодернистов за кровь сходит.

Но Курицына я недооценил. Недооценил я Курицына, и был за свое благодушие наказан.

Не совсем, оказывается, Курицын против жертв, и даже совсем не.

«Сто лет спустя я, признаться, не страдаю оттого, что имею возможность провести отпуск где хочу и когда хочу, а мой соотечественник шахтер режет вены, не имея возможности купить детям хлеба. Во-первых, это в лучшем случае бесполезно. Во-вторых, наблюдая за тем, как двадцать процентов населения страны – слабые, больные, старые и просто несчастные – жестоко выдавливаются из жизни в зашивленный подвал и неглубокую могилу, учишься быть честнее: значит, эта лодка не вынесла сейчас больше народу, и следует заботиться не о чужих далеких, а о своих – о тех, кто вокруг. В-третьих, есть хорошая прививка от социальных страданий: представить на секунду, что тебя не стало», – и т.д., т.д., т.д... .

Я бежал из Ленинки чуть не плача и повторяя как безумный: «Вонь! Вонь!! Вонь!!!»

За что, Господи? Неужели мало нам еще было унижений, и надо было позволить этой карикатуре на образ твой навонять нам поднос? Этому лоснящемуся от самодовольства чесателю пяток бюджетных воров? Купленного ими на корню и готового для них на любое людоедство – ради «своих», разумеется?

И Господь услышал.

Он сказал (Веничкиным голосом): «Аль ты забыл, убогонький, в каком месяце попивал на сеновале водочку с шампанским мочесеятель сей благостный? Аль не заметил, что не дотерзал он Климушку и продолжение сего мучительства обещал в следующем номере?»

Хлопнул я себя по лбу, бросился снова в Ленинку и заказал аж все последующие номера.

Но не было, не было в них продолжения...

Впрочем, существо по фамилии Курицын в следующем же номере было; но куда подевалась его сеновальная благостность, «славная неторопливость»? Да уж не пародирует ли он письмо какого-нибудь пикетчика-шахтера с Аничкова моста в свою никому не нужную Воркуту: *«Я пишу эти строки в конце сентября. В Москве ветрено. Пошла пятая неделя посткириенковской эпохи»*. Нет, это явно не пародия: *«Но как мы из сытой Москвы не замечаем, что вымирают на окраине империи целыми деревнями, так и большая страна не заметит, как лишится своего будущего»*. – Но позвольте, ведь еще в предыдущем номере вымирание то было признано естественным, что же неестественного в том, что вымирающие не заметят какого-то не относящегося к ним «будущего»? – *«Именно эти офисные мальчики и девочки... молодые да ранние – именно в их лице мы имели надежду новой России»*. – Кто «мы»? Сами создатели, певцы и обитатели рухнувшей в одночасье виртуальной реальности, спокойно умервщляющие под очередное «будущее» «большой страны» эту самую страну? – *«Это из них могли появиться менеджеры нового народного хозяйства, люди с другим сознанием, нежели у красной дряни, новорусской вони и совковой пьяни»*...

Когда я прочел про «народное хозяйство», я поймал себя на том, что всерьез анализирую заурядный параноидальный бред осатаневшего «обманутого вкладчика» какой-нибудь пирамиды. Особая пикантность была в том, что, несмотря на отчетливо обличительный тон, предполагаемые виновники катаклизма (а заодно и губители шахтеров) назывались «они» – в противоположность «нам» – понадеявшимся на офисных мальчиков (и девочек, кстати)... Словом – тоскливый вой на Луну собаки, получившей вдруг от хозяина вместо сытной косточки – по зубам. Или, как в «Мастере»: получив подносом по голове, повелительно мычавший над лососиной «симпатичный иностранец» («Кароши – люблю, плохой – нет»), вдруг вскричал «на чисто русском языке, без признаков какого-либо акцента»: «Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают!...»

В общем, не дали зловердные «они» жизни офисным мальчикам, задавили такие прекрасные для всех «порядочных русских писателей» «реформы», когда только и оставалось немного подождать окончания естественного вымирания всех этих неудачни-

ков – шахтеров, крестьян, а значит и лишних учителей, врачей... О, «Русский телеграф», где так исправно платили «за буржуазность» несчетные серебреники! Неужто это был лишь мимолетный бриллиантовый мираж?..

Затаился Курицын, спрятал покуда свои буржуазные клыки, пестует в «Октябре» «молодых да ранних»...

Вы только свистнете вновь, господа буржуины, уж «себя не заставит он ждать», какая уж тут «славная неторопливость»!..

август 1999 г.

http://margulev.narod.ru/dnevnik_idealista/dnevnik2.html

Убийство Пушкина

А про убийство Пушкина мы ничего не знаем и даже не знаем, кто это. Напиши.

Из частного письма автору¹

Я пишу это 3 марта 2000 года.

Веничка выблеывал действительность чтением Евангелия. Потом – «Москвой- Петушками». Сейчас Евангелие уже не помогает; Слово потускнело, изнасилованное новыми фарисеями. Я пытаюсь выблевать нечистоты, захлестывающие меня через глаза и уши. О этот сатанинский оскал со всех сторон, сатанинский хохот!

Иногда мне кажется, что все это мой бред, галлюцинация. Живых людей со связанными за спиной руками забрасывают, как бревна, в кузов грузовика... А мертвых, привязав за веревку, волокут грузовиком по непролазной грязи к огромной общей яме. Это просто хроника. Никто из военных, из «интеллигентов» не бросает власти назад ее подлые награды. Никто из солженицыных и аверинцевых не проклянет ее прилюдно.

У солдат, делающих все это, есть не только приказ генерала Шаманова. У них еще есть кресты на шеях. Их всех благославили священники «на ратный подвиг».

Огромное число передач о «криминале». Вот банда с Брянщины. Ловила парочки, заехавшие на машинах в лес. Помните «Забытую мелодию для флейты»? Закрыв лица масками, новые «друзинники» истязали несчастных, а затем, облив бензином, сжигали заживо.

А вот просто «приколы». Там – воровали людей, чтобы они жили в яме и работали (нет, это я не про Чечню). А там – чтобы их есть. Очень удобно: отрезаешь ногу и ешь, а остальное мясо не

¹ Пушкин Алексей Юрьевич – коллега автора по Лицею «Вторая школа» в период 1994 – 19.01.2000.

портится. Можно еще отрезать.

Вот журналистка гневается на ведущих «Времечка» за их цинизм. А чем еще организму защитить себя от всего этого? А уйти с этого позорного дела – так ведь семья... Другие-то, вон, не уходят, почему я должен уходить? Кто это оценит, кому я буду нужен?

А может быть я просто болен? Как Иванушка Бездомный после того, как на его глазах убили человека. У меня на глазах тоже убили человека. А может и не на глазах, но я это вижу.

УБИЙЦА СЕМЬИ СПРЯТАЛ ТРУПЫ ПОД ДИВАНЫ

Садистское убийство семьи из трех человек было совершено в конце недели на Профсоюзной улице. Изувер не пощадил даже 11-летнего мальчика. Ребенка и его мать подонок задушил, главу семейства зарезал, а трупы, чтобы выиграть время, спрятал... под диваны. Расчет убийцы оправдался: погибших нашли не сразу, и преступник, видимо, успел покинуть Москву.

Как сообщили «МК» в прокуратуре Юго-Западного округа столицы, жертвой негодяя стали 33-летняя женщина, большая поклонница авторских песен, участница многочисленных слетов бардов, ее младший сын и сожитель. Дама уже дважды была замужем, оба раза неудачно, а два года назад связала свою жизнь с преподавателем информатики в колледже. Официально они не оформили свои отношения, но жили дружно; в их квартире, куда женщина с детьми переехала в 1996-м, постоянно собирались веселые компании, непременным атрибутом всех вечеринок была гитара... Возможно, именно поэтому соседи привыкли к шуму за стеной и, когда несчастных убивали, не обратили внимания на крики, если таковые и были.

Одну из комнат трехкомнатной квартиры хозяйка сдавала молодому человеку, и именно он в ночь на субботу обнаружил трупы. Парень потерял ключ от входной двери и никак не мог попасть домой: на звонки никто не отвечал. Встревоженный жилец разыскал второго мужа квартирной хозяйки, с которым она поддерживала отношения и после развода. С его помощью постоялец наконец вскрыл дверь. Поначалу он решил, что квартира пуста, но потом пригляделся к своей кровати и обомлел от ужаса: из-под дивана торчала мужская рука... Примчавшиеся милиционеры обыскали все комнаты и обнаружили, что под каждым диваном спрятано по трупу. По данным экспертизы,

первыми погибли хозяйка и ее младший сын (старший постоянно жил у бабушки). Преступник удавил их, спрятал под диваны, а через некоторое время домой пришел учитель. Педагога жестоко избили, потом несколько раз ударили ножом...

Тела бандит спрятал специально – в надежде, что их найдут не скоро. Увы, так и вышло: на службе преподавателя хватились только на второй день, о мальчике же в школе вообще не вспомнили.

Оперативники полагают, что убийство совершил кто-то из постоянных гостей семьи.

Этот человек знал, что хозяйка недавно продала дом и участок под Москвой за 45 тысяч долларов. Женщину и мальчика он убил как ненужных свидетелей, а из учителя рассчитывал выбить сведения о том, где находится тайник. Негодяю было невдомек, что покойная не решилась хранить дома такую большую сумму. В итоге он ушел несолоно хлебавши.

«МК», 24 января 2000 г.

Вот, собственно, и все. Нет, не совсем. Фамилия учителя была Пушкин.

А на экране – раздавленная женщина. Ее сбила машина и скрылась. Через некоторое время, ее, еще живую, переехала другая машина и тоже скрылась. Следующий кадр – сбитый насмерть, прямо на пешеходном переходе, мужчина. Машина скрылась. Это – сегодняшний «Дорожный патруль».

А вот опять Грозный. Фантастический пейзаж. Так в фильмах ужасов изображали цивилизацию после атомной войны. Сталинград и Дрезден – просто голливудские декорации рядом с ним. Сейчас его снова будут «зачищать», в отместку за поражения – о нет, совсем не натовские «жвачные животные» – православные. Они будут убивать стариков, женщин и детей не по ошибке, за которую имел глупость извиняться «лицемерный» Джейми Шеа, нет! Они будут делать это потому, что этого от них ждут все – допропорядочные граждане и телеведущие, тетеньки с рынка и правоверные борцы с западной бездуховностью...

Ложь победила. Православие мертво. Его добили вместе с Пушкиным, 19 января, в Крещение.

http://margulev.narod.ru/dnevnik_idealista/dnevnik6.html

Имитационное государство Россия

Проблема соотношения государства и права в приложении к реальному социально-политическому состоянию современной России, может быть наглядно отражена в сопоставлении следующих двух фактов.

С одной стороны, Конституция РФ вот уже более 14 лет определяет Россию как «демократическое» и «правовое государство с республиканской формой правления» (статья 1). А с другой стороны – по опросу общественного мнения накануне вот уже 4-х по счету очередных выборов президента этого «демократического» и «правового» государства на вопрос: «От кого и отчего, на ваш взгляд, зависит, кто будет следующим президентом России?»¹, – абсолютное большинство (64%) указывает на... действующего президента, его администрацию и окружение! А на волю самого избирателя указывают всего 19% опрошенных (второе место)...

Из этого сопоставления сразу можно сделать следующий вывод: Россия представляет собой государство не просто неправовое и недемократическое, но и имитационное, т.е. такое, в котором источник и механизм реального бесправия граждан тщательно маскируется и охраняется авторитарным режимом.

Государство как корпорация

Между тем, проблема этого соотношения в отдельные моменты истории может оказаться решающей для судьбы всей цивилизации – как это показала история гитлеровской Германии и сталинского СССР. Поэтому важно при всей противоречивости этой про-

¹ Опрос общественного мнения был выполнен по заказу Радио Свобода сотрудниками Аналитического Центра Юрия Левады при участии компании InterMedia Survey Institute, США с 18 по 22 января 2008 года... Статистическая ошибка данных не превышает $\pm 1,7\%$ (<http://www.svobodanews.ru/Article/2008/02/05/20080205142922043.html>).

блемы «отсечь» заведомо негодные принципы реформирования государства, могущие привести к рецидивам тотальной античеловечности. Это вопрос приобретает особую остроту на нынешнем этапе существования государства Россия.

Есть такой старый анекдот о том, как на военном предприятии решили сделать швейную машинку, а все равно получился пулемет... Российская государственность являет собой образ вот такого «военного завода», постоянно демонстрирующего во всех своих реформах колоссальную зависимость от своей исторической траектории, своей «колеи». Эту особенность отмечал еще русский мыслитель Георгий Федотов («Россия и свобода»², 1945):

«...Прошлое России как будто не дает оснований для оптимизма. В течение многих веков Россия была самой деспотической монархией в Европе. Ее конституционный – и какой хилый! – режим длился всего одиннадцать лет; ее демократия – и то скорее в смысле провозглашения принципов, чем их осуществления – каких-нибудь восемь месяцев. Едва освободившись от царя, народ, пусть недобровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы. При таких условиях можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм – или фашистскую “демотию” – из своего национального духа или своей геополитической судьбы; более того, в деспотизме всего легче осуществляет свое историческое призвание», – и последующая история лишней раз подтвердила эти наблюдения.

Крепостничество в сочетании с самодержавием – такова 500-летняя инварианта этой траектории, причем и развитие образования, и социально-экономический прогресс оказались бессильны против воспроизводства во всех отечественных модернизациях этих элементов деспотии.

Последняя модернизация, проводившаяся по западным лекалам, тоже не смогла вывести Россию из этой колеи, как можно судить и по крепостным «зонам», где принудительно отработывают наказание сотни тысяч жертв социально несправедливого «правового» государства, и по армии, конвертирующей традиционное бесправие военной службы в полуплебальный рабский труд, и по

² Г.П.Федотов, «Судьба и грехи России», том 2, Санкт-Петербург, Издательство «София», 1992, с. 276-303.

миллионам гастарбайтеров, сознательно, «правовыми» методами удерживающимися в бесправном нелегальном состоянии с целью неограниченной эксплуатации. И это состояние тотального бесправия существенной части социума поддерживается властной чиновничьей пирамидой во главе с «самодержцем» – президентом, воля которого не ограничена никакими противовесами.

Что же представляет собой нынешнее российское государство переходного периода, определенное нами ранее как «имитационное»?

Автор современного вузовского учебника, обходя прямое отождествление (выходящее за рамки предмета), так описал этот феномен под рубрикой «Имитационное государство: научная гипотеза или социальный факт? Проблема формирования эффективного государства в современной России»:

«Имитационным следует считать государство, деятельность и фактическая результативность которого противоречат его социальному предназначению... Имитационное государство стремится сохранить «имидж» цивилизованного государства, приверженность правовому демократическому государству. Внешние признаки такого государства закрепляются в национальных конституциях. Однако практическая деятельность государства имитирует их выполнение. Формальное разделение властей и деятельность государства свидетельствуют об имитации такого разделения, поскольку реальная власть концентрируется в руках элиты, чьи интересы представляет и реализует государство. Государственная воля, выраженная в законах или актах правительства, а зачастую через решения органов судебной власти, и есть воля элиты... Имитационное государство допускает принятие внешне демократических законов, выражающих не эти корпоративные интересы, а общую волю. Однако поскольку реальная власть (сила государства) принадлежит исполнительным структурам, это позволяет безболезненно блокировать действие таких законов, подменяя их актами исполнительных органов власти. Имитационное государство – это всегда государство корпоративное. Провозглашаемые им реформы носят декларативный (необязательный) характер. К тому же они полностью подчинены сохранению, упорядочению и развитию власти господствующей элиты. Борьба с преступностью, реформирование правоохранительных

органов судебная реформа осуществляются в той ере, в какой это выгодно господствующему слою. /.../

В отличие от тоталитарного государства имитационное государство допускает деятельность демократических институтов, оппозиции, СМИ и т.д. Однако эти институты имитируют режим подлинной демократии, поскольку не затрагивают интересов элиты. /.../

Социальный вред имитационного государства очевиден: оно поставлено на службу узкому кругу людей, имеющих прямое или опосредованное отношение к власти имущим. Общая польза и общий интерес в деятельности такого государства носят исключительно декоративный характер. Задачей первоочередной важности административной реформы должно стать освобождение государственной системы от присущих ей качеств имитационного государства»¹.

Понятно, что задача эта была изначально невыполнима именно в силу имитационной природы современной российской государственности. Как пишет в статье «Итоги года: Конец стабильности» д.э.н., директор Института проблем глобализации М. Делягин,

«для перемен нужно иное государство. Правящая же нами бюрократия, эта новая, силовая олигархия, рассматривает Россию в лучшем случае как “трофейное пространство”, и все насажденные разговоры о патриотизме в ее уста – не более чем ритуальная формула, предваряющая вывод в феешенебельные страны очередного кровного миллиарда. Занятая переделом политических и коммерческих активов и все более мельчающими интригами, она органически не способна к управлению, и потому неминуемо опрокинет Россию в жестокий системный кризис, в котором и сгинет. Либо одна, либо вместе с Россией»².

Анализ экономико-политических реалий современной России³ позволяет сделать вывод, что в настоящий момент власть в России представляет собой многоклановую корпорацию по эксплуатации выморочной собственности – земельных и других природных ресурсов этого «трофейного пространства».

¹ Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2007. С. 117-118.

² Ежедневный журнал. – <http://ej.ru/?a=note&id=7683>.

³ См., например: Б. Немцов, В. Милов. Независимый экспертный доклад «Путин. Итоги». – М.: Новая газета, 2008.

Основной системной ценностью и мерой «служебного соответствия» этой корпорации является лично-клановая преданность в порядке подчиненности снизу доверху. Все присущие правовому государству «общественного договора» «обратные связи» влияния общества на власть либо обрезаны (уничтожением свободных СМИ и независимого суда), либо имитируются подконтрольными структурами.

Характеристические признаки государства хотя и наличествуют, но за ними стоит иное реальное содержание. Так, хотя видимой целью правовой системы такого «государства» и является социальное регулирование, но совсем не в интересах общества, а в интересах легальной деятельностью властной корпорации по извлечению своей прибыли под вывеской «интересов государства», с которым эта корпорация себя отождествляет. Поэтому, то искажение в функционирование, вносимое корыстными управленцами, которое в обычном государстве называют «коррупция», в имитационном государстве является отражением реальных, а не декларативных, принципов управления.

Чтобы скрыть это обстоятельство, власть от имени государства регулярно воспроизводит разоблачительную риторику в адрес неведомых коррупционеров-бюрократов («Между тем сегодняшний госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой...»¹), хотя термином «коррупция» смешно называть явление с годовым объемом в 300 млрд долларов (оценка фонда ИНДЕМ), а «борьба» с этим явлением используется лишь для прикрытия межклановых «разборок».

Таким образом, связанность государства правом, являющаяся неотъемлемым свойством правового государства, в «государстве» имитационном является голой декларацией, прикрывающей отсутствие и права, и государства.

Общество в таком «государстве» – это не субъект договора, а обременение эксплуатируемой собственности, свести издержки по которому необходимо всеми доступными корпорации средствами.

Понятно поэтому, что «социальный вред имитационного государства», о котором пишет автор цитированного выше учебни-

¹ Из речи президента Путина на расширенном заседании Госсовета. – Российская газета. 09.02.2008.

ка, – это не просто низведение социума до уровня «винтиков» государственного механизма, как это характерно для тоталитарного государства; это еще и объективное стремление к избавлению от этого обременения. Это – важный признак, отличающий имитационное «государство» от государств других типов, включая корпоративное (Италия периода Б. Муссолини) и тоталитарное (СССР): в последних власть и государство нераздельны в плане их геополитической судьбы, и население имеет ценность наряду с другими ресурсами, обеспечивая собственное обрабатывающее и сельскохозяйственное производства экономики мобилизационного типа. Паразитирующая же на «бренде» «государства» властная корпорация имитационного «государства», распределенная своими семьями, активами и недвижимостью по всему миру, не связывает с ним своей судьбы и потому спокойно относит население, не участвующее в процессе эксплуатации природных ресурсов, к издержкам производства. Общим же признаком у таких государств является широкое использование во взаимодействии с обществом неправовых, силовых методов, поскольку власть в них, несмотря на различную природу и цели, структурирована в форме административно-командной системы.

Заметим, что непонимание того обстоятельства, что административно-командная система имитационного «государства» направлена не на государственные, а на корпоративные цели, позволяет властям успешно эксплуатировать миф о «сильном государстве», выдавая мероприятия по присвоению все новых и новых материальных и правовых ресурсов (пресловутое «укрепление властной вертикали») как мероприятия по укреплению «российской государственности»...

Итак – сущность имитационного «государства», которое является собой современная Россия, – это полная потеря внутренней связи между властью и обществом в сочетании с антагонизмом между псевдогосударственными корпоративными – и общечеловеческими ценностями.

От правового нигилизма – к утрате легитимности

К состоянию имитационного российское государство было приведено последовательным использованием в практике управ-

ления и, в частности, постсоветского реформирования, перехода от тоталитарного государства к правовому – принципа целесообразности – источника и, одновременно, воплощения самой опасной патологии права – правового нигилизма.

Как уже говорилось, запись в первой статье Конституции РФ 1993 г. гласит о том, что Россия есть «демократическое» и «правовое» государство. Между тем, возглавляемая тогдашним президентом исполнительная ветвь власти, одной рукой выписывая эти декларации, другой рукой совершала вооруженный антиконституционный государственный переворот, сопровождаемый разгоном представительного органа народовластия. Это «кесарево сечение» современной российской государственности, произведенное на фоне «экономически целесообразных» массовых нарушений экономических прав граждан, связанных с фактическим присвоением государством их личных накоплений на счетах и частичным отказом от социальных обязательств, привело к фатальной «родовой травме»: в «сознании» произведенного на свет государственного организма на месте растоптанной естественноправовой доктрины – «души» будущего государства общественного договора – оказалась пустота... Реальное верховенство конституции – источник режима конституционной законности – было открыто перечеркнуто властью, призванной служить гарантом и реализатором заложенных в ней правовых и политико-экономических основ жизни общества.

Эта пустота в сочетании с очевидным провалом «реформ», обнажившим напрасность понесенных народом жертв, создавала постоянную потребность в рутинном ее заполнении идеологическим суррогатом. Отсюда – многолетние тщетные поиски подходящей «национальной идеи», могущей якобы придать смысл выбранному направлению развития, – в то время как единственно возможным источником и условием этого развития должны была стать принесенная в жертву «целесообразности» естественноправовая основа формируемой правовой системы.

В конце концов, компенсируя своего моральное, интеллектуальное и идейно-политическое банкротство, не позволившее создать в стране адекватную выбранной экономической модели, основанную на режиме конституционной законности, систему управления, власть избрала путь «манипулятивного управления»

обществом – массового гипнотического воздействия на население средствами манипулятивных технологий, реализуемых через медиасреду – прежде всего, телевидение. Были изобретены и новые идеологемы очередного термидора: «управляемая», а затем – «суверенная демократия»...

Однако к интересам общества все эти новации уже не имели никакого отношения: изначальная дискредитация режима конституционной законности, безнаказанное, да еще и с одобрения властей демократических государств, надругательство над ним привели к такому принципу формирования аппарата государственной власти, при котором для вхождения в него не требовался ни развитый уровень правосознания, ни чувство законности, а одна лишь личная преданность патрону.

Клятвопреступление первого лица государства не только осталось безнаказанным, но многократно воспроизвелось в обыденных должностных клятвопреступлениях судей и прокуроров, ежедневно предающих законность и права граждан ради корыстной защиты интересов властной корпорации.

Традиционный правовой нигилизм (устойчиво-пренебрежительное отношение к праву) российского общества стал культивироваться в такой системе власти в форме установки на достижение результатов вне правовой оценки используемых средств. При этом форма такой оценки приняла чисто легистские формы, вне естественноправовых критериев, но путем толкования и применения права самой же властью, а институты гражданского общества, которые ставили своей целью этому помешать, – прежде всего, независимые СМИ и правозащитные НКО – упразднялись и уничтожались.

Чтобы дать представление о том, как далеко разошлись пути власти и общества, сошлемся на результаты научного исследования, проведенного Лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН в 2002-2003 гг. Приведем выдержки из статьи О.А. Коленниковой «Кто нарушает и кто защищает права граждан – мнение жителей страны»:

«Мы задали респондентам прямой и открытый вопрос: “Кем в России чаще всего нарушаются права граждан?”... Все ответы мы сгруппировали и проранжировали по частоте упоминания (% от

числа опрошенных). Итак, чаще всего нарушаются права граждан:

- Государством – 66
- Правоохранительными органами – 26
- Администрацией предприятия – 19
- Преступниками – 7
- Олигархами – 4
- Работниками сферы услуг – 3

Как видно, главным виновником нарушения прав населения является государство и его правоохранные структуры...

Некоторые специалисты полагают, что Россию можно назвать страной с рыночной экономикой на том основании, что российская законодательная база уже практически соответствует нормативным базам большинства западных стран. Но, судя по оценкам населения, высший государственный аппарат построил за годы реформ антиправовое государство, которое рассматривается населением как источник несправедливости в обществе... Например, по оценкам тех людей, которые в момент опроса организовывали свое дело, есть только 3 нарушителя прав граждан: 86% из них считают, что нарушителем является государство, 57% – что ими являются правоохранительные органы, 11% назвали бандитов. /.../

Полученные данные позволяют говорить о том, что в России нет эффективной системы защиты прав населения. 1/3 опрошенных считают, что в России никто не защищает права людей. /.../ ...Только 20% опрошенных считают, что государство защищает права граждан. Это неудивительно, потому что 2/3 опрошенных считают, что именно чиновники разного уровня нарушают их права. /.../

В целом можно говорить о дисфункции государства в сфере правопорядка, так как налицо не просто недоверие к государству в сфере наведения правопорядка, но и обвинение его в массовых нарушениях прав жителей. /.../

...В стране сложилось глубокое неравенство между высшими чиновниками и народом. Высший государственный аппарат создал своего рода механизм, защищающий его от народа»¹.

¹ Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / М.: Референдум, 2003. (Сер. «Теоретические проблемы прав человека» Вып. 3.). С. 503-511.

Все перечисленные обстоятельства позволяют говорить о том, что нынешняя российская власть полностью потеряла свою легитимность.

Понятие легитимности возникло в начале XIX в. и обозначало политическое движение во Франции, ставившее своей целью восстановление власти короля как единственно законной (в отличие от власти Наполеона Бонапарта). Легитимностью обозначают «признание законности существующих институтов власти и правомерности принимаемых ими решений со стороны общества».

Это понятие отражает принятие власти населением страны, согласие с ее правом управлять обществом, применяя принуждение, подчиняться ей.

Основными признаками делегитимизации власти признаются следующие:

- противоречие между универсальными ценностями и эгоистическими интересами властвующей элиты;
- противоречие между идеей демократических свобод и социально-политической практикой силового разрешения конфликтов;
- рост бюрократизации и коррумпированности.

Именно эти противоречия, нараставшие в царской России с начала XX века, и привели к настолько полной утрате легитимности русским самодержавием, что 300-летняя империя, потеряв устойчивость от, казалось бы, локальной экономической нестабильности, похоронила эту власть под своими обломками, не решив, однако, проблемы выхода из самодержавного тупика. Эти же противоречия делегитимизировали постоттепельную бюрократическую власть СССР, разделившего судьбу царской империи, едва только власть попыталась ослабить хватку своего тоталитарного режима.

Утрата легитимности нынешней властью, позиционирующей себя в качестве собственника «энергетической сверхдержавы», делает страну заложницей конъюнктуры мировых рынков сырья и грозит ее народу новыми бедствиями.

Что дальше?

Имитационное «государство» не может быть долговечным – оно чрезвычайно быстро утрачивает свою легитимность и вряд ли переживет серьезное ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры.

Появление такого государства на исторической сцене на месте с торжеством похороненного тоталитарного – это тревожный сигнал о постоянно существующей опасности общественного регресса и иллюзорности многих современных представлений о путях его предотвращения.

Обратясь к классикам, зафиксируем три давно известных, но так и не усвоенных истины, которых следовало бы придерживаться будущим реформаторам.

1. Государство с нелегитимной властью не является правовым независимо от качества установленного им нормативного права:

«Вскоре самые лучшие законы превращаются в самые пагубные... В подобном положении тщетно нагромождают эдикты на эдикты, постановления на постановления: все это приводит лишь к появлению новых злоупотреблений, не исправляя прежних. Чем больше умножаете вы число законов, тем большее презрение вы к ним вызываете, и все надзиратели, которых вы ставите, – это лишь новые нарушители, которые поставлены делиться с прежними или грабительствовать отдельно. Вскоре наградю венчают не добродетели, а разбой; самые подлые люди пользуются наибольшим доверием; чем выше они поднимаются, тем большее презрение к себе вызывают; самые их почетные звания кричат об их подлости, и их позорят сами эти почести»¹.

2. Экономическое и политическое моделирование государства «общественного договора» может быть успешным только при достаточном уровне правосознания общества:

«...Наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков»².

¹ Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-Пресс, 1998. С. 166.

² Там же. С. 235.

3. Правосознание общества способно на обратную реакцию по отношению к направленным на его развитие реформам, поскольку управление им является задачей, равносильной управлению «исторической траекторией» нации:

«Подобно архитектору, который, прежде чем воздвигнуть большое здание, обследует и изучает почву, чтобы узнать сможет ли она выдержать его тяжесть, мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытует предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать»³.

март 2009 г.

<http://www.pravda.info/society/47752.html>

³ Там же. С. 233.

Уголовный закон в имитационном государстве

Введение

«Коррупция проникла и в преступную среду»

Начальник ГУБОП, 2003 г.

При рассмотрении заявленной темы, центральным предметом для нас станет российская коррупция. Предмет настолько же явный, настолько же и тайный. Судите сами:

«Недавно прочел докторскую диссертацию В.М. Алиева “Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем”. Автор вводит в научный оборот большое количество ведомственных документов, документов Правительства, Администрации Президента и др. (информационные и инструктивные письма, ведомственная переписка, экспертные заключения и т.п.). Эти документы не могут быть известны широкому кругу в силу ограниченного доступа к ним и интересны уже этим фактом. Знакомство с этими документами и с динамикой их движения позволяют сделать два вывода. Первый радостный и заключается в том, что проделана и делается действительно громадная работа, подключены большие интеллектуальные силы, исписаны горы бумаги, произнесены тысячи слов. Второй же вывод печален: вся эта работа практически закончилась ничем. Все горы бумаг и аргументов разбивались о какой-то невидимый гранитный утес и ничего не давали кроме кучи информационных брызг. И так продолжалось год за годом.

Мы не дети и прекрасно понимаем, что само по себе это происходить не могло. Что это как не мощное коррупционное противодействие?»¹

Слова эти произнесены 17 мая 2001 г., более 7 лет назад, а кажется, что вчера. Вот нынешнее состояние вопроса, отраженное статьей Светланы Алексеевой «Барометр зашкаливает» в «Новых Известиях» от 30.06.2008 г.:

«Международная неправительственная организация Transparency International обнародовала свой ежегодный доклад под названием «Коррупционный барометр». Россия оказалась в числе 40 стран с наибольшим уровнем коррупции. В этом году исследование посвящено нарушениям в секторе водного хозяйства. Эту область эксперты выбрали в связи с нарастающим во многих странах продовольственным кризисом. Предыдущие выпуски рассматривали коррупцию в судебной системе (2007) и системе здравоохранения (2006).

По расчетам Transparency International, коррупционный индекс России составил чуть более двух пунктов (2,3) по 10-балльной шкале, где 10 баллов означает самый лучший показатель. В итоге наша страна оказалась на 143 позиции в компании с такими государствами, как Индонезия, Гамбия и Того. Немного радует тот факт, что на территории бывшего СССР у России не самый худший показатель. Так, Белоруссия, Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан получили рейтинг еще ниже – 2,1 пункта, а у Туркменистана и вовсе – 2,0 пункта. При этом самыми коррумпированными странами в мире названы Мьянма, Сомали, Ирак, Гаити и Узбекистан. ...Эксперты Transparency International сделали вывод, что ситуация с коррупцией в нашей стране плохая, но стабильная»².

Очевидно, «стабильная» ситуация с коррупцией не относится к желаемым видам стабильности... Исследование причин этой «стабильности» – задача, далеко выходящая за рамки данной работы. Мы проанализируем только маленький участок коррупционного

¹ Ю.В. Голик, доктор юрид. наук, проф., советник Председателя Совета Федерации. – Круглый стол «Административно-правовые проблемы предупреждения коррупционной и организованной преступности». – http://centre.newmail.ru/conf_16.htm.

² <http://www.newizv.ru/news/2008-06-30/92924/>.

сопротивления, связанный с подрывом и нейтрализацией возможностей государственной уголовной политики.

Уголовная политика является одним из основных направлений политики любого государства. Она должна не просто обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, но и формулировать стратегию, формы и методы противодействия преступности и отдельных ее видов. Часть этой политики, воплощенная в уголовном законе, и станет основным объектом рассмотрения – через призму его бытия в имитационном государстве, каковое представляет собой в настоящий момент Россия – [1, с. 114-116].

Актуальность данной работы обусловлена тем, что представленный в ней анализ позволяет понять как механизмы, влияющие на эволюцию уголовного права в России, так и те особенности коррупционного противодействия, с которыми предстоит столкнуться тем, кто рискнет принять политическое решение отказаться от имитационной «борьбы с коррупцией» и перейти к реальной антикоррупционной перестройке государственного управления.

В качестве источников данной работы использовались монографии докторов юридических наук, профессоров С.В. Максимова (Коррупция. Закон. Ответственность. – М., 2008), П.А. Скобликова (Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в современной России. – М., 2007). С.В. Максимовым рассмотрены понятие и феноменология коррупции, сравнительный анализ международных антикоррупционных стандартов и Уголовного кодекса РФ. В монографии П.А. Скобликова предлагаются результаты научных изысканий автора, обосновывающие решение ряда проблем борьбы с коррупцией, критически анализируется официальный проект федерального закона «О противодействии коррупции», принятый в первом чтении.

Использовались также статьи и выступления директора Московского исследовательского центра по проблемам организованной преступности и коррупции, д.ю.н., профессора В.В. Лунеева, лекции д.ю.н., профессора Н.Ф. Кузнецовой, монография «Коррупция» А.Э. Бинецкого и многие другие материалы, указанные в ссылках.

Глава I. Коррупция как способ управления

1.1. Феноменология коррупции в современной России

Коррупция — это использование общественной властью своих полномочий для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп. Это явление можно рассматривать с различных позиций – политических, экономических, правовых, специальных, бытовых и т.д. Для нас это явление будет важно, прежде всего, как охватывающее совокупность общественно опасных деяний как криминализированных, так и по различным причинам некриминализированных в нашей стране, но признанных преступными в мировой практике.

Произошедшая в России смена социально-экономических отношений сопровождалась активным вмешательством криминальных структур в политический процесс и эволюционированием их во влиятельную политическую систему. Этому есть свое обоснование и целый пласт причин.

Скачкообразный, революционный переход от одной формации к другой обусловил ориентацию на силы и организации, обладающие организованностью и свободными финансовыми средствами, в том числе и функционировавший симбиоз «теневиков», уголовных авторитетов и коррумпированной бюрократии. Такое стратегическое решение предопределило предоставление им благоприятных политико-правовых условий, игнорируя, временную, как казалось творцам этого подхода, чрезвычайно высокую общественную опасность этого типа преступности.

До определенного момента господствовала псевдолиберальная идея о том, что приватизация легализует теневые капиталы, создаст новый класс собственников, повлечет обновление производства, прекратит массовые хищения собственности, характерные для социализма. Ход развития событий в сфере экономических отношений и их оценка в криминологических категориях (структура, уровень и интенсивность организованной преступной деятельности) показали ошибочность такой позиции. Следствием ее стала «обвальная» активизация преступных сообществ в качественно-количественном отношении, нанесение колоссального материального и психологического урона стране и большинству граждан, который трудно перекрыть даже фактом создания слоя

частных собственников, а также реальные шаги по захвату уголовными авторитетами политической власти в стране.

В процессе ущербной перестройки и криминального реформирования России при переходе к капиталистической системе в характеристике российской преступности появилось ряд характерных особенностей и тенденций. Главная из них – коррупцией пронизана вся вертикаль исполнительной власти. Практически во всех сферах государственной деятельности, где распределяются финансовые или иные материальные ресурсы, налицо злоупотребление должностными лицами своим служебным положением. По данным проверок одной только Счетной палаты РФ, в 1998 г. не дошел до назначения 51 млрд рублей бюджетных средств, что сопоставимо с годовыми расходами на оборону или на образование, здравоохранение, культуру и социальные выплаты вместе взятые. Во времена Ельцина Комиссия Государственной Думы по борьбе с коррупцией с 1998 г. проводила проверку материалов в отношении:

- бывшего Президента РФ Б.Н. Ельцина и его семьи:
 - а) о наличии у Ельцина именного счета в лондонском «Барклай-Банке» с вкладом в размере более 5 млн долларов США;
 - б) о приобретении членами семьи (Т.Б. Дьяченко) за 6 млн немецких марок замка Мейтеншлессель в Гармиш-Партенкирхен в Германии, за 25 млн французских франков дворца в Ницце и дома в Одинцовском районе Московской области;
 - в) хищении из бюджета РФ и переводе в банки США, Испании, стран Балтии рядом правительственных чиновников и членов предвыборного штаба Ельцина сотен миллионов долларов США;
 - г) о незаконном, вопреки требованиям Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 31-ФЗ «О некоторых вопросах предоставления таможенных льгот участникам внешнеэкономической деятельности», а также Таможенного кодекса РФ, предоставлении Президентом РФ и правительством РФ в 1995 г. из средств федерального бюджета 37,7 трлн. рублей в качестве компенсации таможенных платежей при осуществлении внешнеторговых операций по контрактам спортивных организаций;

- бывшего Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина:
 - а) о необоснованности решения Комиссии Правительства РФ о выделении АО «МЦ Проминформбизнес» из государственных фондов 2,5 млн тонн нефти для поставки на экспорт без оплаты таможенных пошлин, допущенных нарушениях должностными лицами Минэкономики, МВЭС и Минфина России, повлекших причинение государству ущерба в размере более 100 млн. долларов США;
 - б) о незаконном выделении и переводе в 1996 г. из федерального бюджета 4,9 млн. долларов США на счета общественной организации «Центр российско-американского партнерства»;
 - в) об источниках средств, израсходованных Черномырдиным (при 46 000 рублей годовых) на приобретение жилого дома площадью 315 м² в Опалихе, а также за 112 млн рублей автомобиля «Шевроле-Блейзер»;
 - г) о необоснованности и безадресности расходования Правительством РФ средств зарубежных займов в размере 10 млрд долларов США (в том числе на так называемую международную деятельность) и ненаправлении их на реализацию структурных преобразований российской экономики (для чего они предназначались);
 - д) о незаконном, вопреки требованиям Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 31-ФЗ «О некоторых вопросах предоставления таможенных льгот участникам внешнеэкономической деятельности», а также Таможенного кодекса РФ, предоставлении Президентом РФ и Правительством РФ в 1995 г. из средств федерального бюджета 37,7 трлн. рублей в качестве компенсации таможенных платежей при осуществлении внешнеторговых операций по контрактам спортивных организаций.
- бывшего вице-премьера Правительства РФ А.Б. Чубайса
 - а) о противоправной операции по получению в банке «Национальный кредит» под гарантию Центрального банка России облигаций на сумму 128 млн долларов США, их обналичивании и присвоении денежных средств (Вавилов)¹....

¹ Куликов А.Д. Коррупция: экономические и организационно-правовые проблемы. / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Юрист, 2001. – С.57.

Формы проявлений коррупции в системе государственной службы весьма разнообразны. Еще во времена Ельцина к ним можно было отнести:

- вознаграждения за получение выгодных контрактов в форме оплаты якобы консультационных услуг, установления непомерно высоких гонораров за публикации или лекции;
- служебное мошенничество и другие формы хищения;
- получение «комиссионных» за размещение государственных заказов;
- оказание государственным служащим разного рода услуг и иных «знаков внимания»;
- поездки в заграничные командировки, на отдых и лечение за счет заинтересованных в решении вопросов партнеров;
- вымогательство взяток, в том числе, незаконных вознаграждений за ускоренное решение вопросов, выдачу документов, покрытие преступлений;
- устройство на работу родственников, друзей, знакомых;
- получение руководителями от подчиненных доли взяток и другие.

В конце XX века в России расцвел криминальный феномен «крышевания». «Госкрыши» – «милицейские», «эфэсбэшные», «прокурорские» и др. – форма сращивания бюрократии и бизнеса на основе навязывания чиновниками коммерческим организациям псевдоуслуг по защите их интересов от законного и незаконного вмешательства контролирующих и правоохранительных органов. По оценкам экспертов, к этой форме коррупции были причастны около 30% сотрудников милиции.

В XXI века на смену «крышеванию» пришло полномасштабное сращивание бизнеса и бюрократии. Помимо долевого участия (в качестве вознаграждения за те или иные формы покровительства) в предприятиях, в том числе создаваемых посредством родственников и свойственников, чрезвычайное распространение получило «госрейдерство» – участие чиновников (в том числе, через доверенных лиц) в качестве организаторов и выгодополучателей в захвате контроля над коммерческой организацией (включая навязывание своих менеджеров, получение долей в уставном капитале) с использованием фальсификаций документов и «покупки» соучастия судей и судебных приставов.

Как пишет известный правовед, «период, когда коррумпированный чиновник удовлетворялся ролью «берущего с руки», по-видимому, закончился... Сегодня высокопоставленный чиновник нередко одновременно является крупнейшим собственником и предпринимателем» [2, с. 61].

Вот некоторые примеры сращивания чиновничества и бизнеса в столице России, которые приводит газета «Коммерсант» (автор данной работы мог бы привести и другие):

«Как стало известно «Ъ», владельцем 72% ЗАО «Механизация МСМ-1», одного из старейших строительных трестов Москвы, является Сергей Гляделкин, который до 2005 года курировал застройку центра столицы, возглавляя ГУП «Москва-Центр», подведомственное стройкомплексу. Процветающий строительный бизнес в Москве есть у многих действующих и бывших столичных чиновников: Сергею Амбарцумяну принадлежит «Концерн Монарх», Алексею Шепелю — SHolding, сыну Нины Китаевой — Евосот и т. д.

ЗАО «Механизация МСМ-1», построившее Кремлевский дворец съездов, главный корпус МГУ, стадион «Лужники» и Олимпийскую деревню в Москве, раскрыло своих собственников. Застройщик принадлежит зарегистрированной в Австрии Avenue Osteuropa GmbH, владельцем 72% которой является Сергей Гляделкин, говорится в подготовленном Raiffeisen Bank меморандуме к облигационному займу Avenue на 3,5 млрд руб.

...Имя Сергея Гляделкина хорошо известно столичным девелоперам: в 1998-2005 годах он возглавлял ГУП «Центр-Москва», курирующее застройку центра Москвы. Как пояснил «Ъ» источник в стройкомплексе, ГУП в бытность господина Гляделкина разрабатывало проект застройки Остоженки, где сейчас строят «Баркли» Леонида Казинца и RGI International Бориса Кузинца. Avenue Osteuropa также реализовала в центре столицы ряд проектов: согласно инвестмеморандуму, к 2006 году компания возвела около 400 тыс. кв. м жилья и офисов на улицах Бахрушина, Большой Ордынке, в Старом Толмачевском переулке и др.

...Как правило, работающие на госслужбе чиновники, стараются не афишировать собственный бизнес или бизнес своих родственников. На проходившей в марте этого года выставке

МІРІМ-2008 анонсировала свои первые девелоперские проекты компания Евосот, главой которой оказался Денис Китаев. Его мать Нина Китаева занимает пост начальника управления координации деятельности столичного стройкомплекса. Евосот строит бизнес-парк площадью 310,8 тыс. кв. м на Каширском шоссе. По словам нескольких источников «Ъ» в стройкомплексе, гендиректор и учредитель ООО «Универсстройлюкс» Алексей Бирюков приходится родным братом префекту Южного округа Петру Бирюкову (в настоящий момент 2-н Бирюков – первый зам. мэра столицы). Одним из основных заказчиков «Универсстройлюкс» выступает правительство Москвы. ООО ведет работы в парках «Коломенское» и «Царицыно».

Некоторые чиновники поступают на службу, уже обзаведясь собственным бизнесом. В 2003 году заместителем руководителя московского стройкомплекса был назначен Сергей Амбарцумян (занимал эту должность до ноября 2008 года), которому принадлежит одна из крупнейших генподрядных компаний Москвы — «Концерн Монарх». Среди ее проектов — строительство Ледового дворца спорта на территории Ходынского поля. Около двух лет на госслужбе проработал владелец компании SHolding Алексей Шепель, до ноября 2008 года он занимал должность начальника управления формирования градостроительных программ стройкомплекса. SHolding строит жилье в Москве, Ярославле и других российских городах, общая площадь реализованных проектов — более 500 тыс. кв. м»¹.

(От себя добавлю: возможно, источник будущего фантастического обогащения Сергея Гяделкина, тогдашнего 30-летнего руководителя подведомственного Департаменту внебюджетной политики строительства города ГУП «Москва-Центр», кроется в его «особом внимании» к «необходимости поиска строительных площадок», как отмечал он на хозяйственно-экономическом активе Департамента: «Налаживаются тесные контакты с префектами. Когда потенциальные покупатели узнают, что в нужных районах предусматривается строительство жилых домов, они готовы стать соинвесторами»². О том, как на практике находились «строительные площадки» при застройке Остоженки благодаря

¹ Мэрия готовит строителей» опубликована. – Коммерсант. 27.06.2008.

² Успех зависит от каждого. – Московская перспектива. 25.04.2000.

«тесным контактам с префектами» и как выбрасывались из этого «нужного района» его жители «узнавшими» о застройке «потенциальными покупателями», – читайте в серии «Бизнес по-русски» роман (свидетельствую – все факты и события подлинные) Д.Н. Литошика «Строитель. Квадратно-золотой метр», М., 2007).

1.2. «Борьба с коррупцией» как «бой с тенью»

Анализ экономико-политических реалий современной России³ позволяет сделать вывод⁴, что в настоящий момент власть в России представляет собой многоклановую корпорацию по эксплуатации выморочной собственности – земельных и других природных ресурсов. Сущность имитационного государства, которое являет собой современная Россия, – это полная потеря внутренней связи между властью и обществом в сочетании с антагонизмом между псевдогосударственными корпоративными и общечеловеческими ценностями.

Основной системной ценностью и мерой «служебного соответствия» этой корпорации является лично-клановая преданность в порядке подчиненности снизу доверху. Все присущие правовому государству «общественного договора» «обратные связи» влияния общества на власть либо обрезаны (уничтожением свободных СМИ и независимого суда), либо имитируются подконтрольными структурами.

Характеристические признаки государства хотя и наличествуют, но за ними стоит иное реальное содержание. Так, хотя видимой целью правовой системы такого «государства» и является социальное регулирование, но совсем не в интересах общества, а в интересах легальной деятельностью властной корпорации по извлечению своей прибыли под вывеской «интересов государства», с которым эта корпорация себя отождествляет. Поэтому, то искажение в функционирование, вносимое корыстными управленцами, которое в обычном государстве называют «коррупция», в имитационном государстве является отражением реальных, а не декларативных, принципов управления.

³ См., например: Б. Немцов, В. Милов. Независимый экспертный доклад «Путин. Итоги». – М.: Новая газета, 2008.

⁴ Маргулев А.И. Имитационное государство Россия. Наст. издание. С. 50-61.

Чтобы скрыть это обстоятельство, власть от имени государства регулярно воспроизводит разоблачительную риторику в адрес неведомых коррупционеров-бюрократов (*«Между тем сегодняшний госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой...»*¹), хотя термином «коррупция» смешно называть явление с годовым объемом в 300 млрд долларов (оценка фонда ИНДЕМ), а «борьба» с этим явлением используется лишь для прикрытия межклановых «разборок». По словам С.В. Максимова, *«это явление заставляет критически относиться к определению основной политэкономической тенденции как укреплению государственного капитализма. Суть реальной тенденции, на наш взгляд, состоит отнюдь не в усилении роли государства как основного собственника и предпринимателя, а в усилении незаконного присутствия чиновничества в экономике»* – [2, с. 62].

Коррумпированная бюрократия умна, образована, богата и властна. Латентность своих действий ее основная забота. Громкие разоблачения в коррупции высших должностных лиц в России априори позиционируются как масс-медийный компромат, кем-то проплаченная ложь, на которую не следует реагировать.

Показательна история бывшего министра атомной энергетики Е. Адамова. В течение 5 лет в прессе появлялись публикации, разоблачающие его «предпринимательскую» деятельность, плохо согласующуюся с его статусом, однако прокуратура полностью игнорировала все запросы по этому поводу. Дело сдвинулось лишь после ареста Адамова в Швейцарии по обвинению американских властей, заявивших, что экс-министр украл у них \$9 миллионов (Вашингтон перечислял эти деньги Москве по программе обеспечения безопасности российских АЭС).

«Вместе с приятелем, американцем Марком Каушанским, в ядерном центре США в Питсбурге он открыл фирмочку. Она якобы стала оказывать консультационные услуги московскому Институту имени Доллежала. Расплачивался Адамов со своей же фирмой из траншей американцев. Осваивал, так сказать, бюджет. (Помнится, в подобных «консультационных» шалостях обвини-

¹ Из речи президента Путина на расширенном заседании Госсовета. – Российская газета. 09.02.2008.

ли и Ходорковского.) И «атомному» министру по 20 обвинениям засветило в США 60 лет тюрьмы.

Россия на вылазку американцев ответила неожиданно. Если кремлевского завхоза Бородина в 2001 году из швейцарской тюрьмы Москва вытаскивала при помощи дипломатов и денег (его удалось освободить под залог в 5 млн бюджетных франков), то Адамова элегантно взяла на себя прокуратура. Она тоже возбудила против экс-министра уголовное дело и тоже потребовала от швейцарцев экстрадиции...

И тут возникла одна арифметическая странность. Соревнуясь с американцами, наша прокуратура обвинила Адамова в таких грехах, что в США экс-министру дали бы не 60, а лет 200. Дело уже шло о присвоении не жалких 9 американских миллионов. На Родине (если верить приговору суда) Адамов участвовал в присвоении \$120(!) млн. из российского бюджета.

Но Россия почему-то в итоге оказалась к своему экс-министру по-матерински снисходительной. После долгих разбирательств, признав Адамова виновным в разворовывании такой уймы казенных денег, она дала ему лишь 5,5 года, из которых Адамов отсидел в общей сложности... 8 месяцев. И был отпущен»².

Поэтому реакция властей наступает главным образом «под ковром», в основном в тех случаях, когда компромат становится необходимым доводом для избавления от противников внутри самой власти или околоставных структур, в том числе и частных.

Можно констатировать, что коррупция в России эволюционировала от криминогенного явления к относительно самостоятельной социально-политической системе, диктующей многие направления государственной политики. Коррупционное управление несет черты оккупационного. В его основе:

- слияние всех ветвей власти в единоначальную «вертикаль»;
- легализация понятия «административный ресурс» и превращение его в универсальное средство и управления, и собственной легитимации,
- поддержание в гражданах страха и бессилия перед всеильным и неподсудным функционером.

² Как министр «урановый пирог» делил. – Комсомольская правда. 25.06.2008. – <http://www.kp.ru/daily/24119/341253/>.

Теперь понятно, о какой «невидимый гранитный утес» разбивается многолетняя законодательная работа по противодействию коррупции. Понятно и поведение правоохранительной системы, в жернова которой попадают лишь крадущие булку хлеба, в то время как крадущие железную дорогу попадают в сенаторы... Никогда еще сказка Салтыкова-Щедрина о «недреманном оке» Прокурора Куролесыча не воплощалась в реальности с такой полнотой:

«Говорят ему: “Чего вы, Прокурор Куролесыч, смотрите! Вон они хищники-то, вон! – Где хищники? Кто казенное добро тащит? – Вот хищники! Вон они! Вон он какой домино на краденные деньги вбодрил! А тот вон – ишь сколько тысяч десятин земли у казны украл! – Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а собственники! Они своим имуществом спокойно владеют, и все документы у них налицо. Это вы нарочно, бездельники, кричите, чтобы принцип собственности подрывать! Взять его под арест!”»¹.

Глава II. Уголовный закон и коррупционное управление

2.1. Особенности уголовного преследования в имитационной России

Говоря о недостатках уголовного преследования, Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка на заседании Совета Федерации Федерального Собрания России 13 апреля 2007 года привел следующие данные:

«Только в 2006 г. прокурорами при возбуждении уголовных дел выявлено и устранено почти 2,3 млн нарушений закона, отменено более 1,5 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Выявлено и поставлено на учет 144 тыс. ранее не зарегистрированных преступлений, даны указания по 500 тыс. уголовных дел, отменено более 38 тыс. незаконных постановлений о прекращении уголовных дел и более 357 тыс. постановлений о приостановлении предварительного следствия и дознания»².

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. М., 1974. Т. 16, кн. 1. С. 137.

² Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я.Чайки на заседании Совета Федерации. – <http://www.legis.ru/misc/news/8760/>.

Полтора миллиона незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – это около 40% от всех вообще зарегистрированных сообщений о преступлениях. Очевидно, число незаконных отказов примерно равно числу законных... Какова причина этих «ошибок квалификации»? Вот что пишет об этом известный специалист Н.Ф. Кузнецова: *«Истоки ошибок чаще всего лежат не в несовершенстве закона, а почти полностью связаны с непрофессионализмом, недобросовестностью дознания и следствия. Дело доходит до того, что правоприменители стали возбуждать уголовные дела за плату от потерпевшего и прекращать тоже, но уже за плату от подозреваемого или обвиняемого»* – [5, с. 61]. И еще: *«Установление наличия состава преступления или его отсутствия иногда оказывается “заказным”. Сформировалась даже своего рода коррупционная такса: за возбуждение уголовного дела, к примеру (зависит от тяжести преступления и от “тяжеловесности” субъекта преступления и заказчика) минимум 500 долл., за прекращение – от 1000 долл. Возбуждение уголовного дела о несуществующем преступлении может выполнять роль экономического шантажа со стороны бизнесменов»* – [5, с. 52].

По словам Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки,

«особую тревогу вызывает коррумпирование правоохранительной системы и судебной власти. Почти половина преступлений, совершённых в 2005 г. должностными лицами против интересов службы (5,7 тысячи), приходится на систему МВД (2,4 тысячи), уголовные дела возбуждены в отношении судебной власти (19), работников ФСБ (6) и Прокуратуры (8)... В 2006 г. ситуация не изменилась. Из 6,5 тысяч должностных преступлений, зарегистрированных за 9 месяцев 2006 г. работниками правоохранительных органов совершено более 2,5 тысяч»³.

Кого же преследуют такие органы?

По данным МВД 2002 г. в числе 1,3 млн выявленных правонарушителей находились: 53% – лиц, не имеющих постоянного источника дохода, 24% – совершивших преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 24% – ранее судимых и только 3,6% – совершивших преступления в составе организованных групп или преступных сообществ. Таким образом, систе-

³ Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации. – <http://www.legis.ru/misc/news/8760/>.

ма уголовной юстиции в основном нацелена на бедные, низшие, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградировавшие и маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния – [4]. А преступность элиты? Коррупционеры от власти? Они вне досягаемости.

На заседании Госдумы от 17 февраля 2006 г. при обсуждении Конвенции ООН против коррупции приводились факты, кричащие о массовом незаконном обогащении российской «элиты»: 50% домов в Лондоне покупают российские чиновники. Они летают отдохнуть на уик-энд к семьям в Швейцарию. Жена бывшего первого заместителя министра финансов купила бриллиант за 60 млн долл. Ее супруг поныне остается уважаемым человеком на высокой государственной должности. Ежегодный теневой и коррупционный оборот в России составляет 300 млрд долл. Тем не менее, ст. 20 Конвенции «Незаконное обогащение» так и не была имплементирована – [5, с. 76].

Профессиональный эксперт П.А. Скобликов не питает иллюзий относительно источника такого положения:

«Главная причина состоит в том, что руководители всех правоохранительных органов находятся в сильнейшей зависимости от Администрации Президента России: это последняя (перед докладом Президенту) инстанция для одобрения или неодобрения кандидатур главы правоохранительного ведомства и его заместителей, там визируют документы для присвоения генеральских званий, награждения государственными наградами и др. Но как раз там, по версии экспертов, находятся коррупционеры, способствующие назначению губернаторов за миллионные взятки...»¹

Мы (и специалисты, и обычные граждане) с большей или меньшей степенью вероятности можем предполагать наличие или отсутствие системной коррупции в высших эшелонах государственной власти. Однако установить это в современных

¹ Сноска в оригинале у данной цитаты: «На самом деле ситуация может оказаться еще более удручающей. Так, в ходе анонимных опросов сотрудников правоохранительных органов нами были получены данные (сведения, сообщения) о том, что отдельные руководители департаментов правоохранительных ведомств (на которые возложены задачи по борьбе с коррупцией) получили свои должности посредством взяток,кратно превышающих те, которые, как предполагается, могут быть уплачены за должность губернатора. Причем, по версии опрошенных, взяткополучатели опять же находятся в Администрации Президента России».

условиях процессуальным путем невозможно, поскольку не существует самостоятельного правоохранительного органа для борьбы с такого рода коррупцией, который был бы вправе, в силах и достаточно заинтересован провести надлежащее расследование» – [3, с. 29-30].

Неудивительно, что «современная практика борьбы с коррупцией «выбирает» лишь те ее формы, с которыми легче всего бороться: коррупция в школах, вузах и медицинских учреждениях, коррупция на дорогах и в разрешительной системе» – [2, с. 30].

2.2. «Антикоррупционные» статьи уголовного закона

«Миф о том, что в России нет или почти нет норм об ответственности за коррупционные преступления, – пишет С.В. Максимов, – не имеет основания в действительности» – [2, с. 23]. Это вывод обосновывается следующим образом:

«К публичным коррупционным преступлениям... во всех случаях могут быть отнесены: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК); получение взятки (ст. 290 УК); дача взятки (ст. 291 УК); служебный подлог (ст. 292 УК); провокация с целью шантажа (ст. 304 УК), подкуп свидетеля, потерпевшего, эксперта или переводчика (ч. 1 ст. 309 УК), а также воспрепятствование работе избирательных комиссий или комиссий по проведению референдума, соединенное с подкупом (п. “а” ч. 2 ст. 141 УК). /.../ К публичным коррупционным преступлениям также может быть отнесена организация преступного сообщества (преступной организации), предусмотренная ст. 210 УК, при наличии цели совершения любого из тяжких или особо тяжких публичных коррупционных преступлений (например, преступления, предусмотренного ч. 2-4 ст. 290 УК). К непубличным... во всех случаях могут быть отнесены: подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК); злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК); злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК); коммерческий подкуп (ст. 204 УК); провокация коммерческого подкупа с целью шантажа (ст. 304 УК)» – [2, с. 21-23].

Однако наличие норм не гарантирует их работоспособность – уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за эту категорию преступлений, зачастую несовершенно. Например, создание преступного сообщества попадает под юрисдикцию ст. 210 УК только в том случае, если сообщество организовано для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Поэтому руководители преступного сообщества, специализирующегося на причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), на незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК) и некоторых других преступлениях средней тяжести, ответственности по ст. 210 УК не несут. Другим примером является «незаконное участие в предпринимательской деятельности» организации путем ее учреждения или участия в ее управлении (ст. 289 УК), поскольку уголовная наказуемость по этой статье обусловлена *«предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме»*, доказывать которые весьма затруднительно. В результате массовые учреждения фирм руководителями всех рангов и их родней фирм, занимающихся «освоением» бюджетных средств продолжают оставаться опаснейшим коррупционным проявлением или, скорее, важнейшим элементом коррупционного управления.

Но основная беда не в несовершенстве закона.

Таблица 1

Сравнительный анализ практики назначения наказания в 2005 г.

Вид преступления	Общее кол-во осужденных	Из них условно	Процент осужденных условно	Максимальное наказание по закону
Квалифицированная кража (ч. 3 ст. 158 УК РФ)	84 441	43 188	51	До 6 лет лишения свободы
Квалифицированное мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ)	3381	2207	65	До 6 лет лишения свободы

Квалифицированное получение взятки (ч. 2 ст. 290 УК РФ)	761	652	86	До 7 лет лишения свободы
Особо квалифицированное получение взятки – лицом, занимающим государственную должность или являющимся главой органа местного самоуправления (ч. 3 ст. 290 УК РФ)	6	6	100	До 10 лет лишения свободы

Из Таблицы 1 видно, каким образом обеспечивается уход от ответственности коррупционеров, дела которых удалось довести до суда – при помощи института условного наказания. Причем по самому наказуемому виду – особо квалифицируемому получению взятки – **условными явились ВСЕ назначенные наказания.** *«Складывается даже впечатление, – пишет автор таблицы, – что он существует в уголовном законодательстве прежде всего для подобных случаев»* – [3, с. 60-61]. Напомним также, что помимо министра атомной промышленности Адамова (он перед смягчением приговора хотя бы успел отсидеть 8 месяцев), к 9 годам условно был приговорен взяточник и расхититель бывший министр юстиции Ковалев, к 6 годам условно за организацию заказного убийства – известный красноярский «предприниматель» Быков...

В какой-то момент появилась даже шутка о пожизненном лишении свободы... условно – Уголовный кодекс это позволял! И Уголовный кодекс был законодательно «поправлен»: в 2003 году была установлена верхняя граница для срока лишения свободы, допускающего условное наказание: 8 лет... Это означает, что **законодатель фактически признал допустимой сложившуюся в предыдущие годы (1997-2003) практику применения судами нормы об условном осуждении, которая и вышла в результате в 2005 году на 100-процентный результат при осуждении по наиболее антикоррупционным статьям УК...**

2.3. Корруптированное правосудие: без вариантов

«...Степень коррупптированности уголовного судопроизводства представляет один из ключевых показателей коррупптированности общества в целом» – пишет в своей монографии А.Э. Бинецкий [7, с. 276]. Однако следует учесть, что в имитационном государстве, где коррупция является способом управления, коррупптированность судей – это необходимый элемент такого управления, поскольку иначе коррупционная управленческая деятельность стала бы оспорима в судебном порядке, а ее субъекты ограничивались бы в действиях страхом реального уголовного наказания. Таким образом, в имитационном государстве основным коррупционным проявлением у судей является не «торговля» заказными судебными решениями за взятки, а принятие решений в порядке выполнения поручений «в государственных интересах», исходящих из высших эшелонов власти через институциональных или иных представителей. При этом взятка не упраздняется, но приобретает «респектабельную» форму вознаграждения за участие в «управленческом решении».

«...Вопросы независимости судей возникают тогда, когда имеет место стыковка различных направлений власти – законодательной, исполнительной (в основном), – отметила на Парламентских слушаниях в Совете Федерации профессор Российской академии правосудия Н.В. Радутная. – Практика показывает, что проблема заключается в том, что исполнительная власть постоянно имеет намерение немножечко верховодить судебной властью, она не может успокоиться. Ведь, как оказалось, вопросы собственности, вопросы общественных отношений, развития нашего общества проходят через суд. Суд занимает очень важное место. И если его не обуздать, если не объяснить ему его роль, то вы представляете, что будет, если он начнет свободно действовать соответственно своим внутренним убеждениям? Это будет кошмар для исполнительной власти»¹.

Во времена Ельцина коррупптированность судей имела «классический профиль» мздоимства, «оправдываемого» их низкими зарплатами. В процессе завершения оформления коррупционной

¹ Радутная Н.В. Доклад на Парламентских слушаниях в Совете Федерации по теме «Независимость судей как гарантия осуществления правосудия в Российской Федерации» 28 октября 2004 г. – <http://www.council.gov.ru/files/journalsf/number/20061121132901.pdf>.

системы управления при Путине, власть, закончив сетования о невозможности требования независимости от нищего судьи, произвела такую судебную реформу, при которой судьям обеспечивался высочайший уровень содержания в обмен на полную зависимость от тех, от кого фактически зависит пребывание судьи в должности². А зависимость эта начинается с председателя суда, имеющего неограниченные возможности добиться отставки неугодного судьи ввиду его действительных или мнимых «упущений»: *«Председатель суда, которому можно сейчас все, пишет на судью (я имею в виду районный уровень) характеристику, и если тот не выполняет, предположим, чьих-то решений, то характеристика будет соответствующей. Мы как-то провели опрос судей, и они сказали: “Мы поставлены в такие условия, когда из-за принятых решений нам угрожают и говорят, что мы не будем представлены на должность”*»³. Подбор же председателей судов производится с помощью административной лестницы, уходящей в Администрацию Президента РФ. Фактически, «выстроенные» таким образом судьи почти всегда знают, какое решение может не понравиться «наверху», а при малейшей неясности – согласовывают свои действия с «кураторами».

Последующие после упомянутых слушаний 4 года становления в России имитационной государственности окончательно закрепили положение судейского корпуса в качестве соучастника коррупционного управления: «чистильщика», обеспечивающего «правовое» оформление коррупционных деяний, в частности, государственного рейдерства, определяемого С.В. Максимовым как *«захват чиновниками контроля над коммерческой организацией (включая навязывание компании своих менеджеров, получения долей в уставном капитале через родственников и свойственников), в том числе посредством фальсификации документов, подкупа судей и судебных приставов)*» – [2, с. 57]. Ученый дает следующее описание этого явления:

² Дело не только в высоком размере зарплаты и существенных льготах. Пенсия женщины-судьи, отработавшей 20 лет, – 70% от зарплаты; доработавшей до 55 лет – в размере 100%. При принудительной отставке пенсия бывшего судьи будет обычного размера. Таким образом, ежегодная разница в пенсионном обеспечении «нормального» и досрочно уволенного судьи – более миллиона рублей. Вот на таком материальном «крючке» они и подвешены... – <http://sutyajnik.ru/articles/222.html>, <http://sutyajnik.ru/audio/43.mp3>.

³ Радутная Н.В. Там же.

«Госрейдерство может легко маскироваться как под политику деприватизации (новой национализации) в стратегически важных отраслях экономики, так и под политику новой национализации, направленной на повышение эффективности управления государственной собственностью... Одним из наиболее распространенных инструментов госрейдерства является проведение собраний акционеров, на которых избирается новое руководство компании без участия прежних основных собственников.

Если основываться на материалах рабочей группы по противодействию рейдерским захватам при полпредстве Приволжского федерального округа, средняя стоимость обычного рейдерского захвата в России составляет около 150 000 долл. США. Неправосудное решение, принимаемое московским судом, в среднем оценивается в 125 тыс. долларов США, судами других регионов – 15 тыс. долларов США. В сумму от 10 до 60 тыс. долл. обходится попустительство или прямое содействие захвату местного руководства органов внутренних дел, следственных органов и прокуратуры. В среднем около 10 тыс. долл. Стоят услуги местного судебного пристава» – [2, с. 58-59].

Все эти обстоятельства привели к тому, что П.А. Скобликов, перечисляя актуальные проблемы борьбы с коррупцией, указывает: *«На первое место следует поставить проблему борьбы с коррупцией судей»* – [3, с. 110].

Но здесь мы снова оказываемся перед замкнутым кругом: как бороться с коррупцией судей, если их коррупция – форма оплаты их назначения на должность? Можно ли ожидать реальной борьбы с коррупцией от носителей коррупционных методов государственного управления, использующих правосудие в качестве инструмента? Вступивший на «тропу войны» с коррупционным управлением тележурналист Владимир Соловьев в публикации от 18 марта 2008 г. «Те, кто превратил правосудие в продажную девку, неизбежно окажутся в тюрьме», так охарактеризовал сложившуюся ситуацию:

«Меня очень волнует тема коррупции и государственное рейдерство как основное проявление этой самой коррупции. Я не раз уже говорил, что мы живем в матрице. Чиновники придумали для себя совершенно иную реальность, чем та, которую

они предлагают нам. Для нас депутаты пишут одни законы, но чиновники живут совершенно по иным. Согласитесь, только в матрице возможно, чтобы чиновник миграционного ведомства руководил судами. /.../

Я прихожу к выводу, который меня самого пугает. А вывод этот такой: что в стране действует устойчивая преступная группировка, в которую входят высокопоставленные чиновники силовых ведомств, администрации президента, судьи»¹.

Конкретные факты вовлечения судей в коррупционное соучастие содержит опубликованное 21.05.2008 В. Соловьевым письмо, полученное от председателя Московского областного суда в отставке С.В. Марасановой:

«...Стал повсеместным вызов на беседу всех кандидатов в судьи, председателей и заместителей председателей судов, в ходе которого, по словам отдельных председателей судов, делались прозрачные намеки на необходимость соблюдения «государственных интересов», в случае обращения этих чиновников по конкретным делам. Такую практику “назначения судей” ввел еще Каланда В.А., который ко многим председателям судов, в том числе и ко мне неоднократно обращался с просьбами о приеме своей жены, работавшей в юридическом отделе ТНК. Эти приемы всегда оборачивались просьбами по конкретным гражданским делам в интересах указанной компании, а отказ в рассмотрении таких дел в пользу ТНК обернулся настоящей войной этого Управления с Московским областным судом. /.../ Вскоре место Каланды В.А. (не должность, а “место”) занял Поляков А.М., ситуация не изменилась, только теперь уже было позволительно звонить напрямую председателям районных судов и, намекая на окончание сроков их пребывания в должности, ставить конкретные задачи по делам. Позволяли себе это делать чиновники и из других отделов Администрации со ссылкой на те же сроки и возможность их влияния на процедуру назначения.

Затем не стало и Полякова А.М., зато их место занял “достойный” продолжатель “дела” Каланды В.А. – Боев В.И. Насколько мне известно, за ним был закреплен участок работы с арбит-

¹ <http://www.treli.ru/newstext.mhtml?Part=15&PubID=14197>.

ражными судами. Но, как оказалось, он успевал везде, во всяком случае, он вплотную “занимался” судами общей юрисдикции Московской области. Очевидно, что перед ним была поставлена задача назначить “послушное” руководство Московского областного суда и нескольких районных судов Московской области, где есть интерес отдельных лиц Администрации Президента РФ. Эта задача им выполнена и никто даже не поинтересовался, а почему меняются председатели совсем не рядовых судов, есть ли основания к тому, чтобы распрощаться с ними, и действительно ли законна процедура назначения судей? /.../ Какие дополнительные материалы собирает Администрация Президента РФ на кандидата на должность судьи, председателя, заместителя, чем регламентирована эта их деятельность, какие источники они используют никому неизвестно, с этими материалами никого не знакомят, никто не проверяет их подлинность»¹.

К этому надо добавить еще один маленький штрих.

Когда исчерпавшие все доступные возможности защиты растоптанных государством прав граждане просят «гаранта Конституции» вмешаться и пресечь антиконституционный судебный произвол, Администрация Президента важно объясняет неразумным:

«Сообщаем, что Президент Российской Федерации и его Администрация не правомочны вмешиваться в деятельность судей»².

Глава III. Уголовный закон и гражданское общество

3.1. Блеск и нищета «национального плана»

5 августа «Российская газета» опубликовала обещанный президентом Медведевым, долгожданный «Национальный план противодействия коррупции». Вот его преамбула:

«В Российской Федерации в основном сформированы и функционируют правовая и организационная основы противодействия коррупции. Серьезный антикоррупционный потенциал зало-

¹ <http://trel.ru/newstext.mhtml?Part=20&PubID=17794>.

² Являясь стандартной, данная формулировка приводится по ответу на обращение к Президенту РФ автора данной работы.

жен в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах и плане мероприятий по ее проведению, одобренных распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. N 1789-р, а также в законодательстве Российской Федерации, регулирующем вопросы государственной службы.

Несмотря на предпринимаемые меры, коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

В связи с этим разработка мер по противодействию коррупции, прежде всего в целях устранения ее коренных причин, и реализация таких мер в контексте обеспечения развития страны в целом становятся и настоятельной необходимостью»³.

Уже в преамбуле заметна имитационная природа этого документа.

В самом деле: если «в Российской Федерации в основном сформированы и функционируют правовая и организационная основы противодействия коррупции», если уже 3 года выполняются мероприятия административной реформы, содержащей «серьезный антикоррупционный потенциал», то почему от этих «основ» и «мероприятий» коррупция не только не идет на убыль, но напротив растет? В упомянутой Концепции административной реформы, принятой распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р, слово «коррупция» и его производные использованы 49 раз(!) Но тщетно искать в «национальном плане» анализ или хотя бы констатацию полного провала всех антикоррупционных «мероприятий» Концепции. Тщетно, прежде всего, потому, что все эти проваленные мероприятия Концепции аккуратно переписаны в «национальный план»...

³ <http://www.rg.ru/2008/08/05/plan-dok.html>.

Вот как прокомментировал эту ситуацию в «Ежедневном журнале» президент фонда ИНДЕМ Георгий Сатаров:

«...Единственная наука, к которой можно причислить текст Плана, не числится по классификации ВАКА: это наука бюрократической отписки. Поэтому порассуждаю все-таки о том, чего в Плане нет.

Как и ожидалось, в нем нет честного диагноза ситуации. /.../ Но читатели вправе спросить, а что же в нем есть? А есть многочисленные упоминания о тихо погибающей Административной реформе. Свидетельством ее летального состояния служат многочисленные переписывания из нее. Есть много разрозненных инициатив, собранных из разных старых законопроектов. Есть решительные формулировки вроде: “Рассмотрение вопроса о целесообразности создания...”. Есть, в качестве приложения, длинный список законов, в которые мы и так должны внести поправки после ратификации антикоррупционной конвенции ООН. Короче говоря, подверстали к плану все, что плохо лежало и что может как-то, на их взгляд, быть выдано за борьбу с коррупцией»¹.

Как следует из содержания предыдущей главы, из недр Администрации и не могло появиться иного плана, кроме имитационного. Настоящий же его смысл может быть только один: подпитать надежды общества на перемены, одновременно отвлекая внимание от собственной роли во внедрении коррупционного управления государством, в том числе, правосудием.

3.2. Имитационное государство против гражданского общества

В 2001 г. в журнале «Российская юстиция» была опубликована статья профессора П. Яни с говорящим названием: «В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии» – [6].

Критикуя концепцию предупредительных, а не карательных мер по борьбе с коррупцией, автор приводит в пример операцию «Чистые руки», проведенную в Италии в начале 90-х годов и покончившую с невиданной для цивилизованного государства коррумпированностью власти. Автор выразил надежду («но времена

¹ Георгий Сатаров. Борьба с коррупцией началась! – Ежедневный журнал. 6.08.2008. – <http://www.ej.ru/?a=note&id=8281>.

меняются»), что «на смену вялой, часто схоластической дискуссии о направлениях борьбы с коррупционной преступностью должны прийти меры, заключающиеся в не требующем дополнительного усилия законодателя применении, как часто говорят, действующего, а по сути – пока во многом бездействующего, уголовного закона». «Никакие этические соображения – продолжает автор, – не могут сравниться по силе предупредительного воздействия с опасением чиновника быть разоблаченным и наказанным. Честность чиновничества (не отдельного чиновника!) должна постоянно подкрепляться страхом перед хорошо работающим прокурором. Особенно в России, где нищие служащие испытывают огромные искушения и не стеснены ни общественной, ни религиозной моралью». Завершается статья так:

«Повторю: надеюсь, что времена – об этом говорят все чаще и чаще – меняются. На виновных в преступлениях: хищениях, взяточничестве, злоупотреблениях по службе и т.д. – должна быть, наконец, возложена ответственность. И здесь, естественно, роль уголовно-правового запрета возрастает чрезвычайно. Немалое значение имеет и трактовка содержания этого запрета. В условиях ужесточения подходов практики вести речь следует прежде всего о единообразии применения закона (говоря о применении, имею в виду только уголовно-правовую оценку, но не наказание), об отсутствии неопределенности и в то же время о сохранении позиций, с которых нельзя отступать».

Теперь мы знаем, что в построенном при Путине имитационном государстве фигура «хорошо работающего прокурора» возникает лишь в праздничных докладах генпрокурора, зато фигура прокурора-коррупционера, нейтрализующего все попытки потерпевших привлечь к ответственности коррумпированного чиновника, известна очень и очень многим на личном опыте. Мечты о «единообразном применении закона» в оценке преступления не только не воплотились в жизнь, но наоборот, демонстративно перечеркнуты многократно примененным принципом избирательного применения закона в отношении политических оппонентов власти и в межклановых разборках – достаточно вспомнить хотя бы об общих делах и очень разных судьбах знаменитых олигархов – Гусинского, Березовского, Абрамовича и Ходорковского, нынешние «разборочные» дела Сторчака и генерала Бульбова... Вот

наблюдение В. Соловьева, столкнувшегося с деятельностью Генпрокуратуры РФ:

«Я полностью расстался с иллюзией о роли Генеральной прокуратуры... Этот орган и люди, которые им руководят, не настроены защищать законность и простых граждан...

Это относится и к господину Чайке, и к господину Кехлерову. /.../

Все силы Генпрокуратуры уходят на то, чтобы отмазывать одних своих заместителей, таких как Буксман с его женой, от каких-то нотариальных криминальных разборок, и вяло переругиваться с другими своими же заместителями – такими, как Бастрыкин. Я даже не имею в виду чешский след Бастрыкина: тут прошло две недели с момента разоблачительной публикации Хинштейна, реакция – ноль.

Остатки сил, не потраченные на заместителей, уходят на то, чтобы давать интервью: мол, Генеральная прокуратура будет продолжать отстаивать интересы простых людей. Все. На то, чтобы слова подтвердить делом, сил уже не остается...

Сабир Гаджиметович Кехлеров успешно решает только одну задачу – сохранение себя в своем кресле. /.../

Ради этой задачи Сабир Гаджиметович решил, что главное – ни в коем случае не ссориться с силовиками. На остальных – то есть на нас с вами – можно наплевать. Поэтому и Коришину, и мне, и Памфиловой Элле Александровне, и депутатам за подписью Кехлерова приходила откровенная ложь...»¹.

Но если правоохранительная система целенаправленно, в течение многих лет вовлекалась в систему коррупционного управления, то ее репрессивный вектор неизбежно должен был выбрать тот объект, от которого данному способу управления грозила наибольшая опасность. Такими объектами стали независимые СМИ и гражданское общество России, представленное прежде всего независимыми от государства некоммерческими объединениями (НКО).

Давление на гражданское общество при Путине шло по разным направлениям, однако их рассмотрение далеко выходит за рамки настоящей работы. «Под раздачу» попали не только «неудобные»,

¹ Соловьев В. Беззаконие законников. 15.07.2008. – <http://treli.ru/newstext.mhtml?Part=15&pubID=20804>.

правозащитные НКО, но и совершенно безобидные – очевидно, был спущен план, по которому Росрегистрация закрыла в судебном порядке уже большую часть НКО, существовавших до 2007 г. Однако главным направлением стали политические свободы граждан, которые как раз и должно было бы защищать «правовое» и «демократическое» государство – прежде всего, свобода слова, собраний, митингов и демонстраций. В основе – страх властей перед оппозицией или просто перед неутвержденными «сверху» соискателями места во власти, страх непосредственного волеизъявления народа, способного разрушить механизм коррупционного управления. Именно этим объясняются те особенности правоприменения, которые стали темой Специального доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания»:

«С учетом сказанного Уполномоченный вынужден констатировать, что установленный Федеральным законом “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” уведомительный порядок проведения публичных мероприятий имеет безосновательную в правовом отношении тенденцию к превращению в фактически разрешительный.

Положение, при котором закон устанавливает одну норму, а на практике применяется другая, прямо противоположная, представляется наихудшим из всех возможных. Оно подрывает веру граждан в закон, побуждает должностных лиц к лицемерию и произволу, иначе говоря, наносит серьезный ущерб правовым основам государства и нравственным устоям общества.

Результатом описанного положения все чаще становится цепная реакция, вызванная, мягко говоря, “творческим” обращением с законом. Не опирающийся на закон запрет мирного публичного мероприятия легко и логично влечет за собой неадекватное, а значит, незаконное применение силы для его прекращения, столь же незаконное массовое задержание “без протокола” рядовых участников мероприятия, преследование под надуманными предлогами организаторов мероприятия, порой еще до его начала. Между тем не секрет, что, не находя защиты своих прав у закона, не веря в его универсальность и беспристрастность, незрелые люди порой поддаются искушению про-

стых решений и прямых действий, становясь в итоге легкой “добычей” для провокаторов и экстремистов всех мастей»¹.

Впрочем, успешная «борьба с экстремизмом» – это как раз то, чем власть маскирует имитационность борьбы с коррупцией...

Отношение государственных «борцов с коррупцией» к гражданскому обществу наглядно проявлено и в Национальном плане. Среди предлагаемых планом мер – «выработка оптимальной системы взаимодействия институтов гражданского общества и средств массовой информации с государственными органами, исключающей возможность неправомерного вмешательства в деятельность государственных служащих» – п. 2.ж) раздела II. Георгий Сатаров комментирует это в упомянутой статье «Ежедневного журнала»:

«В этой изумительной формулировке пункта II-2-ж кроется многое. Она отражает то обстоятельство, что в документе нет ни слова о подотчетности власти обществу; они даже не заикнулись об обеспечении максимальной прозрачности власти всеми доступными средствами, ибо недостаток прозрачности всегда потворствует коррупции. В ней психология нашей власти, которая убеждена, что чиновникам мешают работать как раз общественные организации и СМИ. В плане не найти, к примеру, упоминаний о политическом и административном давлении на суд. Нет упоминаний об административном управлении высшей законодательной властью. Все это не относится к категории “вмешательства в деятельность...”. А вот общество... Неужто наше слабое гражданское общество, которое, по их собственным утверждениям, в стране практически отсутствует, их так достало, что его надо “оптимизировать”!?

Нетрудно догадаться, что разрабатывать тему “неправомерного вмешательства” у нас будут сами бюрократы. Мы уже имеем примеры их охранного творчества по части экстремизма и борьбы с терроризмом. Теперь им дана еще одна премия: возможность отгораживаться от всякого контроля, ваяя критерии “неправомерного вмешательства” и нормы, препятс-

¹ Российская газета. 28.06.2007. – <http://www.rg.ru/2007/06/28/sobrania-doklad-dok.html>.

твующие ему. Результат, с учетом упомянутого опыта, вполне предсказуем»².

Предпринятая в Национальном плане маскировка реального коррупционного управления судами надуманной проблемой «неправомерного вмешательства» в деятельность госслужащих (то есть и судей) со стороны гражданского общества и СМИ – всего лишь очередной шаг по «сбиванию с прицела» любых механизмов, которые возможно использовать как оружие против коррупции.

3.3. «Перенацеливание» уголовного закона при Путине

В эпоху Путина Россия вошла с новым Уголовным законом, действующим с 1997 г. Закон этот разрабатывался в тот период, когда российским социумом еще не изжита была идея о необходимости максимально возможного ухода государства из сферы социального регулирования, идея о том, «рынок все расставит по местам». Приватизация легализует теневые капиталы, создаст новый класс собственников, «ну а кто же будет воровать у самого себя?» – как риторически вопрошали масс-медиа. Поэтому при разработке данного закона реализовывалась нерепрессивная по отношению к должностным и экономическим преступлениям модель правового регулирования.

К чему все это привело – описано в предыдущих главах. По словам специалиста, «малодейственность законодательства в силу его “пробельности” явилась крупнейшей успешной сделкой сообщества российских преступных синдикатов, когда предметом купли-продажи стали не материальные блага, а политические решения, уголовная политика государства»³.

Выше уже упоминалось и о фактической фиктивности нормы ст. 210 УК об уголовной ответственности за организацию преступного сообщества, нормы ст. 289 УК о наказуемости за участие вопреки законодательному запрету в управлении организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность... И об институте условного осуждения, сводящему на нет все попытки осуждения чиновников-коррупционеров. Следует также упомянуть и, очевидно, умышленную нейтрализацию возможностей

² Георгий Сатаров. Там же.

³ Макиенко А.В. Криминалитет и власть в стране. – <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=1289>.

ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяющей распространять институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на лиц, привлеченных к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность и активно способствовавших раскрытию преступлений. Законодатель должен был включить соответствующую норму в особенную часть УК РФ, но почему-то позабыл это сделать, в результате чего было «обезврежено» эффективное правовое оружие в противодействии организованной преступности, широко используемое во всем мире для изобличения коррупционеров свидетельскими показаниями.

Зато при внесении множества поправок в Уголовный кодекс в декабре 2003 г., не были забыты «деятельно раскаявшиеся» коррупционеры: в статью 75 УК РФ были внесены изменения, позволяющие освобождать от уголовной ответственности, помимо случаев, предусмотренных особенной частью, лиц, совершивших преступления не только небольшой, но и средней тяжести... Именно это позволило освободить в 2004 г. якобы «деятельно раскаявшегося» главу компании «ЮКОС-Москва», бывшего вице-мэра Москвы, Василия Шахновского, осужденного по ст. 198 ч. 2 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов» в особо крупном размере (около 1 млн долларов плюс штрафы и пени)... Кстати, были снижены и максимальные сроки по этой и ряду других «экономических статей»...

Но главной, откровенно коррупционной новацией во внесенных Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ изменениях стала, безусловно, **отмена как вида наказания конфискации имущества – п. ж) ст. 44 УК РФ** – ввиду ее «низкой эффективности» (без каких-либо обоснований этого вывода). П.А. Скобликов, предполагая, что данная новация являлась главной целью изменения Уголовного кодекса законом № 162-ФЗ, так комментирует смысл произошедшего:

«В новой редакции УК РФ конфискация имущества как дополнительное наказание заменена штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы либо иного дохода осужденного за период до пяти лет... что меняет данная новация в мотивации преступного поведения?»

Прежде преступник, сколько бы много он не похитил, должен был помнить о том, что может лишиться всего, даже если будет доказан хотя бы один эпизод его преступной деятельности (и это ослабляло стимулы к совершению преступлений). Теперь имущественная санкция имеет “разумный” предел, и чем больше преступник похитил – тем больше ему останется после расчета с государством (с обществом, с потерпевшим)... Старый тезис “воровать надо по крупному” получил теперь новое подтверждение» – [3, с. 106-107].

Федеральным законом от 27.07.2006 №153-ФЗ конфискация была восстановлена (но теперь – только для преступлений, совершенных после 1 января 2007г. – то есть главная цель отмены все равно была достигнута!), но... Вот что пишет об этом профессор Н.Ф. Кузнецова:

«Трехлетняя борьба за восстановление в УК конфискации награбленного имущества похожа на баррикадные бои криминальных олигархов и грабленной бедноты. Пока победа за первыми. Убедительное доказательство: включенная 27 июля 2006 г. в УК ст. 1041 “Конфискация имущества” в перечне преступлений, за которые допустима конфискация имущества, полученного преступным путем, не содержит экономических преступлений предпринимателями...» – [5, с. 331].

И здесь надо обратить внимание на одно показательное обстоятельство. В тот же день, что и закон № 153-ФЗ, президентом Путиным был подписан и закон №148-ФЗ, вносящий изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Вот как оценивает одну из его новаций С.В. Максимов:

«...Оценивая потенциал информационного подхода для борьбы с практикой увлечения чиновничества бизнесом, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что рамки такой борьбы в общественном сознании могут подвергаться неожиданному “сужению”. Например, с помощью средств борьбы с экстремизмом. Так, в соответствии с Федеральным законом “О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»” от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ к экстремистской деятельности отнесена публичная клевета в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную

должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенная с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке. Те обстоятельства, что клевета всегда предполагает заведомость лжи для клеветника, а сам факт должен быть установлен судом – не мешают среднестатистическому обывателю полагать, что в соответствии с новейшим антиэкстремистским законодательством чиновников ругать небезопасно» – [2, с. 64].

В данном случае не только у обывателя, но и у каждого осведомленного о нынешней практике правоприменения, есть все основания предполагать, что именно против гласности, против информационного противодействия коррупции и направлена данная новация.

Заключение

Мы попытались рассмотреть основные особенности бытия уголовного закона в современной России. Эти особенности определяет имитационный характер ее государственности с внеправовой, коррупционной системой управления.

Какие можно сделать выводы после рассмотрения?

1. Роль уголовного закона в имитационном государстве в значительной степени декоративная, не связывающая производителя правоприменителей.
2. В то же время, возможность избирательного применения уголовного закона делает его одним из средств коррупционной системы управления.
3. Уголовная политика имитационного государства в принципе не способна сломить коррупционную систему управления.
4. Уголовный закон в имитационном государстве является ареной постоянного противоборства коррумпированной власти и гражданского общества¹.

¹ Представляющий гражданское общество автор данной работы надеялся внести ею и свой вклад в эту борьбу...

Список использованной литературы

1. Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. – М., 2007.
2. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М., 2008.
3. Скобликов П.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М., 2007.
4. Лунеев В.В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз. 2003 г. – http://www.igpran.ru/public/publiconsite/luneev_prestupnost_in_russia.doc.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М., 2007.
6. Яни П. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии. – Российская юстиция. № 7. 2001. – <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=5979>.
7. Бинецкий А.Э. Коррупция. – М., 2005.

Магия Генплана

Вчера сходил на слушания по Генплану. Почему бы и нет? Как говорили в Одессе, можно ходить и в бордель, только не надо называть его при этом синагогой...

Мое отношение к актуализированному Генплану Москвы на период до 2025 года, который вынесен на общественные слушания, сугубо отрицательное. Но критиковать его в рамках приложенной к нему модели совместной работы общества и власти в рамках так называемых «слушаний» означает по факту не только согласиться с его правомочностью, хотя бы и «с оговорками», но, что гораздо хуже, согласиться и с этой моделью.

Я против обсуждения этого Генплана *самого по себе*, вне контекста сложившейся и в Москве, и в стране системы управления. И потому буду говорить, скорее, *о контексте*, порождением которого и является данный Генплан.

Нет оснований воспринимать эти дарованные населению слушания как некий шаг в сторону общественного договора, идеей которого вдруг неизвестно с какого перепугу прониклась московская власть. Есть гораздо более приземленное объяснение, поскольку урбанистические проблемы столицы затрагивают самым непосредственным образом и власть федеральную.

Власти Москвы явно и на протяжении многих лет не справляются со своими обязанностями по обеспечению Москвою столичных функций, несмотря на все преференции от своего столичного статуса. Московская власть и рада бы что-то в этой ситуации изменить, но не в силах преодолеть свою природу, заданную все той же системой управления. Все, на что она способна – это в очередной раз совершить доставшийся от предков магический ритуал, называемый «принятие Генплана». Но если когда-то этим обрядом

руководила верховная власть, то теперь верховная власть давно отошла от этих дел и, стоя в стороне, наблюдает...

Картина, которую она наблюдает, неутешительна. Прошлый, 10-летней давности, Генплан вроде бы выполнен, а качество жизни в Москве заметно ухудшилось... Может быть, главный местный жрец со своей челядью как-то неправильно камлают? Может быть, уже пора с них за это спросить?

Вот тут-то у «жреца» и возникает идея: привлечь к этому действию население. Не то чтобы он надеется на то, что сила магии от этого возрастет, конечно, нет. Но зато теперь обвинить его в бездарности и недееспособности станет гораздо труднее – ведь вместе с ним камлал весь народ...

Так вот, за этой отрадной, казалось бы, картиной симитированного диалога власти и населения как-то теряются 2 важнейших обстоятельства, не подлежащие размену любого рода диалогами.

Первое – это полная утрата смысла этой очередной актуализации Генплана. Все главные проблемы мегаполиса давно уже переросли границы города и принципиально разрешимы только в рамках всей московской агломерации, включающей область. Магический ритуал принятия Генплана – архаика, сохранившаяся на фоне отчетливой «интеллектуальной недостаточности» системы городского управления. И приговор городу, неуклонно скатывающемуся в череду техногенных катастроф.

Генплан не дает и не может дать самого главного – программы выхода из транспортно-экологического коллапса, нараставшего в Москве весь десятилетний период после предыдущей актуализации. Он выполняет, по существу, одну функцию – маскировочной сетки с нарисованным благообразным фасадом, которой прикрывают безобразную коррупционную схему освоения территорий (включая природные и особо охраняемые) под коммерческую застройку – в ущерб экологии, внутриквартальным транспортным коммуникациям и капремонту домов в уже сложившихся кварталах... Массового разведения 100-метровых зданий – при отсутствии сколь-либо приемлемой системы спасения их жителей при пожарах...

Да, мы можем и на этом нарисованном фасаде найти ошибки и нарушения, но разве это будет иметь хоть малейшее отношение к тому ужасу, который находится под ним? К наглой экспансии

губительных мусоросжигательных проектов? К благоустройству и озеленению, под которые миллиарды рублей из бюджета города тратятся на уничтожение деревьев и высаживание на их месте газонов, еженедельно умерщвляемых, затем, триммерами? К уничтожению сохранившихся памятников истории и культуры с одновременным строительством новых им на замену?..

Второе обстоятельство – это политическая коррупция, лежащая в основе нынешней системы управления на всех уровнях.

Интеллектуальная недостаточность системы управления – это не порок безудержного стяжательства, не малограмотность тех или иных властных персонажей. Это – неизбежное следствие коррупционного управления, важнейшей основой которого является независимость управляющего от управляемых и от закона при абсолютной личной преданности патрону.

В такой системе – на любом ее уровне – нет места честной позиции ученого и специалиста, нет места независимой экспертизе, нет заинтересованности в реальном учете мнения населения. Вот почему качество любого продукта, выдаваемого такой системой, не зависит от профессионализма исполнителей, а лишь от воли и вкусов главы властной корпорации.

Участвуя в слушаниях по такому продукту, пытаюсь искать в нем ошибки и нарушения, мы рискуем отвлечься сами и отвлечь других от единственно возможного и нужного направления общественного внимания – борьбы против политической коррупции, лежащей в основе неспособности властей противопоставить что-либо реальным современным угрозам, в том числе, техногенным. Которые не удастся предотвратить никакими Генпланами...

август 2009 г.

<http://www.polit.ru/article/2009/08/17/genplan/>

Дороги, которые нам выбирают

«Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?» – это риторический вопрос из далеких перестроечных времен. Иные нынче дороги, да и вопросы по ним уже не риторические... Об этом и пойдет речь.

Впервые тема дорог, *выводящих нас из кризиса*, прозвучала на заседании Госдумы аккурат как год назад. Вспоминали и Рузвельта, и Китай. Темперамент и пафос выступающих заставляли, поневоле, вспоминать о бендеровском плане преобразования Васюков. Идея стимулирования экономики строительством дорог оказалась настолько «плодотворной дебютной идеей», что была поддержана всеми политическими силами... Был даже принят один очень любопытный закон, посвященный дорожной отрасли, перед которой *«для обеспечения инновационного развития экономики» «встают масштабные задачи по развитию дорожной сети и приведению существующих дорог в нормативное состояние»*, как говорилось в его пояснительной записке (к этому закону, создавшему Государственную компанию «Российские автомобильные дороги» – ГК «Автодор» – мы еще вернемся.)

Прошедший год, однако, слегка охладил ажиотаж – даже президент Медведев заговорил о недопустимо высокой стоимости строительства дорог в России (и тут же поддержал идею массового производства дирижаблей).

Тем не менее, ничего из запланированного не отменено, министр транспорта Левитин только усмехается, выслушивая нотации про чрезмерную стоимость строительства, а население...

Думаю, ему стоит поинтересоваться, куда эти дороги ведут. Но сначала – небольшое «лирическое отступление» про наших нынешних творцов «прекрасного далёка».

Дантист Медведев

Неприятно, что приходится вспоминать столь избитое сравнение наших «танDEMократов» со злым и добрым следователями, окучивающими подследственного, но... В нашем случае интересен следующий момент: впечатления о «зле» одного и «добре» другого продиктованы не столько их реальными действиями, не столько даже их высказываниями, сколько жгучим желанием окололиберальной публики разглядеть или даже расшифровать признаки таких различий. Ах эти томительно-желанные поиски «сигналов» в президентских «мессиджах»! К которым все чаще добавляются зашикивания оппонентов: не критикуйте Медведева, не торопите его, этим воспользуются его (и наши!) враги и помешают смене политического курса...

Представим себе, однако, что все эти «мессиджи» перестали достигать нашего слуха и попытаемся оценивать только фактическую, деперсонализированную канву текущей политики. Никаких открытий нас на этом пути, увы, не ожидает: водораздела при смене правителей найти не удастся. Мы имеем дело все с тем же «путинизмом» в новой и где-то оригинальной обертке «танDEMократии», оформляемой нынешним президентом.

«Хитро придумано, признаться, / Чтоб веселей сучилась нить, / Простою сменой декораций / Глаза от мыслей отлучить» – как писал Илья Эренбург.

Очевидно, требования к фантику несколько иные, чем к содержанию, так что намеки на Хлестакова и Манилова кажутся мне слишком возвышенными... В среде русской интеллигенции существовал термин «дантисты», отсылавший к идиоме «заговаривания зубов», обозначавшей известный метод народной медицины. Произносимый при этом текст важен только своим магическим значением, вот почему глупо анализировать сакральные пассажи про «*пять стратегических направлений технологической модернизации*», «*будущую инновационную экономику*», «*комплекс мер по созданию долгосрочных стимулов к повышению качества оказываемых государственных услуг*», «*президентскую тысячу*» лучших управленцев, которых «*должна знать вся страна*», «*соответствие школьного образования целям опережающего развития*»; про то, что «*будет сформирована комфортная среда для осуществления*

в России исследований и разработок мирового уровня» и что «мы с вами живем в свободной и в современной стране»... (тут половина цитат из прошлогоднего послания, половина из нынешнего, и, думаю, половина из следующего).

Все сказанное – к вопросу о цене слов президента Медведева про госкорпорации из его послания: *«Я считаю эту форму в современных условиях в целом бесперспективной»*. Это просто магическая формула по случаю. Летом Дмитрий Анатольевич подписал закон о создании новой, восьмой по счету госкорпорации (в процессе принятия закона названной, для отвода глаз, госкомпанией – той самой, ГК «Автодор»), разрушительной силе которой, как мы увидим, смогут только позавидовать предполагаемые «враги России»...

Ударим коррупцией по бездорожью!

Оставим в покое карнавал «Россия, вперед!» и заглянем туда, где в это время на деловом ужине узкой группы причастных лиц идет разбор по тарелкам очередных порций ресурсов нашей «щедрой души»...

Отвечавший на вопросы населения 3 декабря национальный лидер (не путать с президентом) так объяснил неизбежность коррупции в государствах «переходного периода»: *«Много не отрегулированных законом “серых зон”»*.

Это правда, но не вся.

Вся же заключается в том, что усилиями упомянутой выше «группы причастных», целью принятия новых законов становится не уменьшение, а увеличение числа и размеров таких зон. Эти зоны предназначаются *Хозяйствующему Чиновнику*, пусть даже и действует он через коллегиальный орган (например, правительство). И это многое объясняет – и про коррупцию, и про законы, и про грядущие дороги...

Подводя итоги уходящего года, следует признать: в 2009 году злокачественное новообразование коррупционного управления, возникшее при Путине под вывеской «властной вертикали», достигло новых рубежей в поедании государства.

Конечно, наиболее зрелищно это было продемонстрировано полным разложением системы реализации выборного начала при

формировании и без того полудекоративных представительных органов. Нехорошо получилось – крикуны тут же заявили, что власть утратила легитимность. А такие слова слушать неприятно, ведь если власть нелегитимна, так и принимаемые ею законы, того... Вызывают не только ненужные сомнения в необходимости их исполнять, но и еще хуже – мысли о том, для чего, собственно, они принимаются?

Поскольку слово «коррупция», во-первых, навязло в зубах, а во-вторых, используется в очень разнообразных значениях, я сейчас объясню в двух словах, в чем суть *нашей* коррупции.

Представьте себе, что служебные функции чиновника-управителя подчинены всего двум задачам. Первая – под прикрытием исполнения легального решения исполнять скрытную договоренность с вышестоящим управителем, не обращая внимания ни на чьи-либо права, ни на ущерб государству. Вторая – в рамках решения первой задачи, воспроизвести скрытную *договоренность* своего уровня, обеспечивающую при ее реализации максимальную личную выгоду, хотя бы и с причинением ущерба тому же государству, а также оформить легальное решение, ее прикрывающее.

Из такого описания коррупционного управления видно, что для его функционирования требуется, с одной стороны, полная информационная закрытость *договоренностей* от управляемых, то есть, от общества, а с другой – подходящая правовая среда, создаваемая законодательной и судебной службой, позволяющая легко маскировать нелегальные *договоренности* легальными решениями, принимаемыми якобы в целях общественного интереса. Ключевые слова, которые используются в создающих такую среду правовых актах, – «в целях дальнейшего развития» или «дальнейшего совершенствования»... В переводе это значит, что найдено еще одно направление «освоения» (пожирания) государственных ресурсов.

То, что управитель неизбежно принимает такое решение, которое наносит государству ущерб, – это плохо. Плохо, когда в неизвестном направлении исчезают кредиты и бюджеты, плохо, когда доходы укрываются в офшоре, да и когда госбюджет начинают всякими фантомными «нано» – тоже нехорошо...

Но присосавшийся к ресурсу паразит – это еще полбеды. Нехватка ресурсов приводит к периодическому спекулятивному вздуванию их стоимости, для чего используются любые средства. Эта форма «предпринимательства» много лет активно практиковалась строительным комплексом Москвы, интегрировавшим в себя властные структуры. Жилье было превращено в средство вложения капитала, соответственно росла его стоимость, соответственно, росло число новых инвесторов, и все повторялось. Раскручивание такой «пирамиды», выдаваемой за «естественный» рыночный процесс, основывается на неограниченных возможностях использования рычагов административно-криминального рейдерства в отношении рядовых правообладателей столичной недвижимости. Оказавшийся в нижнем звене пищевой цепочки коррупционного паразитирования, богатейший по налоговым поступлениям город «расплачивается» транспортным коллапсом, чудовищной экологией, провалом жилищных программ, развалом ЖКХ, высокой социальной напряженностью...

И вот теперь, похоже, наступает новый виток того же явления – теперь в Московской области. Называть мы его будем аббревиатурой ЦКАД, что значит Центральная кольцевая автодорога. Это вам не коллаيدر, это круче.

Но чтобы понять все прелести этого проекта, обратимся к месту развертывания основных событий.

Пояс мегаполиса

Когда-то власть, корыстно, но нуждалась в населении – как источнике своего процветания и стратегическом ресурсе. Власть, особенно столичная, не забывала, что лесопарки и пригородные леса способствуют очищению воздуха в городах, служат любимым местом отдыха этого населения. Именно тогда, в 1935 году, и был запланирован Лесопарковый защитный пояс города Москвы (ЛПЗП) с режимом заказника.

Его основной функцией было сохранение вокруг Москвы лесных средообразующих и водоохранных массивов, служивших и местом загородного отдыха. В расширенные в 1960-м границы ЛПЗП вошел северный комплекс водохранилищ – Клязьминского, Учинского, Пяловского, Пестовского – в системе канала им. Мос-

квы, территории вдоль Москвы-реки и р. Пехорки. Более чем 40% из 172,5 тыс. га территории ЛПЗП занимали лесопарки. В Правилах застройки ЛПЗП г Москвы, он трактовался как «зеленые легкие» Москвы. В дополнение к ЛПЗП, в 1950 году Правительство СССР специальным постановлением создает вокруг Москвы 50-километровую «зеленой зону».

Шли годы, на ЛПЗП и «зеленую зону» велось активное градостроительное наступление. В противовес ему, в 1990-1991 годах был разработан «альтернативный» Генплан города Москвы, в котором предусматривалось линейное развитие городских территорий Московской области вдоль основных радиальных направлений. В 1992 году появились совместно разработанные «Основные направления развития Москвы и Московской области на период до 2010 года», где территория в границах лесопаркового защитного пояса рассматривалась как «внутренняя зона Московской агломерации» с жестким режимом регулирования градостроительной активности.

Однако с началом эры «большого хапка» и в условиях бесконечного дележа сфер влияния между Москвой и ее областью, все эти разработки потеряли актуальность. Население стало превращаться для власти во все более нежелательное обременение свалившейся ей в руки собственности. Конечно, нефти и газа в Подмосковье не добывают, но зато есть другой, не менее ценный природный ресурс – земля. На которой можно строить коммерческие объекты, а в Москве – еще и «озеленять», отвлекая в карманы бюджетные потоки... В результате Московская область потеряла более большую часть сельхозугодий и 5% лесного фонда, переводимого в земли поселений...

Теперь настал более решительный этап этого «освоения».

ЦКАД подкрался незаметно

Местом рождения ЦКАД, в правовом смысле, являются Основные направления устойчивого градостроительного развития Московской области, утвержденные постановлением Правительства МО от 30.12.2003 № 743/48. Цитировать этот документ – просто мед пить, что там послания!

«Московская область – неотъемлемая часть России и Европейского континента, территория которой развивается согласно общеевропейским законам, разделяет общеевропейские ценности, поддерживает общеевропейские гуманитарные идеи. Правительство Московской области одним из первых в России поддержало основополагающие принципы устойчивого развития на Европейском континенте, принятые Комитетом министров Совета Европы».

(Забегая вперед, скажем, что правдой из всего перечисленного можно считать только «раздел ценностей» отдельными руководителями этой неотъемлемой части Европейского континента, да и то не общеевропейских, а украденных по месту службы, что и привело в результате Московскую область к нынешнему финансовому банкротству. Об этом стало возможным говорить вслух после того, как в августе 2008 г. из России в США отбыл, без лишнего шума, по месту вложения нажитого непосильным трудом 1 миллиарда долларов один из главных фигурантов этого «раздела», гражданин США и, по совместительству, министр финансов и первый зам. губернатора МО А.В. Кузнецов. Кстати, рекомендую набрать в поисковике три слова: «Кузнецов Пантелеев Кацыв» и посмотреть, что выйдет...)

В этих «основных направлениях», ЦКАД, создание которой «может вестись “не с нуля”, а опираясь на существующие Малое и Большое Московские кольца», позиционировалась как «инструмент спасения головных участков федеральных дорог от транспортных пробок». И, далее: «Без ЦКАД очень скоро автомобильное движение в центре области будет парализовано... Формирование кольцевого обхода Москвы в полосах отчуждения существующих дорог позволяет значительно снизить экологический ущерб от строительства новых дорог, затраты на выкуп земельных участков и инженерные изыскания». Излишне говорить, что речь шла о платной дороге.

После такого зачина, ЦКАД внесли в мае 2006 г. в Федеральную целевую программу (ФЦП) «Модернизация транспортной системы России (2002-2010 годы)», утвержденную Правительством РФ еще в 2001 г. Дорога с 4-6-полосной проезжей частью имела ориентировочную протяженность 417 км, стоимость инвестиционного проекта – 228,5 млрд. рублей.

Сейчас, на завершающем этапе утверждения проекта строительства, длина дороги (522 км) увеличилась на четверть, а стоимость инвестпроекта дошла до **520 миллиардов**. Предполагаемая опора на существующие кольца сведена до минимума – порядка 100 км. 40% трассы проходит по территории защитных лесов. Под вырубку для ее строительства попадают леса на площади более 5 000 га... Но это – только вершина айсберга.

В лес по государственной нужде

Специалисты-транспортники спросили меня недавно: чего волноваться-то? Ведь все равно ЦКАД строить не на что, с коммерческой точки зрения проект бредовый, иностранцы не вложатся, а у государства денег нет, и не предвидится... Пусть себе утверждают свой проект...

В этих рассуждениях не учитывается самая малость: кража выделяемых на строительство средств – это лишь один из каналов наживы. Причем канал рискованный, поскольку изобилия бюджетных потоков не предвидится, а по факту невыполнения проекта можно попасть в число «стрелочников». Другое дело – землеотвод. «Бесхозные» земли защитных подмосковных лесов можно по закону переводить в земли иных категорий, допускающих коммерческую застройку, только в очень ограниченном числе случаев. Один из них – перевод в земли поселений – имеет массу ограничений в силу привязки к этим поселениям. Другое дело перевод земель для *«размещения объектов государственного или муниципального значения при отсутствии других вариантов возможного размещения этих объектов»*. Здесь открываются возможности освоения лесных земель совершенно иного масштаба.

Таким образом, проект ЦКАД как объекта государственного значения – это просто отмычка к грандиозному освоению земель лесного фонда и заложенным в этом освоении колоссальным криминальным доходам, не имеющим, разумеется, значимого отношения к судьбе собственно самой дороги как скоростной федеральной магистрали. Главное – спровоцировать бум среди потенциальных арендаторов и собственников.

Чтобы понять, как после принятия «Основных направлений устойчивого градостроительного развития Московской области»

стала реализовываться заявленная в нем поддержка поддержки «*Основополагающих принципов устойчивого развития на Европейском континенте*», следует обратиться к Схеме территориального планирования МО, утвержденной в 2007 г. В ее составе есть впечатляющая «Схема зон планируемого размещения объектов капитального строительства – территории концентрации градостроительной активности». Синий цвет этих территорий не оставляет буквально ни одного живого места в радиусе порядка 30 км от МКАД и отчетливым широким поясом следует вдоль будущей ЦКАД.

Если наложить схему этих территорий на карту лесных территорий из Лесного плана МО, то площадь запланированной застройки защитных лесов будет исчисляться уже **десятками тысяч га**. Туда попадут полностью или частично лесопарковые зоны Лобненского, Учинского, Пироговского, Химкинского, Подушкинского, Томилинского, Бутовского, Видновского, Богдановского, Горенского, Кучинского, Салтыковского участков лесничеств (бывших лесопарков). По мнению экспертов, это приведет к необратимым для природы последствиям, угрозам образования фотохимического смога, техногенного загрязнения водохранилищ до опасных пределов и других нарушений основ системы жизнеобеспечения московского региона. Увеличатся темпы роста смертности от злокачественных новообразований – именно от них защищают нас эти леса, фильтруя мелкодисперсную пыль, переносящую на себе на большие расстояния бензапирен и другие канцерогенные автотранспортные загрязнители...

Понятно, что после этого, продекларированное назначение проекта ЦКАД: «*Снижение отрицательного воздействия автотранспорта на окружающую среду*» – звучит едва ли не издевательски...

Впрочем, чтобы судить об уровне проработки экологических последствий проекта, достаточно заглянуть в его тома, посвященные ОВОС – оценке воздействия намечаемой хозяйственной деятельности на окружающую среду (по ней как раз идут сейчас общественные слушания). Знаете, как там, например, доказывается тезис о том, «*Загрязнение атмосферного воздуха от функционирования ЦКАД не приведет к сверхнормативному загрязнению атмосферного воздуха на прилегающей территории*»? А очень прос-

то: публике представлена таблица сравнения суммарных величин выброса всех загрязняющих веществ для существующего положения (это как бы «нулевой вариант») и прогнозируемые на момент реализации проекта (2030 год). А так как к 2030 году ожидается переход по нормативам выбросов двигателей и качества топлива на стандарт Евро-3, то в расчет вводятся понижающие коэффициенты 0,2 и 0,3 для величин основных загрязнителей... Результаты сравнения превосходны: нынешние цифры куда как хуже тех, что будут в 2030 году!..

Ну а экологических последствий вырубки лесов под трассу в проекте просто нет... Так проще.

Так проще

В 2007 году, когда утверждалась Схема территориального планирования МО, упомянутая карта территорий концентрации градостроительной активности напрямую нарушала Лесной кодекс, запрещающий капитальное строительство в защитных лесах тех его категорий, которые и составляли большую часть планируемых под застройку. Это, в основном, зоны 1 и 2 поясов охраны источников питьевого водоснабжения, а также зеленые зоны и лесопарки. В частности, ныне скандально известный проект платной скоростной автомагистрали «Москва – Санкт-Петербург 15-58 км», являвшийся «пилотным» среди аналогичных и смежных с проектом ЦКАД, предусматривал строительство автомагистрали прямо через Химкинский лес, имеющий категорию «лесопарк». Нужно ли упоминать, что на карте территорий концентрации градостроительной активности этого леса нет уже вовсе?

Химкинцы не сразу, но разобрались, что закон на их стороне. И стали требовать его соблюдения. В свою очередь Мослесхоз, федеральный орган государственной власти, уполномоченный в области лесных отношений, преспокойно воспроизвел в Лесном плане МО все размещаемые Правительством МО в лесопарках трассы... То есть федеральный орган, призванный контролировать соблюдение Лесного кодекса, подтвердил, что это не более чем пустая бумажка.

А в это же самое время, осенью 2008 г., Комитетом по природным ресурсам, природопользованию и экологии Госдумы, возлав-

ляемым госпожой Комаровой, (прославившейся недавно своим лозунгом борьбы «с экологическим террором псевдозеленых организаций», являющимся «одним из элементов коррупции»), был вдруг внесен скромный такой законопроект «О внесении изменений в Лесной кодекс РФ и другие законодательные акты». Скромный – потому что в целях *«правового регулирования заготовки древесины государственными учреждениями, а также приведения в соответствие терминологии ряда федеральных законов с лесным законодательством»*...

Эта трогательная забота о правовых тонкостях заготовки древесины отработала блестяще: «псевдоэкологи» расслабились, и не проследили, какие дополнения были внесены в этот законопроект ко второму чтению. А дополнения эти, внесенные все той же Комаровой и ее замом, обеспечивали именно то, чего так не хватало чиновникам для легитимации запланированной ими застройки лесопарков.

Самая пакостная вещь, которую сотворила госпожа Комарова с Лесным кодексом, выглядит так.

До поправок существовало 4 правовых барьера от застройки лесопарков.

Во-первых, напрямую строить там запрещала ст. 105 Лесного кодекса. Во-вторых, ст. 102 ЛК запрещала в защитных лесах любую деятельность, *«несовместимую с их целевым назначением и полезными функциями»*, к коим прокладка скоростных автомагистралей явно не относится. А чтобы лесопаркам нельзя было изменить целевое назначение, этот барьер «подпирала» еще статья 86 Земельного кодекса, запрещавшая перевод земель лесопарков в земли иных категорий. Четвертый, самый «слабый» барьер – статья 11 из закона о переводе земель, запрещавшая перевод земель защитных лесов для размещения иных объектов, кроме как государственного или муниципального значения *при отсутствии других вариантов возможного размещения этих объектов*

Поправки Комаровой, как казалось сначала, снимают всего один барьер – запрет Земельного кодекса на перевод земель. Это дружно, скосив глаза, утверждали и чиновники, заверяя, что лесопарки все равно защищает статья 105 ЛК...

Разглядеть заложенную в поправки «мину» удалось не сразу – так хитро она была замаскирована.

Впрочем, по своей сути она как раз была не нова, а в точности воспроизводила хорошо известный в Москве механизм так называемой «корректировки границ» ООПТ (особо охраняемых природных территорий). Это когда от ООПТ отрезается кусок под застройку элитным объектом, а где-нибудь за несколько километров кусок равной площади объявляется ООПТ. Данный механизм тоже когда-то был введен поправкой в соответствующий закон...

И вот теперь «поправленный» Лесной кодекс предоставил чиновнику право обвести любой участок лесопарковой зоны и назвать его... ну, скажем, защитной полосой лесов, расположенных вдоль автодорог. Теперь там можно строить дорогу! Надо только перевести в земли транспорта, и вот уже и его целевое назначение стало другим...

А километрах в сорока обведенный таким же образом участок той же площади отныне будет иметь категорию «лесопарковая зона». Приезжайте, житель Химок, под Дмитров, и гуляйте, сколько влезет, в вашей лесопарке!

Собственно, все это уже произошло. На последний, четвертый барьер власть, как и следовало ожидать, просто наплевала. Так ведь нет ясного механизма учета наличия этих самых альтернативных вариантов на этапе подготовки перевода земель!

Путин-то, оказывается, злоупотребляет!

Поняв, к чему идет дело, химкинцы уже с мая этого года принялись бомбардировать государственные органы обращениями, проводя пресс-конференции, привлекая СМИ. *«Есть, есть альтернативные варианты, вот они!»* – потрясали они письмами заместителей министров и другими документами, содержащими доказательства. После очередных отписок из Минсельхоза и Минтранса области в ответ на обращения к Путину, химкинцы пробились даже на прием к федеральному министру природных ресурсов и экологии Трутневу. Министр, как и все те, от кого решение вопроса зависело мало, выразил свою полную поддержку...

Были и на приеме у депутата Госдумы РФ из того самого, возглавляемого Комаровой комитета. И госпожа Комарова в письменном ответе своему депутату объяснилась. Этот ответ весьма примечателен. Защищаясь от обвинений в том, что норма об аль-

тернативных вариантах закона о переводе земель «мертвая», госпожа Комарова заявила:

«Полностью согласна с заявителями в том, что “неоспоримое наличие иных вариантов размещения автомагистрали исключает возможность перевода земель защитных лесов лесного фонда, включая Химкинский лес” в иную категорию.

Однако не разделяю их мнения, что “оговорка закона «при отсутствии других вариантов...” является для... Рослесхоза «мертвой» нормой...”».

И, после обоснования своего возражения, глава профильного комитета Госдумы «перевела стрелки»:

«Подводя итог, отмечу, что описываемая в обращении ситуация со строительством магистрали “Москва – Санкт-Петербург”, в первую очередь, говорит о злоупотреблениях при исполнении закона, а не о несовершенстве законодательства»...

Слава Богу!

Теперь, когда 5 ноября Путин, подписал-таки распоряжение о переводе земель Химкинского леса под строительство дороги, химкинцы знают, что они едины с Госдумой в своей оценке этого деяния: **злоупотребление при исполнении закона.**

«Специальный субъект» коррупционного управления

Проблема ЦКАД, как и других строящихся и реконструируемых федеральных автомагистралей Московской области, выходит, однако, далеко за ее пределы. Дело в том, что это лишь первые и наиболее заметные проекты. В которых, однако, проступают общие тенденции, заложенные в так называемую «модернизацию» дорожной сети России.

Чтобы оценить эти тенденции, обратимся к подписанному 17 июля этого года уже упоминавшемуся Федеральному закону «О Государственной компании “Российские автомобильные дороги” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Тем более что дороги Москва – Санкт-Петербург и ЦКАД, значатся среди первоочередных из числа передаваемых ГК «Автодор» в доверительное управление на первом этапе (до 2016 г.) 6-и тысяч километров федеральных трасс.

Создание ГК «Автодор» вполне закономерно: ведь если даже для содействия реформированию ЖКХ была создана госкорпорация, получившая от государства на эти цели 240 миллиардов рублей, так неужели не меньшая по масштабам задача развития дорожной сети могла бы решаться без столь же «эффективной» структуры? В общем, и здесь обширная «государственная нужда» потребовала дополнения территориальной системы «кормлений» соответствующей отраслевой...

Слово «эффективной» употреблено выше, разумеется, исключительно в смысле целей коррупционного управления, создания источника коррупционной ресурсной ренты. Так, относительно той же госкорпорации «Фонд содействия реформированию ЖКХ», на сайте генпрокуратуры выложены материалы проверки, выявившей по итогам 2008 г. *«факты расточительного расходования бюджетных средств»* – самого примитивного способа присвоения этой ренты (а глубже никакой генпрокуратуре соваться не позволено). Вознаграждение за год в этой «некоммерческой организации» у менее чем десятка ее руководителей составило 55 млн. рублей (у одного председателя правления – 16,5 млн.)... Учитывая «профиль» госкорпорации, генпрокуратура привела в пример такие данные: *«...Примерно столько же Еврейской автономной областью было затрачено на капитальный ремонт 48 многоквартирных домов общей площадью 56,15 тыс. кв. метров, а Томской областью – на ремонт 77 многоквартирных домов общей площадью 121,5 тыс. кв. метров»*. (Странно, правда, что генпрокуратура не перевела в отремонтированные дома все 240 миллиардов – это было бы уместнее.)

И вот, с «целью совершенствования системы управления дорожным хозяйством», президент подписывает закон о создании «специального субъекта управления инвестиционно-привлекательными автомобильными дорогами федерального значения, передаваемыми в доверительное управление Государственной компании для их развития на основе концессионных механизмов с привлечением внебюджетных средств» (как сказано в паспорте законопроекта) – ГК «Автодор». Для которой, разумеется, введен тот же режим освобождения от контроля и ответственности, что и для прочих госкорпораций: нераспространение законодательства о банкротстве, общих правил контроля за НКО...

Содержание этого закона, принятого государством, скатившимся за время правления Путина на 147-е (из 180) место по уровню коррупции и громогласно заявляющим о приоритетности задачи борьбы с нею, – вызывает оторопь.

Для достижения целей своего создания – доверительного управления платными дорогами, поддержания их в надлежащем состоянии и строительства новых, ГК «Автодор» осуществляет как множество полномочий Российской Федерации, так и широчайшие возможности «собственной деятельности» на коммерческой основе. Если говорить кратко – «Автодор» будет строить платные дороги, главным образом, на бюджетные средства (880 миллиардов руб. до 2016 г.), а затем собирать деньги в свою пользу.

Каким-то неведомым образом, собственная деятельность компании, не являющаяся деятельностью по доверительному управлению, финансируется не только из имущественных взносов РФ в форме субсидий, но и из доходов от передачи в субаренду земельных участков, передаваемых ей в аренду безконкурсно, за плату, не превышающую один процент их кадастровой стоимости... «Автодор» будет осуществлять полномочия по резервированию земель и изъятием земельных участков в границах полос отвода и придорожных полос, брать, затем, эти участки в аренду и – сдавать в субаренду... Заодно, будет *«участвовать в обеспечении защиты прав и законных интересов граждан при осуществлении дорожной деятельности»*... В общем, как та «скорая помощь», которая «сама едет, сама давит, сама помощь подает»...

Так вот, самые пикантные нюансы в деятельности этого монстра касаются как раз тех самых «прав и интересов граждан» – в связи с введением платных автодорог, строящихся на концессионной основе, как это определялось в законе «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности», принятом в ноябре 2007 г.

Именно в том законе (опять-таки, ко второму чтению!) возникла фантастическая норма о допустимости до *трехкратного* перепробега для обязательных, альтернативных платным, бесплатных дорог. То есть, по закону, бесплатной альтернативой проезду из Троицка в Апрелевку по платной ЦКАД допустимо считать путь через Москву...

Закон о ГК «Автодор», пробивший коррупционные бреши во множестве действующих кодексов и законов, «развил» и закон о дорогах, введя новацию по теме их платности.

Было введено понятие «платного участка дороги», а ГК «Автодор» дано право получать в доверительное управление и *объявлять платными не только строящиеся и реконструируемые дороги или их участки, но и вообще любые участки любых дорог!..*

Таким образом, ГК «Автодор» будет не только (а может, и не столько) строить платные дороги, но и собирать с автомобилистов, уже раз оплативших налоги на строительство и ремонт инфраструктуры, *дополнительный налог* в форме платы за проезд. Поскольку трехкратный перепробег мало кого устроит...

Противодействие клопам с помощью диванов – вот и вся «борьба с коррупцией», на которую способно это государство. Но клопов много, а диванов все меньше...

Слово за обществом.

21.12.2009

<http://www.polit.ru/article/2009/12/21/dorogi/>*

Чистка судейской нечисти

У меня, конечно, очень нервное отношение к нашим судьям.

Тому есть, разумеется, вполне уважительные причины, которые в полной мере можно прочувствовать, только хорошо посудившись за нарушенные гражданские права.

Хотя надо сказать, что любой обращающийся в суд – пусть даже по частно-правовому спору с соседом, объективно является перед судом врагом государства. Ведь истинная функция судов (как и ментов с прокурорскими) – это правовое оформление важных «государственных дел» угнездившейся в госаппарате чиновной крысы-шушеры – захвата, увода, прикрытия и расправы. А тут лезет всякая ботва под ноги...

Вот, собственно, почему граждане-сутяги толпятся, как и прежде, часами – хоть бы и в шикарном здании райсуда – а все равно перед убогим окошечком гражданской канцелярии, где девочка-стажерка ищет их дела в грудке пыльных папок так же, как и 20, и 40, и 60 лет назад... Перечень издевательств в судебных коридорах бесконечен. Тех же, кто употребляет суды по «государственному делу», в этих коридорах нет – у них свои, крысиные ходы...

Итак, даже самый последний лох, явившийся в суд за защитой – это враг Системы. Потому что либо не знает, либо не хочет признать, что он никто и зовут его никак. Что он просто обременение чьей-то собственности, и своим требованием защиты это обременение усугубляет...

Что же это я так взъелся на суды – спросит иной читатель – а менты да прокурорские – лучше что ли?

Вопрос правомерный, и я отвечу без колебаний: да, менты и прокурорские, конечно, «лучше».

Потому что их произвол и безнаказанность опираются на суды, а не наоборот.

Потому что менты и прокурорские и прочие чиновные всего-навсего плюют на человека или мордуют его, но человек знает, что он жертва наплевательства и произвола, и что ему есть куда пожаловаться на этих «оборотней» – их начальству или в суд, и надежда на справедливость хранит его душу.

Но вот суд, куда он пришел, в конце концов, со своей болью, вдруг оказывается каким-то сатанинским зазеркальем, где в конце мытарств ему торжественно сообщают: все, что с ним делали менты да прокурорские и прочие чиновные – это было по закону, по Конституции, а все его якобы нарушенные права – от дурного характера и извращенного воображения (однако государство у нас доброе и все эти пакости ему прощает)...

Человек щиплет себя, пытаясь избавиться от наваждения, человек подает кассацию... Решение суда обоснованное, а его жалоба – результат непонимания закона, сообщает ему вышестоящий суд...

И человек чувствует, что ему выжгли душу.

Потому что надеяться больше не на что.

Роль судов в поддержании коррупционной системы управления переоценить невозможно.

Пока гражданское общество что-то там обсуждало, крыса-шущера действовала. Превращая российскую государственность в «нарисованный на холсте очаг».

И вот к чему мы в результате пришли: чиновник присвоил себе право совершать любые преступления, преследуя при этом любого обличителя как врага государства (дело Магнитского, да и многих других).

Суды, именно суды – это та кашеева иголка в яйце, то «кольцо всевластия», на котором держится выстроенный при Путине мордор.

Откуда же взялась эта напасть? Неужели из «проклятого советского прошлого»?

Нет, прошлое, конечно, предоставило подходящий «материал», но главное – это гениальная по простоте «реформа», состоявшаяся в первое пятилетие путинского правления.

Ее суть состоит из двойного «крючка»: один – это «крючок» пожизненного высочайшего благополучия и второй – «крючок» страха, невесть за что, «выпасть из обоймы», потеряв власть и это благополучие.

«Крючок» благополучия, на который «подвесили» судей, состоит не только и не столько в официальном доходе, впятеро превышающем средний по стране, не только в прочих льготах и благах.

Вот простая иллюстрация его сути: уходя в отставку в 55 лет, женщина-судья, – а в России это была и пока есть преимущественно «женская» профессия, – получает неслыханное среди других женщин-пенсионеров обеспечение: 70% оклада, что составляет более 60 тыс. рублей в месяц. То есть, до конца жизни – лет еще, этак, 20-25, можно, не работая, безбедно жить в какой-нибудь благополучной средиземноморской стране...

Отставка же, на фоне такой перспективы, сулит ничем не восполнимые материальные и моральные потери. А если она произойдет до выработки 20-летнего стажа – то вообще катастрофа: обычная пенсия...

Одновременно, судью «подвесили» на «крючок» страха: работать дальше судьей или нет – эти ключики прибрали к рукам никому не известные лица, даже не обязательно из Администрации. В общем, «смотрящие» за судами. Через иерархию их председателей.

Вот и весь «секрет» тех решений, которые принимают суды, а точнее – судьи, полностью зависимые от неизвестных им лиц и управляемые иерархией «погонял» – председателей судов... Потому что все их «внутреннее убеждение» имеет теперь простой, как грабли, стержень: принятое решение должно соответствовать тому, что хочет председатель суда и его начальники (и лучше, разумеется, перестраховаться!).

Так что российскую Фемиду Путиновну надо изображать не с весами в руках, а с двойным крючком, который, замечу, хорошо получается из двухглавого орла, перевернутого вверх лапами...

Замечательным следствием такой системы назначений стало «доведение до совершенства» новой «системы права» – *толковательного*, оставившего писаному праву, во главе с Конституци-

ей, роль некоего архитектурного образа на маскировочной сетке, скрывающей реальное содержание в виде развалин и свалки.

Инструментом толковательного права стало явочное снятие каких-либо ограничений в толковании правовой нормы принимающим решение судьей. Что хорошо корреспондирует с заданностью «внутреннего убеждения»...

Теперь сферой принятия решений является не только оценка доказательств, но и оценка норм писаного права: нормы, угрожающие судье «когнитивным диссонансом» при столкновении с его «внутренним убеждением» – просто игнорируются.

Буквальный смысл нормы утратил свой смысл (прощение за каламбур!) – важен только тот смысл, какой придаст норме в своем решении судья. А толкование, которое он запишет в решении, и заменит с этого момента писаную норму. Это примерно как если суд «установит», что Волга впадает в Черное море: после этого можно сколько угодно трясти в другом процессе или даже в другом государственном органе картами и справками – вам сошлутся на решение суда...

Ну вот, после такого предисловия, перейдем к делу.

Идея не нова: создать реестр судей, которые очевидным для любого гражданского активиста образом «засуживали» человека на основании своего «внутреннего убеждения», отвергая без обоснования его доказательства, игнорируя и/или извращая ложным толкованием правовые нормы. Я называю их судьями чисто номинально; правильное им название (оно же – мое оценочное суждение) – ряженая нечисть Фемиды Путиновны.

Для работы в этом направлении в полном формате я еще 3 года назад предложил организовать сеть Бюро общественной экспертизы правосудия, но это задача оказалась неподъемной – по этой очевидной причине ее все одобряли, но никто не взялся за реализацию.

Я отдаю себе отчет в сложности подобной задачи, поэтому ограничиваюсь только административным производством по делам, связанным с гражданской активностью: по статьям 19.3, 20.2, 19.1 и, возможно, некоторым другим (в зависимости от фантазии правоприменителей).

Здесь не потребуется таких усилий, которые требуют правовые экспертизы наподобие той, что была предпринята комиссией Совета по правам человека по делу Магнитского.

Такой реестр, как я надеюсь, станет источником обновления «списка Кардина» и заставит других судей усомниться в своей безнаказанности перед гражданами. Что, как в «суде Камбиза», безусловно, повысит «качество судейства»...

август 2011 г.

<http://peremen.me/blog/2012-06-01-37>

Не будет вам и чечевичной похлебки

Говорить он начал не сразу. Равнодушно посмотрев на толпившихся возле телеги эсеров, он вытер ладонью лоб, потом обвел глазами толпу, сложил огромный кулак дулею, выставил его так, чтобы он был всем виден, и спросил спокойно, громко и с издевкою: «А этого вы не видели?»

А. Гайдар. Школа

Ждут – не дождутся новую, скоростную дорогу Москва – Санкт-Петербург химчане... Сходненцы и солнечногорцы... Зеленоградцы и менделеевцы...

«Лес не надо рубить, говорите? Дык это ж не мы решаем, мы люди маленькие... У нас своих дел хватает... А тут – хоть одна проблема, транспортная, решится, наконец...».

Вот на этом самом месте и вспоминается мне персонаж, нашедший нужные средства выражения (см. эпиграф) для возвращения к действительности развесившее уши население.

Нет, не решится ваша транспортная проблема, не стройте, граждане, иллюзий. Напрасно вы предали ваши леса.

Начнем с того, что *решение транспортной проблемы и строительство новой автодороги* – это, вообще говоря, совершенно разные задачи. Это за бугром дороги строят для решения транспортных проблем. А у нас их можно строить для очень разных целей – как декларируемых, так и не очень.

Попробуем разобраться.

Итак, скоростная платная автодорога Москва – Санкт-Петербург (как и Центральная кольцевая автодорога – ЦКАД), придуманная в 2004 г., была внесена в 2006 году в Федеральную целевую

программу (ФЦП) «Модернизация транспортной системы России (2002 – 2010 годы)» (в редакции постановления Правительства РФ от 31 мая 2006 г.), переименованную с 2010 в «Развитие транспортной системы России (2010 – 2015 годы)».

В этой самой Программе, с одной стороны, говорится вполне правильные вещи:

*«Конфигурация сети автомобильных дорог федерального значения имеет **ярко выраженную радиальную структуру, дополненную рядом обходных и кольцевых автомобильных дорог с недостаточным числом соединительных и хордовых дорог.** На европейской территории Российской Федерации радиальная структура автомобильных дорог федерального значения ориентирована на г. Москву, в то время как ряд регионов, например на северо-востоке, не имеет автодорожных связей между соседними субъектами Российской Федерации по кратчайшим направлениям. Подобная структура сети автомобильных дорог федерального значения показала свою недостаточную эффективность...»*

А с другой стороны... Каким же это, интересно, образом способствует изменению описанной ситуации внесение в Программу двух этих дорог, одна из которых – *радиальная*, ориентированная на Москву, а другая – *кольцевая*?

Разумеется, никаким. Просто красивые слова пишут специалисты, а реальные проекты под эти слова подставляют совсем другие люди, которым дороги нужны вовсе не для решения транспортных проблем...

Вы же прекрасно знаете, что в путинской России декларируются одни задачи, решаются другие, а результат получается «как всегда»... Или вы думаете, у вас ожидается исключение?

Сейчас я попробую объяснить, почему новая дорога не просто не решит транспортных проблем химчан, сходненцев и далее по списку, но и серьезно их усугубит.

Когда говорят об аферности данного проекта, точнее, его «пилотного» этапа – строительства головного участка 15 – 58 км (от МКАД до границы Солнечногорского района), обычно указывают на *траекторию* трассы, причудливо изогнутую для максимального размещения на участках Химкинского леса. При этом на 7 км

этого отрезка намечены 4 точки доступа, что полностью противоречит понятию «автомагистрала», указывая на то, что данный участок предназначен для обслуживания прилегающих территорий – вопреки законодательному запрету.

Конечно, здесь очевиден традиционный замысел коммерческого освоения практически бесплатных, прилегающих к трассе лесных территорий: ведь их рыночная стоимость, исходя из которой они и будут сдаваться в субаренду, в тысячи раз выше кадастровой... А величина придорожной полосы, где можно размещать объекты «инфраструктуры» – 75 – 150 метров с каждой стороны... И в результате, вместо головного участка скоростной автомагистрали на подходе к Москве возникнет нечто, напоминающее отрезок МКАД... И это еще будет самый благоприятный вариант – если только оставшийся лес не начнут застраивать, присоединив его земли к городу Химки.

«Какое коммерческое освоение? – восклицают лоббисты. – Этот проект возник еще в 70-е годы!» Это же вранье с удовольствием недавно повторил и застройщик-концессионер в лице своего главного менеджера: *«Мало кто знает, но его история насчитывает более 40 лет. В таком виде коридор для прохождения первого участка трассы Москва – Санкт-Петербург через Химкинский лес был запланирован еще в 1971 году»* (<http://www.kommersant.ru/doc/1782998#t59386409>).

На самом деле, в генплане 1971 года дорога через Химкинский лес проходила в створе нынешнего Вашутинского шоссе и вовсе не в Ленинград, а в Вологду. А в 1992 году появились «Основные направления развития Москвы и Московской области на период до 2010 года», где одна дорога – «обход Химок», огибала Химкинский лес слева, другая – на Ленинград – справа. И ни одна – через лес! И только в 2005 году на схемах появился нынешний маршрут. Одновременно, НИИ градостроительства Московской области было прекращено финансирование проекта расширения Ленинградки...

Так мы обнаруживаем, что головной участок новой трассы совмещает в себе *совершенно различные* функции двух ранее планировавшихся: федеральной скоростной трассы (включая скоростной

подъезд к Шереметьево) и региональной обходной. Собственно, последнее и обуславливает такое количество развязок на этом участке. А также обязательство государства обеспечить химчанам бесплатный по нему проезд в Москву...

Застраивая высотками дубраву на Левобережной, администрация Химок так и отвечает на вопрос о транспортной ситуации: ездить будете по новой автомагистрали!

Осталось только уточнить – когда и куда?

Лично я верю, что концессионер-застройщик – Северо-Западная концессионная компания (СЗКК), способен построить за три года мост через канал. Но что из этого следует? А вот что: в 2015 году химчане получат, наконец, счастливую возможность добраться до Бусиновской развязки, а там – и на улицу Дыбенко (съезжать на МКАД вряд ли кому придет в голову). Вот только что они при этом выиграют – большой вопрос. Потому что вместе с ними туда же въедет еще кое-что – соответственно *федеральной* функции этой автодороги... И куда все это рассосется с улицы Дыбенко – это может вам объяснить только Кельбах (заместитель председателя ГК «Автодор» – заказчика автодороги, прославленный блогерами в образном выражении «врет как Кельбах»).

Что же именно претендует на въезд в Москву по новой трассе – помимо озабоченных транспортной проблемой химчан?

Здесь самое время заглянуть в ту самую ФЦП со словом «модернизация», чтобы узнать, какие же цели новой автотрассы декларируются в ней?

Оказывается, эта дорога появилась в составе новой подпрограммы с говорящим названием «Развитие экспорта транспортных услуг», презентующей себя так:

«В настоящее время у Российской Федерации есть реальная возможность значительно увеличить объем транспортных услуг, оказываемых мировому сообществу, способствуя сбалансированному развитию транспортных связей по оси Европа – Азия и в треугольнике Европа – Азия – Америка.

*Целью подпрограммы является **обеспечение роста экспорта транспортных услуг** на основе эффективного использования конкурентных преимуществ Российской Федерации».*

Эти же грезы об использовании «конкурентных преимуществ» в новой редакции Программы (со словом «развитие») образуют прямо-таки «видения» очень характерного свойства:

«Транспортные услуги превратятся в одну из крупнейших после нефтегазового сырья статью российского экспорта, что в значительной мере снизит риски, связанные с перспективой ухудшения конъюнктуры на мировых рынках сырья».

То есть, граждане, если кто еще не понял: это и есть та самая модернизация, уготованная нам на ближайшие десятилетия. Не какое-то там «нефтегазовое сырье» – а самые что ни на есть высокотехнологичные «транспортные услуги» – то есть возможность развитым странам Севера и Юга и возить через Москву грузовыми фурами свои товары и пользоваться по пути нашими выстроенными для них складами...

И вот итоговая картинка.

2018 год, новая автомагистраль пущена в эксплуатацию, запланированные в границах ЦКАД склады и логистические центры построены. Круглые сутки вереницы международных грузовых фур въезжают в Москву, проезжают через Северную рокаду (4-е кольцо) и выходят из Москвы на востоке. К ним добавляется транспорт обслуживания аэропорта Шереметьево, построившего новую взлетно-посадочную полосу, пассажирский аэровокзал, новые грузовые терминалы...

Одновременно, по этой же дороге пытаются въехать в Москву жители Химок...

Вы скажете – но ведь новая дорога высвободит для химчан Ленинградку? Очень сомневаюсь...

Потому что вся эта абсурдная система строящихся радиально-кольцевых дорог к этому моменту уже создаст объекты притяжения нового и весьма значительного экономического и людского потенциала, оголяя, одновременно, остальные регионы страны. И новые, освобожденные от леса территории, неизбежно начнут заселяться... И потекут в Москву по бесплатной Ленинградке новые реки машин теперь уже и миграционного происхождения...

А защищавшего от этих напастей леса, с которым вы, химчане, так легко согласились расстаться – у вас не будет уже никогда.

октябрь 2011 г.

<http://www.polit.ru/article/2011/10/20/khimki>

ЛОГОС

К истокам феномена тоталитаризма

Дело социальной коммунистической революции – уничтожить личность и родить ее смертью новое живое мощное существо – общество, коллектив, единый организм земной поверхности...

Платонов А. Нормализованный рабочий

В последнее время, благодаря ряду публикаций, термины «тоталитаризм», «тоталитарный» обрели, наконец, в широких общественных дискуссиях статус очевидных характеристик и сталинского режима, и даже последующего, доперестроечного периода советской государственности.

До эпохи гласности эти термины, да и то в гомеопатических дозах справочных изданий, позволялось употреблять лишь по отношению к настоящим или мнимым «фашистским режимам». Но, так как по тогдашним канонам «идеологической борьбы» попутно «разоблачались» и «клеветнические» употребления этих терминов «буржуазной пропагандой» в отношении государств соцлагеря, то повод для самостоятельных осмыслений подобного сопоставления возникал и без помощи «идеологических противников». Поэтому, нынешнее употребление этих терминов в ином, и поныне отрицаемом справочными изданиями, смысле, было воспринято без протеста.

Начало указанному процессу было положено публикацией романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Затем, появились и целые исследования феноменологии тоталитаризма в его наиболее цельной форме прошлой советской государственности. Среди них – статья А. Миграняна «Долгий путь к европейскому дому»

в «Новом мире» (№ 7, 1989) и «От культа власти к власти людей» Л. Гозмана и А. Эткинда в «Неве» (№ 7, 1989).

Хотя в этих статьях и не оспаривается связь тоталитарных тенденций с коммунистической идеологией, специально она не исследуется, что, на наш взгляд, обесценивает предлагаемые авторами обоснования пути модернизации формы правления в нашей стране. Можно так и не выйти из области абстракций, если оставить не выявленным тот механизм, связующий социализм с тоталитаризмом, который, как мы знаем, приводил в течение ряда десятилетий к постоянному воспроизводству тоталитарных режимов на базе коммунистической идеологии. Мы рискуем, поэтому, идя по пути реформ, оставить без внимания тот или иной догмат, способный подорвать их необратимость.

Но проблема тоталитаризма имеет и совсем иную, куда более глубинную, чем идеологическая или психологическая, сторону, где этот феномен выступает **закономерным этапом** эволюции. Указание на это впервые дал Пьер Тейяр де Шарден в своем труде «Феномен человека», переизданном у нас в 1987 году массовым тиражом, но оставшемся без должного, на наш взгляд, внимания со стороны философов и обществоведов.

В настоящей работе делается попытка всестороннего анализа феномена тоталитаризма в его исторической закономерности и эволюционном смысле.

I

Авторы многочисленных, современных публикаций, посвященных феномену тоталитаризма, или уделяющие ему значительную долю внимания, не утруждают себя ссылками на какие-либо «научные» определения этого феномена, и это не случайно. Таких определений по существу нет, а те их подобию, которые есть, имеют крайне мало общего с тем контекстом, в котором употребляется термин ныне. Полезно сначала выяснить, почему это так.

Термин «тоталитаризм» возник, казалось бы, достаточно случайно. Как утверждает Н.Т. Кремлев, «в 20-е гг. нашего века философ итальянского фашизма Джованни Дентиле сформулировал основную идею этой концепции, заявив, что у фашизма должны быть “тотальные рамки”»¹. И, далее: «В нацистской Германии то-

¹ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986. С. 407.

талитаризм также стал официальной идеологией и политикой, доведенной до последних “выводов”... В либерально-буржуазной идеологии и социальной науке термин тоталитаризм первоначально применялся в критическом высказываниях о фашистских режимах. Впервые выражение “тоталитарный режим” в прессе было применено к фашистскому режиму в 1928г. (см. *Contemporary Review*, 1928, April). Вместе с соответствующей цитатой в 1933 г. это выражение впервые оказалось в справочном научном издании (см. *Oxford English Dictionary. Supplement. L 1933*)»¹. В последующем, как мы знаем, перенятие этого термина либералами для широкого использования в отрицательном смысле привело к объявлению тоталитарными (де-факто) и фашистских режимов, и сталинского режима в СССР.

То, что тоталитарной наряду с фашистскими была названа и коммунистическая страна, дает нам ключ к пониманию произошедшей метаморфозы: оказалось, что частный термин частной идеологии отражает некие весьма общие черты целого класса обществ с весьма различающимися идеологиями.

Что же это за черты? По Н.Т. Кремлеву, это «деспотизм и произвол господствующих политических режимов», осуществляющих неограниченный контроль экономической, социальной, политической и идеологической жизни общества, навязывающих свои цели всем гражданам своих стран и подавляющих всякую оппозицию средствами вооруженного насилия»².

Данное определение на наш взгляд страдает избыточностью и содержит не характеристические черты феномена, а скорее черты ряда конкретных политических режимов, общеизвестных как «тоталитарные».

Такой некритический подход к определению этого феномена имеет давнюю традицию. Еще в Американской энциклопедии (редакция 1944г.) статья «Totalitarianism» содержит лишь ссылку «See Dictatorship». При таком подходе, т.е. при определении тоталитаризма как современной разновидности диктатуры, его действительно характеристическая особенность, отраженная в самом термине – «неограниченный контроль» всех сфер жизни общества, становится второстепенной по сравнению с общими чертами

¹ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. С. 408.

² Там же. С. 407.

диктатуры «деспотизмом и произволом» и «подавлением всякой оппозиции средствами вооруженного насилия». Но на самом деле это не так!

Объяснение парадокса состоит в том, что при определении тоталитаризма как формы диктатуры, стремление к «неограниченному контролю» существует лишь как средство в рамках основной цели диктатуры – осуществления функций «деспотизма и произвола» и «подавления оппозиции». При выделении же тоталитаризма в самостоятельную общественную форму, его цепью является именно «неограниченный контроль», а «деспотизм и произвол» и «подавление оппозиции» используются при этом лишь как возможные средства. На основе «неограниченного контроля» тоталитарный режим осуществляет полную регламентацию всех сфер жизни общества, подчиняя их общей идее.

Тоталитаризация общества сопровождается явлением, когда субъектом власти в нем становится не лицо, не социальная или иная группа, а безличный сверхсубъект – государство. Как утверждает А. Миграням, тоталитарный режим «в силу своей специфики не нуждается в социально-классовой опоре»³. И, далее: «Мало того, он проводит последовательное деклассирование общества. Разрушив все органические связи, атомизировав все общество, отчуждая всех от собственности и власти, данный режим затем уже каждого индивидуально подключает к общественной системе вне всяких горизонтальных или любых других несанкционированных связей. В результате общество из организма превращается в механизм, произвольно сконструированный властными структурами... Вот почему никогда в истории не было такого бессилия отдельного человека перед властью, как это имеет место при тоталитарном режиме»⁴.

Данная А. Миграняном характеристика тоталитарного режима основана уже на всем богатом опыте XX века, позволившего, наконец, феномену тоталитаризма выйти на историческую сцену, воплотившись в режимах ряда государств. Истоки и смысл этого феномена мы и будем изучать, а история обозначающего его термина рассмотрена здесь для того, чтобы отмежеваться и от «реак-

³ Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 7. С. 168.

⁴ Там же.

ционной социологической концепции», и от «официальной идеологии фашистской Германии и Италии».

II

Диктатура как форма общественного (государственного) устройства, осуществляющая деспотическую форму правления, является, видимо, самой распространенной в истории человечества, включая в себя деспотии, тирании, многие монархии, теократии, хунты и т.д. Общность элементов диктатуры и тоталитарного режима наводит на мысль, что XX век, дав человечеству невиданные по возможностям технические средства коммуникации и контроля (транспорт, связь, средства массовой информации), тем самым обеспечил и возможность осуществления «неограниченного контроля» над личностью со стороны государства, олицетворяющего общество, и регламентацию всех сфер общественной жизни. Очевидно, однако, что само по себе наличие таких средств не является достаточным условием для возникновения тоталитаризма в том или ином обществе. Следовательно, нужно найти другие и, быть может, более важные необходимые условия, порождающие общества полной регламентации.

Идея такой регламентации не нова: еще в диалоге Платона «Государство» проводится идея «совершенного» общества, устроенного на принципах разума и всеобщего равного блага, необходимым условием которого является полное подчинение индивида государству. У народа, рассматриваемого как «стадо», регулируется даже личная жизнь; в потомстве идет искусственный отбор «лучших».

Государство Платона – прообраз последующих государств «утопического коммунизма», разработанных в трудах ряда мыслителей XVI–XIX вв., начиная с Томаса Мора. Предметом коммунистических утопий было «наилучшее государственное устройство». Чем же оно обеспечивалось? Кроме необходимости в таком устройстве «мудрых правителей», понимающих, в чем состоят истинные потребности общества и как их справедливо удовлетворять (такими, разумеется, предполагались сами авторы утопий), важнейшим принципом провозглашались, во-первых, отмена частной собственности, во-вторых, справедливое распределение на основе так называемого «пропорционального равенства», исходящее, с

одной стороны, из обеспечения минимального всеобщего достатка, с другой – из дополнительного вознаграждения той или иной доблести (добродетели).

В утопических обществах, таким образом, граждане имеют право на привилегии, но не за счет происхождения или имущественного положения, а по личным качествам; общество разделялось на сословия, исходя из этих качеств, по определенным правилам, что являлось важной функцией утопического государства. Таким образом, реализация «естественного» равенства людей нашла в этом государстве уродливую форму в виде равно-обязательной для каждого индивида его оценки со стороны государства, определяющей место индивида в общественной иерархии – что и обуславливало тотальный контроль над индивидом.

Проекты тоталитарных государств, как мы видим, существовали задолго до их появления. Эти проекты отражали интересы довольно узких общественных групп – духовной аристократии, ученых, философов, тех единственно, кто способен был создавать и управлять государствами «на разумных началах».

Идеи упразднения сословного и имущественного неравенства, в свою очередь, постоянно возрождались в низших слоях общества в раннехристианских общинах, еретических движениях средневековья вплоть до Томаса Мюнцера, в пролетарских движениях начиная с английской революции XVII века. Под влиянием этого мощного параллельного течения происходила и модернизация утопического коммунизма в том, разумеется, направлении, которое позволило бы его идеологам использовать эти стихийные народные настроения для практического воплощения коммунистического государства.

«Приземление» коммунистической утопии сопровождалось переходом ее идеологии ко все более широким общественным слоям, а эпоха революций подготовила тот фон, на котором попытка осуществления коммунистического государства посредством вооруженного переворота стала вопросам времени.

Подытоживая одну из таких попыток – «Заговор равных» во Франции XIX в. – И. Шафаревич замечает: «Социалистические движения в момент зарождения часто поражают своей беспомощностью, оторванностью от жизни, наивным авантюризмом... Кажется, эти безнадежные неудачники не имеют ни одного шанса на

успех... Однако они только ждут своего часа. В какой-то момент, почти внезапно, этим идеям открывается душа народа, и тогда они становятся силами, определяющими ход истории, а вожди этих движений – вершителями судеб наций...»¹.

Удача коммунистического переворота в России, посредством которого смогло, наконец, реализоваться тоталитарное государство, была обусловлена всем ходом истории. «Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые ходом вещей»².

III

«И государство, казавшееся средством, оказалось целью! – пишет в повести «Все течет» В. Гроссман. – Люди, создававшие это государство, думали, что оно средство осуществления их идеала. А оказалось, что их мечты, идеалы были средством великого и грозного государства»³.

Государство, о котором говорит Гроссман – СССР сталинского периода. Закономерен ли был сталинизм? Не злая воля Сталина прервала ленинскую попытку поставить НЭП преградой тоталитарному перерождению: она была отвергнута всей предысторией, внутренним механизмом насильственно осуществляемой утопии, дождавшейся своего исторического часа. Еще есть живые свидетели того, как рукоплескали свертыванию НЭПа объявленные «передовыми» пролетарские массы, и Сталин стал избранником тоталитарного государства лишь потому, что лучше других умел, по правилам этого государства, удовлетворять наиболее примитивным инстинктам этих масс. «Казалось, – пишет Гроссман, – Сталин строил основанное Лениным государство по образу и подобию своему. Но дело, конечно, было не в этом – его образ был подобен государству, потому-то он и стал хозяином»⁴.

Государство «развитого тоталитаризма», окажись оно на Земле в одиночестве (именно отсюда такая его тяга к экспансии!), могло бы стабильно существовать вплоть до физического вымирания; несмотря на его очевидную экономическую и прочую несостоя-

¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. Paris, 1977. С. 179.

² Монтескье Ш. О духе законов // Избр. произв. М., 1955. С. 283.

³ В. Гроссман «Все течет». // Октябрь. 1989. № 6. С. 91.

⁴ Там же. С. 101.

тельность, в таком государстве нет движущих сил политических перемен, существующих даже в государстве деспотическом. Почему? С точки зрения социально-экономической – в силу указанных всеобщего отчуждения от собственности, отсутствия горизонтальных связей, равно-бесправной роли каждого индивида как винтика самоценного государственного механизма. С точки зрения политической – в силу отсутствия институтов, обеспечивающих возможность выражения какого-либо инакомыслия по отношению к официальным установкам. Наконец, с точки зрения идеологической – это, с одной стороны, рассмотрение любого инакомыслия как политического преступления, а с другой – отсутствие каких-либо надгосударственных моральных критериев, по которым возможно было бы оценивать деятельность олицетворяющих государство правящих органов (в деспотиях поддержание таких критериев осуществляла религия).

Единственное, что разрушительно для государства «развитого тоталитаризма» и является предпосылкой для его перерождения – это соседство экономически эффективных государств с плюралистической идеологией и правовым политическим устройством. Начался соответствующий процесс и в бывшем главном оплоте современного тоталитаризма – СССР. Но означает ли это только, что окончательно преодолена некая тупиковая ветвь развития мирового сообщества, или...

Или, тем самым, завершается лишь один из этапов какого-то глубинного процесса?

IV

Коммунистическая утопия общества социальной справедливости чаще всего предполагала централизованное регулирование в сферах производства, потребления, частной жизни. Принцип такого регулирования, как мы знаем, является ядром тоталитаризма. Выход на историческую сцену этого принципа не был вызван непосредственно кризисом прежней, саморегулирующейся системы, что доказывается ее последующим развитием. Представляется, что этот выход произошел под воздействием определенной тенденции общественного сознания, возникшей в эпоху Возрождения и нашедшей свою кульминацию в эпоху промышленного переворота; тенденции, которую можно обозначить как «сциентистский фе-

тиш». Тенденция эта, ярко (и примитивно) выраженная в коммунистических утопиях, состоит в априорном уподоблении общества, государства, механистической системе с объективными законами, определяющими ее функционирование вплоть до каждого звена, знание которых позволяет, в принципе, осуществлять оптимальное, с той или иной точки зрения, управление. При таком представлении актуальной становится задача создания общества «на разумных началах» именно как централизованного государства с регулирующими функциями.

Сциентистский фетиш нашел отражение, разумеется, не в одних лишь коммунистических утопиях.

Проблема государства была выдвинута в философо-социологических концепциях конца эпохи Возрождения как центральная именно тогда, когда на смену «божественной» концепции природы государства пришло представление о его «рукотворности» – и с тех пор находила свое отражение в трудах всех крупнейших философов. Характерной особенностью этих теорий, отмеченной в конце XVIII в. Вильгельмом Фон Гумбольдтом, было то, что в них разрабатывались принципы разумного и справедливого государственного управления без специального рассмотрения вопроса о том, в каких, собственно, границах допустимо осуществление такого управления. Касаясь последнего в «Идеях к опыту, определяющему границы деятельности государства», он писал: «Цель государства может быть двоякой: оно может стремиться содействовать счастью граждан или лишь предотвращать зло, причиняемое гражданам природой или людьми. Если его деятельность ограничивается последним, то оно стремится только к безопасности, и эту цель я считаю возможным противопоставить всем остальным мыслимым целям, определяемым как “положительное благо”»¹. Вывод, к которому приходит Гумбольдт, таков: «Пусть государство воздержится от всякой заботы о положительном благе граждан...»².

Вывод Гумбольдта был направлен прежде всего против современной ему абсолютистской, бюрократической прусской государственности, предусматривающей в целях достижения «положительного блага» регламентацию частной жизни. Но сама идея заботы государства о «положительном благе» имела уже к этому

¹ Вильгельм Фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 34.

² Там же. С. 48.

моменту достаточную разработку, в том числе и в некоммунистических теориях, причем в сочетании с национализмом нашла в XX веке свое законченное выражение в гитлеровской диктатуре.

Не исследуя специально прусскую государственность (и, тем более, особенности характера и исторического пути немецкой нации), отметим, что гитлеровский режим все же не был тоталитарным, несмотря на ряд схожих признаков. Так, А. Мигранян называет его тоталитарно-авторитарным, мотивируя это тем, что «при тотальной регламентации политической и духовной сфер партийно-государственная власть Гитлера не пошла на такую же регламентацию в промышленности и сельском хозяйстве, не осуществила тотальное огосударствление собственности, что потребовало бы тотального отчуждения от нее граждан и превращения их в полностью зависимых от государства и его милостей рабов»³. Фактически, гитлеровский режим являлся крайне-террористической формой буржуазной диктатуры, имеющей ряд принципиальных от тоталитарного режима отличий. Например, он не только не огосударствил экономику, но и не ставил вообще такой цели, сохраняя тем самым горизонтальные корпоративные связи и, соответственно, достаточно широкую сферу самостоятельности индивида. Между тем, в феномене тоталитаризма принципиально важна именно попытка комплексной зарегулированности всех сфер, начиная, разумеется, с экономической. Не случайно, поэтому, что в самый мрачный период гитлеровского режима в стране нашлись силы, решившиеся организовать покушение на «вождей», что совершенно немыслимо в условиях сталинского режима.

Сравнивая сталинское тоталитарное государство и гитлеровскую Германию, мы видим, что оба они – государства «положительного блага», однако сталинское опиралось на сциентистский фетиш, гитлеровское же – на расизм.

Воплощение в государственности сочетания сциентистского фетиша с: активной заботой о «положительном благе» представляется **необходимым** условием тоталитаризма. Дополнительным условием, обеспечивающим и **достаточность**, является необходимый уровень развития коммуникационных и информационных средств.

³ Мигранян А. С. 167.

С наибольшей полнотой сциентистский фетиш отразился в теориях общества в XIX веке, подготавливая выход на историческую сцену тоталитарного государства с коммунистической идеологией. Воплощенный в теории утописта Сен-Симона, предусматривавшей плановое, централизованное управление с помощью «ньютоновских советов» и подчинение всех сфер жизни научным принципам, он нашел свое закономерное развитие в теории его ученика – основоположника позитивизма Огюста Конта.

Общество по Конту – это «социальный организм», в котором личность не обладает самостоятельностью и в будущем, рационально организованном обществе имеет право только на исполнение своего перед ним долга.

Позитивизм и его последующее овладение массовым сознанием явились реакцией на вступление человечества в эпоху промышленного переворота, сопровождавшегося той степенью хозяйственной специализации и кооперации, которая существенно изменила место индивида в производстве и экономике. Возникла «технологическая цивилизация», которую И. Шафаревич описывает следующим образом: «Все большая часть человечества используется для производства механизмов или механизмов, производящих механизмы (эта цепь может все удлиняться). Труд все более удаляется от своей цели, то есть смысла. В своей работе люди большей частью не соприкасаются ни с чем живым. Ритм их труда, стиль жизни подчиняются технике. Человек зависит не от себя, а от какой-то внешней силы... Жизнь людей стандартизируется как массовое производство»¹. И еще: «Благодаря появлению ценных бумаг, собственность удаляется от человека, с которым она раньше была связана почти как орган его тела. Она легко переходит из рук в руки, становится анонимной, механизированной... Возникают новые “индивидуальности” – тресты, предприятия и т.д.... Жизнь приобретает характер неограниченного, устремленного в бесконечность процесса, и в этой бесконечности ограниченная человеческая жизнь оказывается бесконечно малой, ничтожной величиной»².

¹ Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву // Новый мир. № 7. С. 157.

² Там же. С. 156.

Экспансия технологической цивилизации не только отвела сциентистскому фетишу небывалую ранее роль в массовом сознании, но и деформировало это сознание, вызвав в нем определенные психологические потребности, создав предпосылки для формирования тоталитарного сознания, нуждающегося в государственной функции «положительного блага».

Что же это за потребности? Это, во-первых, потребность в законченной простоте и понятности универсума, включая человека и общество. Во-вторых – потребность в подчинении, во внешнем управлении как в средстве избежать тягостной необходимости морального выбора, который, по тем или иным причинам, может оказаться гибельным для индивида.

Эти потребности человеческой психики являются имманентными, они порождены неизбывным противоречием между рациональным мышлением и нравственным чувством, однако они чрезвычайно возрастают именно в эпоху технологической цивилизации – в связи с небывалым усложнением, динамизмом жизни как в интеллектуальном, так и в эмоциональном измерениях. Эти потребности отражают потенцию человеческого сознания вернуться в зародышевое, одномерное состояние растворения в среде, слияния с нею – т.е. потенцию к смерти.

Эпоха технологической цивилизации, появление больших концентраций отчужденных от собственности масс приоткрыли перед коммунистической идеей новые возможности экспансии. Ее модернизация в направлении отказа от гуманистических ценностей утопистов осуществилась в марксизме (естественно, под лозунгом «от утопии – к науке»).

Утопизм «утопистов», абстрактность их теорий была скрыта в тех нравственных требованиях, которые эти теории предъявляли индивидам, игнорируя, по существу, категорию интереса. Это сильно понижало шансы чересчур щепетильных проектантов стать когда-нибудь реальными участниками «ньютоновских советов». Эфемерную нравственную опору следовало в новых условиях заменить иной – приматом «классового интереса». Идея переворота и последующего «справедливого» дележа, замаячившая на горизонте, на эмоциональном уровне всегда была близка значительной доле малоимущего большинства. Но чтобы придать процессу планомерный, необратимый и сознательный характер, чтобы заста-

вить массы творить насилие под флагом разума и по высшей воле исторической необходимости, требовалась всеобъемлющая, наукообразная и, одновременно, легко редуцируемая к простейшим понятиям философская система.

Новая теория не только воплощала в себе сциентистский фетиш, но и наделяла новое коммунистическое государство четкой функцией «положительного блага» на централизованно-распределительной основе. Новая теория до конца «объясняла» мир с: его непреложными законами и неизбежным наступлением всеобщего благоденствия: освящала право на макьявеллевское государственное вероломство и насилие во имя исторической необходимости и прогресса. При этом она снимала с индивида необходимость какого-либо выбора и по пути к новому обществу и, естественно, после его построения.

Время работало на эту теорию: усложнение мира провоцировало ответную попытку его упрощения, и сциентистский фетиш подготовил почву для такого упрощения средствами «положительного блага» коммунистического государства.

Обозначившийся во всех сферах жизни фактор бесконечной малости и бессилия личности перед обществом проложил тот итоговый рубеж между потенциями человека как биологического вида к смерти и к бессмертию, определяющий до сих пор основные идейные конфликты нашего времени. При этом потенция к смерти выразилась с наибольшей полнотой в тоталитарном сознании, а потенция к бессмертию – в экзистенциальном.

VI

Для дальнейшего исследования нам пора определить не раз уже использованный термин «эволюция». Мы воспользуемся для этого завершенным в 1946 г. трудом Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека».

В нем под эволюцией подразумевается эволюция всего универсума, ткань которого концентрируется во все более организованных формах материи – от элементарной частицы до человечества.

Эта ткань имеет две качественные стороны – внешнюю и внутреннюю (психика, сознание). Сознание, отчетливо проявляемое у человека, присутствует, по меньшей мере, в зародышевом состоянии всюду, где имеется внешняя сторона, т.е. у всей материи.

Эволюция универсума состоит попросту в высвобождении внутреннего над внешним – такова ее цель, определяющая направление. Изобилие, изобретательность при полном безразличии к индивидам – таковы механизмы, подводящие внутреннее к очередному шагу на вышестоящую ступень.

Ткань универсума дисперсна, она разбита на взаимодействующие между собой «стебли», «филы» – как в древе жизни, так и в преджизни.

Условием каждого скачка эволюции, например, от преджизни к жизни, от жизни к мысли – является, во-первых, увеличение степеней свободы элементов очередного уровня путем их структурного усложнения и во-вторых – пространственная ограниченность, замкнутость сферы взаимодействия этих элементов между собой. В итоге, например: «Внешняя реализация принципиально, нового типа корпускулярной группировки, открывающего возможность более гибкой и более централизованной организации безграничного числа веществ в виде частиц самых разнообразных величин и одновременно появление внутри нового типа сознательной деятельности и определяемости – этой двусторонней коренной метаморфозой мы можем реально определить в его специфическом своеобразии критический переход от молекулы к клетке – “ступень жизни”»¹.

Следующая ступень – «ступень мысли» – характеризует появление психики, обладающей рефлексией, а затем и появление целого «мыслящего пласта» – ноосферы.

Какова же особенность нынешней стадии ноосферного этапа эволюции? «Глубокий вираж мира, способный смять его», – утверждает Тейяр де Шарден². «Такого коренного, глобального перелома всего хода истории человечество еще не знало», – замечает И. Шафаревич³. Что же имеется в виду?

Начало этого виража мы находим в уже рассмотренном промышленном перевороте XIX века, но наиболее явственно он проявляется именно сейчас, в эпоху НТР и всеобщей экспансии технологической цивилизации.

¹ П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М. С. 80.

² Там же. С. 171.

³ Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву. С. 165.

Прежде всего, бросается в глаза то, что сама Земля, «дом» человечества, пространственно-временная сфера межличностного общения, стала «маленькой». За сутки мы можем добраться в любую ее точку, мы можем разговаривать с человеком вне зависимости от степени его удаленности от нас и даже видеть его при этом; органы информации в считанные часы способны оповещать человечество о тех или иных событиях.

Но Земля не только стала «маленькой», она стала «тесной», что характеризуют общепризнанные ныне «глобальные проблемы» человечества. Продолжает экспоненциально расти его численность, ставя на повестку дня вопрос о государственном регулировании рождаемости. Налицо чрезмерное давление технологической цивилизации на среду обитания человечества; истощение минеральных и органических ресурсов и деградация биосферы, также развивающиеся по экспоненциальному закону, вступая в своем развитии в стадию «взрыва» (когда прирост «массы» процесса соизмерим с: ранее накопленной «массой») ставят под угрозу биологическую судьбу человека.

Вот как описывает эту «катастрофу неограниченного роста» и ее последствия для человеческой психики И. Шафаревич: «Современная техника... может развиваться лишь неограниченно, увеличиваясь и убыстряясь. Этим она приходит в противоречие с ограниченностью (то есть органичностью) окружающей природы, включающей и человека. Природные ресурсы, способность природы выдерживать разрушительное воздействие техники, способность человеческой психики приспособляться к вечно увеличивающемуся темпу перемен и к механическому характеру жизни – все это имеет предел, по-видимому, уже близкий. Особенно опасным представляется последний фактор – западные психиатры обращают внимание на быстрый рост психических заболеваний, связанный с потерей чувства осмысленности жизни. Обычно, бреды носят технологический характер: больной ощущает себя машиной, он манипулируем, его существование лишено автономного смысла»¹.

Глобальные проблемы не признают суверенитета, не знают национальных границ; они общие для всего человечества и могут

¹ Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву. С.158.

решаться только совместными и координированными действиями. «Еще сравнительно недавно, – пишет И. Шафаревич, – можно было надеяться, что Россия, Китай, Япония, Индия, страны Латинской Америки сохранили достаточное разнообразие общественных и экономических укладов, чтобы в случае кризиса технологической цивилизации человечество могло среди них найти альтернативный вариант развития. Сейчас для таких надежд гораздо меньше оснований»². В условиях нынешнего кризиса никто не знает способа независимого решения глобальных проблем вне единых международных программ. Именно поэтому необходимость отказа от принципа государственного суверенитета в его современной форме была выдвинута еще в 60-х годах нашего столетия «римским клубом» – международной неправительственной группой западных ученых, бизнесменов и общественных деятелей, а в ближайшие годы эта идея будет, фактически, воплощена в Европейском Союзе стран ЕЭС.

Итак, мы наблюдаем, как в жизни человечества на место игры интересов, идей, на место всевозможным «центробежных сил», выходит новая, преобладающая сила – «реакция среды», «сдавливающая», спланирующая человечество во все более цельный организм – ответная реакция на давление технологической цивилизации. Как же изменяются взаимоотношения личности и общества в новых условиях?

Мы проследили уже, как в эпоху промышленного переворота, знаменующего триумф сциентистского фетиша, личность впервые испытала психологический дискомфорт своей ничтожности перед рождающейся технологической цивилизацией, усилившей психологические потребности в простоте и понятности мира, в подчинении и управляемости. Эти потребности нашли свое удовлетворение в тоталитарном сознании, отражающем потенцию человечества к смерти. Но мы оставили без ответа вопрос о судьбе сознания экзистенциального, об его возможностях противостояния тоталитарному в условиях технологической цивилизации. Мы знаем, что это сознание, выкристаллизованное христианством, сконцентрировано в выдающейся литературе – у Достоевского, Сартра, у Белля и А. Миллера, у Стайрона и Вен. Ерофеева – и

² Там же. С. 159.

через нее определяет сознание уже нескольких поколений интеллигенции. Но этот апофеоз высвобождения внутреннего над внешним в личности, вершина ее духовности, последнее воплощение потенции к жизни бессильно обновить человечество, ибо стремление личности к совершенству, к творческому бессмертию через культуру, это сознание ответственности и преемственности перед ушедшими поколениями и эволюцией – все это, по-видимому, теряет смысл и очертания перед неудержимым напором внешних сил.

Мы рассмотрели часть этих сил, но не упомянули еще один глобальный экспоненциальный процесс, также вошедший в стадию взрыва, процесс, давящий не на материальную, но духовную среду человечества, представляющий его интеллектуальный продукт, строительный материал культуры. Это – информационный взрыв, в котором захлебывается гуманитарное творчество. Строящееся здание культуры все более теряется в непрерывном, все возрастающем потоке «строительного материала», когда для культуры уже нет возможности разбираться, находить единственно верные элементы в конгломерате истинных ценностей и ширпотребного хлама, порожденного безудержной коммерциализацией искусства, производимых с заведомым, не обеспечивающим «переработку», избытком. В новых условиях культура неспособна уже играть роль хранителя духовной традиции; похоже, что мы присутствуем на этапе окончания *культурной эры* истории человечества. Судьба человечества перестала зависеть от эволюции личности, от высвобождения в ней внутреннего, но – человечество само, как единый организм, наделенный собственной психикой, получает право и обязанность на самостоятельное ведущее место в эволюции.

VII

Итак, мы видим, что тоталитаризм – не «идеологическая болезнь» человечества, не просто уродливый вывих общественного сознания эпохи технологической цивилизации, когда сциентистский фетиш объединяется с идеей «положительного блага» для удовлетворения определенных психологических потребностей личности; мы видим, что это первая, грубо-механистическая попытка эволюции выйти на новый уровень, реализоваться в коллективном сознании человечества, как нового «индивида». Впервые

это увидел Тейяр де Шарден: «Несмотря на свою чудовищность, не деформирует ли современный тоталитаризм нечто весьма велико-
лепное и не близок ли он к истине?»¹. «Для человека нет будущего,
ожидаемого в результате эволюции, вне его объединения с други-
ми людьми... Земля не только покрывается мириадами крупинок
мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей
функционально одну обширную крупинку мысли в космическом
масштабе... Судя по ходу вещей, мы скоро сплужим друг друга, и
что-то взорвется, если мы будем упорствовать в стремлении рас-
творить в заботах о наших старых лачугах материальные и духов-
ные силы, отныне скроенные соразмерно миру»².

Исследование указанной эволюционной тенденции на приме-
ре современной западной цивилизации выходит за рамки нашей
темы. Поэтому, мы лишь отметим, что обозначившийся путь эво-
люции отвергает культ личностного и национального обособле-
ния. Этого не желает, однако, замечать И. Шафаревич, для которого
нынешнее состояние человечества – лишь уродливое порождение
«сциентистски-техницистской утопии». Давление технологичес-
кой цивилизации он предлагает снять переходом к «органическим
изменениям», переходу к «стабильному стилю существования»,
моделью которого является «крестьянская цивилизация». Но ведь
этот рецепт имеет смысл для всего мирового сообщества и не име-
ет никакого смысла для отдельных его частей. Пафос же работы
И. Шафаревича – призыв освободиться от мертвой схемы «проти-
вопоставления командной системы западному пути как двух диа-
метрально противоположных выходов, из которых только и воз-
можен выбор» – обращен только к нашему обществу и подменяет
истинную проблему иллюзорной. Он словно не желает видеть, что
совсем иной выбор уже предопределен необходимостью решения
общечеловеческих глобальных проблем, что никакой переход к
«органическому развитию» в каком-либо суверенном государстве
(например, в СССР) невозможен без координированного перехода
того же «Запада». Прекрасно осознавая природу надвигающейся
катастрофы, И. Шафаревич не в состоянии отрешиться от наци-
оналистических иллюзий, приводящих его к утопической поста-

¹ П. Тейяр де Шарден. С. 203.

² Там же. С. 195, 199-200.

новке вопроса о возможности самостоятельного выхода из кризиса вне слияния человечества в единый организм.

И если мы и ставили в данной работе какую-либо практическую цель, то это – предостережение от новых, бесполезных, а значит губительных, попыток поиска «особых» путей преобразования нашего общества. Ибо его судьба неотделима от судьбы всего человечества, все более осмысленно ищущего свое спасение на путях конвергенции.

сентябрь 1989 г.

«Товарищ Дант» и «бывший регент»

Вопрос о прототипах героев романа «Мастер и Маргарита» остается в современном булгаковедении одним из важнейших и спорных. В этом отношении особый интерес вызывает образ Коровьева-Фагота, предстающего в конце романа также и в человеческом облике «темно-фиолетового рыцаря». Автор, специально убиравший у другого героя – Воланда – черты, могущие быть воспринятыми как прототипические (к примеру – сросшиеся пальцы на ногах)¹, в данном случае словно провоцирует читателя на поиск прототипа. Является ли это мистификацией, или прототип в действительности существует?

В специальном исследовании «криптографии романа “Мастер и Маргарита”» И.Л. Галинская, отталкиваясь от «еретической» философской концепции романа и присутствия ее слагаемых («света» и «тьмы») в «столь дорого обошедшейся рыцарю шутке», пытается обосновать предположение о том, что прообраз рыцаря – «рыцарь-трубадур времен альбигойства», неизвестный автор самого знаменитого произведения той эпохи – героической поэмы «Песня об альбигойском крестовом походе»². Ключи, ведущие к прообразу, она отыскивает во французской этимологии слова «фагот» и, найдя подходящие фразеологизмы, «устанавливает», что рыцарь, «во-первых, шут (имеющий отношение к музыке), во-вторых, безвкусно одет, и в-третьих, еретически настроен».

Данные рассуждения вызывают по меньшей мере два возражения: с одной стороны, фразеологизмы ничего не доказывают, так как выбирались для подтверждения уже известного «ответа», а с

¹ Сам Булгаков объяснял это так (по воспоминаниям С. Ермолинского): «Не хочу давать повода любителям разыскивать прототипы. Думаешь, не найдется человека “с копытом”? Обязательно найдется. А у Воланда никаких прототипов нет» (Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 448).

² Галинская И. Л. Загадки известных книг. М., 1986. С. 92–101.

другой – нельзя исходить из того, что Фагот «московского» обличья и преображенный рыцарь являются с самого начала единым образом, так как имя героя «Фагот» появилось в романе еще в черновике 1931 года, когда, судя по приведенным И.Л. Галинской данным, Булгакову и в принципе не могла быть знакома «Песня об альбигойском крестовом походе» (в СССР еще не мог поступить ее, указываемый ею, французский перевод). Никаких следов работы над этим предполагаемым источником не наблюдается и в дальнейшем. Наконец, связь образа с источником выглядит тем более эфемерной, что никакого конкретного высказывания, могущего претендовать на каламбур рыцаря, И.Л. Галинская не приводит...

Другой исследователь, Л. Яновская, не связывает образ преображенного героя едиными корнями с его «московским» обличьем и не предполагает у него никакого прообраза. «Фиолетовый рыцарь», по ее мнению, – демон, изображенный на картине Врубеля «Азраил», которую Булгаков мог видеть в Русском музее при посещении Ленинграда летом 1934 года¹. Наброском же будущего, оставшегося неизвестным каламбура она предполагает (без какой-либо аргументации) отдельную фразу в тетради 1933 года: «Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот». Фактически, выводы Л. Яновской таковы: вся история с рыцарем, его разговором «о свете и тьме» и каламбуром – вымысел Булгакова, а образ преображенного героя навеян исключительно внешностью врубелевского «Азраила»! Но неясно, однако, откуда взялось именование героя «рыцарем» еще летом 1933 года?²

В исследовании Б.М. Гаспаровым мотивной структуры романа³ какие-либо мотивы, связанные с рыцарем и его каламбуром, не представлены.

Предлагаемый нами анализ образа Коровьева-Фагота в значительной степени опирается на творческую биографию писателя⁴, а

¹ Яновская Л. Треугольник Воланда и фиолетовый рыцарь // Таллин. 1987. С. 108.

² См. соответствующий фрагмент (со ссылкой на ГБЛ, ф. 562, к. 6, ед. хр. 5, л. 193–194) в кн.: Утехин Н.П. Современность классики. М., 1986. С. 265.

³ Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. Рига, 1988. №№ 10–12; 1989. № 1.

⁴ Все биографические сведения о М.А. Булгакове приводятся, если это не оговорено специально, по книге: Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1989. Сведения по различным редакциям романа «Мастер и Маргарита» приводятся, если это не оговорено специально, по статье: Чудакова М.О. Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии

также на множество опубликованных в последнее время архивных материалов, связанных с судьбой писателя и его романа. Надеемся, что эти материалы помогли нам удерживать разумные ориентиры во множестве предположений, от выбора которых в значительной степени зависит результат.

1

Замысел романа, как мы теперь знаем, имел «мистическое» для Булгакова происхождение. В середине 20-х годов ему была подарена книга А.В. Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей», где герой, от лица которого ведется рассказ, сталкивается с дьявольскими силами. Фамилия этого героя – Булгаков, и это совпадение имен, по воспоминаниям Л.Е. Белозерской-Булгаковой оказало на писателя настолько сильное воздействие, что явилось толчком к написанию уже своего «романа о дьяволе» (в первых редакциях которого повествование ведется также от первого лица)⁵. Возобновление работы над романом, уничтоженным было в марте 1930 года, произошло затем от соприкосновения теперь уже самого Булгакова с силой поистине дьявольской природы (разговор со Сталиным по телефону 18 апреля 1930 года), и с третьей редакции (1932–1934–1936) романа мы замечаем, как мотив «правильного» разговора носителей духовного начала и абсолютной власти (Иешуа и Пилата), слабого с сильным (Маргариты с Воландом) – становится одним из важнейших. И, как опора этому мотиву, в романе постепенно кристаллизуется совершенно определенная философская концепция, идущая вразрез с традиционной христианской теодицеей, столь, казалось бы, естественной, учитывая евангельскую первообразную романа.

Что же это за концепция? Мы видим, что, вопреки христианской теологии, зло в романе не уничтожается, не отождествляется с «ничто», но предстает в виде равнозначимой силы⁶. Такая трактовка Булгаковым взаимоотношений добра и зла, света и тени встречается, с некоторыми вариациями, во многих философских

писателя // Зап. отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Вып. 37. М., 1976. С. 25–152. При ссылках на материалы этого архива (фонд 562) указываются номера картона, единицы хранения и листов.

⁵ Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1989. С. 183–184.

⁶ Ср.: Андреев П. Беспросветье и просвет: (Фантастические рассуждения о фантастическом романе) // Континент. 1980. № 22.

учениях и религиозных ересьях и называется принципом дуализма. В интерпретации, наиболее сходной с булгаковской, этот принцип содержит в себе «Божественная Комедия» Данте Алигьери¹. Такое сходство не случайно и, безусловно, связано с булгаковским заимствованием дантовской космологии, которому специально посвящен ряд работ². Мы же отмечаем, что с определенного момента творение романа стало происходить под знаком Данте. Напомним, что космология романа заимствована Булгаковым из «Комедии» через «посредничество» Павла Флоренского. «Одним из первых московских приобретений Булгакова была, по-видимому, книга П. Флоренского “Мнимости в геометрии” (М., «Поморье», 1922). Особая ценность этого экземпляра – в более, чем где-либо, многочисленных пометах Булгакова... По воспоминаниям Е.С. Булгаковой, книга тщательно сберегалась владельцем и не раз перечитывалась в годы работы над “Мастером и Маргаритой”, причем Булгаков видел в той математической и философской интерпретации, которую дает автор брошюры путешествию Данте, ведомого Вергилием, в чистилище и ад, некий аналог к “геометрии” последних глав своего романа», – пишет об этом М.О. Чудакова³. И далее, приводя цитату из П. Флоренского: «Так, разрывая время, “Божественная Комедия” неожиданно оказывается не позади, а впереди нам современной науки», – она отмечает: «Эта последняя фраза брошюры не только подчеркнута, но и сопровождается восклицательным знаком на полях... Нам кажется едва ли не бесспорным, что страницы книги математика дали толчок художественной мысли писателя»⁴.

Итак, работа Булгакова над романом стала проходить под знаком Данте, и, так же как у Данте, космология в романе оказывалась в теснейшей связи с его дуализмом: вопрос о том, куда отправить героев (Пилата и Мастера с его подругой), оказывался одновременно и геометрическим, и философским.

Мы видим, что если в первой редакции романа Воланд – сниженный, искушающий и провоцирующий Мефистофель, один из дьяволов (существовал еще Аддраммелех – «великий канцлер»

¹ Этот вопрос был исследован в работах И. Бэлзы (см., например, ссылку ниже).

² См., например: Лотман Ю.М. Заметки о художественном пространстве // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 720. Тр. по знаковым системам; [Сб.] 19. 1986. С. 25–43; Абрагам П. Павел Флоренский и Михаил Булгаков // Философские науки. 1990. № 7.

³ Чудакова М.О. Условие существования // В мире книг. 1974. № 12. С. 80.

⁴ Там же.

ада), самостоятельно ведущий вечер в Варьете и лично «выдергивающий» голову у конференсье, то начиная с черновиков третьей редакции вырисовывается могущественный повелитель тьмы, глава «ведомства» справедливости (в полном соответствии с провозглашающей ее надписью на вратах дантовского ада: «Был правдою мой зодчий вдохновен...»)⁵.

Эволюция степеней могущества, которым наделяет Воланда Булгаков, характеризуется сменой вариантов одной из последних глав романа, где к Воланду является посланник от Иешуа, – в связи с окончательным решением судьбы мастера. Если первые варианты посланников («фиолетовый всадник» осени 1934 года и «вестник в черном» июня 1938-го) передают Воланду волю пославшего, то после выбора посланником Левия Матвея (май 1939 года) повеление заменяется просьбой (так же как просьбой решается затем и судьба Пилата). И наоборот – в последних редакциях романа опускаются слова Воланда о том, что он «будет ходатайствовать» за рыцаря-Фагота, присутствующие в редакции 1936 года (еще на более ранней стадии опускаются его слова, обращенные к Мастеру: «Велено унести вас»). Эти изменения нужны были Булгакову для того, чтобы подчеркнуть принцип разделения функций между двумя «ведомствами» – милосердия и справедливости, когда, по замечанию Воланда, «каждое ведомство должно заниматься своими делами». Тут же мы можем отметить: именно такое разделение на вполне независимые ведомства (когда вмешательство в сферу деятельности адской нечисти вызывает робость у самого Вергилия, исполняющего волю небес) выражено и у Данте («от них *и суд и милость отошли*»⁶, – сказано у него про ничтожных).

Отметим также, что и убийство Мастера и Маргариты, и иные деяния «князя тьмы» и его свиты в романе производятся не во вред человечеству, а являются исключительно актами справедливости. Зло ведомства Воланда строго дозировано и направлено – вспомним его замечание о том, что «кирпич ни с того ни с сего никогда и никому на голову не свалится», или предупреждение собирающемуся свистнуть «бывшему регенту», чтобы все обошлось «без членовредительских штук» (в ранних вариантах предупреждения не было и свист имел-таки трагические последствия).

⁵ Пер. М.Л. Лозинского.

⁶ То же (курсив наш).

«Ведомство» Воланда предстает, таким образом, не только противоположным «ведомству» Иешуа, но и дополнительным к нему (как и у Данте). Это многозначительно подчеркивается взятой из Евангелия фразой воскресшего Христа, которую произносит посланник Воланда Азазелло, входя в подвальчик Мастера: «Мир вам», – ход автора сколь кощунственный, столь и закономерный с точки зрения дантовской концепции.

К принципу дуализма примыкает и так называемый «принцип абсолютизации вины» (И. Бэлза). Каково бы ни было отношение Данте к его любимому Вергилию, к Франческо и Паоло, как бы ни импонировал ему еретик Фарината, как бы ни мучился он виной перед своим, оставшимся неотмщенным, родичем (Джери дель Белло), – Данте помещает всех их в соответствующие круги ада – как предписывают это формальные этические нормы справедливости. То же и у Булгакова: наш герой, рыцарь-Фагот, был обречен на ад за «не совсем хороший» каламбур в разговоре «о свете и тьме» (намек на ересь), и избрание наказания ему было произведено вполне по-дантовски: в своем адском («московском») обличье рыцарь шутством должен отвечать за единожды допущенное при жизни кощунство. Точно отмерена и участь Мастера с его подругой: он «не заслужил света», а лишь «покой». Наконец, убившая своего ребенка Фрида сама должна отвечать за свое деяние вне зависимости от любых оправдывающих ее мотивов.

Ад, как воплощение справедливости, сочетается у Данте с возможностью искупления; то же и у Булгакова: Фрида, рыцарь и Пилат, испив отмеренную им чашу мучений, получают прощение.

2

Возникает закономерный вопрос: не явился ли именно Данте прототипом того открывшегося в Фаготе рыцаря, который словно бы сконденсировался из все более концентрирующейся к финалу дантовской атмосферы романа (подобно тому как в «московском» своем обличье он «соткался из зноя» перед Берлиозом на Патриарших)?

Сделав это предположение, мы обнаруживаем, как вся линия нашего героя становится вполне ясной.

Почему-то мимо исследователей прошло то обстоятельство, что уже само его место единственного человека в свите Воланда,

да притом чуть ли не правой его руки, – уникально. Только Е.А. Яблоков подметил: «Работа, выполняемая Коровьевым-Фаготом, не из легких; однако наказание ли это? Ведь рыцарь – человек – удостоился чести/участи, наряду с “демоном-убийцей” и “демоном-пажом”, войти в свиту Князя Тьмы»¹. Трудно найти историческое лицо, рыцаря и писателя, деяния которого по своей сути и масштабу могли бы конкурировать в подобной оценке с автором «Божественной Комедии», являющейся, как мы помним, именно «разговором» «о свете и тьме». Не поискать ли нам теперь у Данте таинственный каламбур нашего героя?

Впрочем, искать ничего и не нужно; еретический этот каламбур давно известен и неоднократно обсуждался, в частности в работах И. Бэлзы. Предоставим ему слово.

«Как известно, пристальное внимание дантологов с давних пор привлекало начало тридцать четвертой песни “Ада”, особенно первый стих: “*Vexilla regis prodeunt inferni*...” Первые три слова первого стиха представляют собою начало католического “Гимна кресту”, который сочинил в VI в. Венанцо Фортунато, епископ Пуатье. Гимн этот, по содержанию своему отвечавший догмату искупления, совершившегося по ортодоксальному учению Церкви в момент смерти Иисуса, завершившей его крестные мучения, исполнялся в католических храмах в Страстную пятницу (то есть в день, посвященный церковью этой смерти) и в день “Воздвижения Креста господня”. Именно крест именовался “знаменем господним” (“*vexilla regis*”)... Данте прибавил только одно слово к первому стиху этого крестопоклонного гимна: “*Vexilla regis prodeunt inferni*”, то есть «близятся знамена владыки ада», – и такое дополнение вызывало немалое смущение комментаторов. Наталино Сапелло, к которому присоединился Йозеф Феликс и некоторые другие дантологи, выдвинул предположение, что Данте прибегнул к такому приему, чтобы подчеркнуть грозную торжественность обезображенного Люцифера. Думается, однако, что правильнее считать данное место в завершении первой кантики одним из применений “дуалистического шифра” “Комедии”, – в данном случае путем противопоставления “*vexilla regis*” и “*vexilla regis inferni*”, иными словами – царства Света и царства Тьмы»².

¹ Яблоков Е.А. «Я – часть той силы...» // Русская литература. 1988. № 2. С. 12.

² Бэлза И. Некоторые проблемы интерпретации и комментирования «Божественной Комедии» // Дантовские чтения – 1979. М., 1979. С. 55.

Итак, одно-единственное слово, добавленное к каноническому тексту стиха церковного гимна, полностью изменило его смысл, превратив в кощунственную пародию, в каламбур.

Имеются ли достаточные основания предполагать, что Булгаков был знаком с этим дантовским «каламбуром»? Отвечая на этот вопрос, мы предлагаем учесть следующие факты.

Во-первых, Данте входил в фундамент классического образования, полученного Булгаковым в Первой киевской гимназии, куда он поступил в первый класс в 1901 году. Уже там он мог обратить самое непосредственное внимание на данный каламбур по изданию «Ада», допущенного в библиотеки учебных заведений (перевод Н. Голованова. 2-е изд. М., 1899). Там, в примечании к крамольному стиху, раскрывается его смысл: «Т. е. знамена адского царя приближаются, – подражание католическому церковному гимну, который поется в великую пятницу...» (с. 242). Сын профессора Духовной академии, Булгаков не мог не оценить рискованный смысл такого «подражания». Другое издание «Ада», по которому юный Булгаков мог знакомиться с Данте, это прекрасно оформленное издание М.О. Вольфа (Лейпциг, 1874), которое могло быть, например, в библиотеке его отца. Здесь, в сноске, мы читаем: «Буквально в оригинале: “Знамена царя ада приближаются”. Данте взял эти слова из католического духовного гимна Спасителю: *Vexilla regis prodeunt*. Прибавив к ним слово *infernī*, Данте совершенно изменил смысл стиха» (с. 250).

Во-вторых, нужно учитывать, что Данте, несомненно, являлся одним из образцов классической литературы, верность которой была глубоко присуща натуре Булгакова (вопреки пренебрежительно-отрицающей тенденции многих писателей того времени). Именно это, по-видимому, имеет ввиду М.О. Чудакова, говоря о «самоочевидности интереса автора “Мастера и Маргариты” к “Божественной Комедии”»¹. В качестве документального следа этого интереса мы можем указать, например, цитирование «Комедии» в письме Булгакова к В.В. Вересаеву от 27.VII.1931, где им употреблен на языке оригинала стих из надписи над воротами дантовского ада: “*lasciate ogni speranza*” – «оставь всякую надежду»².

¹ Чудакова М. «И книги, книги...» // «Они питали мою музу»: Книги в жизни и творчестве писателей. М., 1986. С. 228.

² Булгаков Михаил. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 204.

Уточним еще одну деталь: мог ли Булгаков именовать Данте рыцарем? Безусловно, и не только в переносном, духовном смысле, не только как воина, принимавшего участие во многих сражениях (о чем Данте сам упоминает в «Комедии»); известно, что его прапрадед Каччагвида завоевал своему роду право носить рыцарский меч с золотой рукоятью.

Коснемся, наконец, внешнего облика рыцаря. Мрачайшее и никогда не улыбающееся лицо – именно таким предстает Данте в многочисленных французских гравюрах, и это не случайно. Описывая прижизненный портрет Данте руки Джотто, Карлейль отмечает: «Я думаю, что это самое грустное лицо, какое только когда-либо срисовано с живого человека; в полном смысле слова трагическое, трогательное сердце лицо»³. Джованни Боккаччо, младший современник Данте, пишет, что у Данте «вид был неизменно задумчивый и печальный»⁴. Наконец, Дж.А. Симондс описывает посмертную маску с лица Данте так: «Общее выражение лица очень спокойно, печально и серьезно...»⁵. Что же касается эпитета «темно-фиолетовый», то он-то, на наш взгляд, как раз и не имеет непосредственного отношения к прототипу, а является чисто эстетическим элементом. Не случайно фиолетовый облик перешел к рыцарю от другого персонажа лишь в 1936 году; в наброске последнего полета в тетради «Окончание» 1934 года, где сцена преобразования только намечается, цвет этот, как уже указывалось, принадлежит всаднику – посланцу Иешуа. Разумеется, это никак не опровергает гипотезу Л. Яновской о связи «цветового решения» обоих персонажей с врубелевским «Азраилом».

3

С точки зрения изучения творческого метода Булгакова представляет несомненный интерес проследить, как складывался у него образ нашего героя, какие события и мотивы инициировали в какой-то момент выбор предполагаемого прототипа.

До сих пор мы ограничивались предположением, что этот выбор оказался обусловлен сгущающейся от редакции к редакции

³ Статья Карлейля «Данте» из его книги «Герои и героическое в истории» цитируется по упомянутому в настоящей работе изданию: Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ад. М., 1899. С. 292.

⁴ Боккаччо Д. Малые произведения. Л. 1975. С. 546.

⁵ Симондс Дж.А. Данте, его время, его произведение, его гений. СПб., 1893. С. 115.

дантовской атмосферой романа. С этим «сгущением» заметно коррелирует уточнение черт героя, указывающих на прототип. Так, характеристики внешности моментального свойства («глаза его хмуро смотрели на луну, углы губ стянуло книзу» – редакция 1936 года)¹ сменяются вневременными, словно дошедшими до нас в изобразительной традиции («с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом» – окончательный вариант); в последних редакциях у преображенного героя исчезает и последний бесовский атрибут – берет с пером, восходящий еще к Мефистофелю.

Но при этом остался в стороне вопрос, имеет ли отношение к выбору прототипа возникшее еще летом 1933 года именование нашего героя «рыцарем»? Это произошло в 7 главе 3-й редакции (вечер Воланда в Варьете), расположенной в конце первой тетради этой редакции и написанной до 1 сентября 1933 года, т. е., видимо, сразу после июльской поездки Булгаковых в Ленинград (так как работа над этой редакцией в 1932 году быстро прервалась, а в Ленинграде, где она возобновилась, не могла вестись настолько интенсивно, чтобы дойти до текстуально и хронологически последней главы данного периода). 8-я глава (история Босого), писавшаяся затем в сентябре, расположена уже во второй тетради этой редакции, а вот перед этой главой, в начале тетради, расположена незаконченная глава с удивительной сценой общего собрания писательского жилтоварищества по поводу распределения квартир. Сцена эта никуда не вошла и никаких мотивных связей с другими частями и редакциями романа, казалось бы, не имеет (почему, возможно, и не комментировалась)². Перед тем как ее привести, заметим, что в период ее написания Булгакову доставлял немало хлопот «квартирный вопрос» – хлопоты по получению новой квартиры в писательском кооперативном доме № 5 по Б. Нащокинскому переулку. 22 июля 1933 года, немедленно по возвращении из Ленинграда, он пишет П.С. Попову: «Задыхаюсь на Пироговской. Может быть, ты умолишь мою судьбу, чтобы наконец закончили дом в Нащокинском? Когда же это наконец будет?! Когда?!»³

¹ Яновская Л. Указ. соч. С. 106.

² Если не считать ее использования Н.П. Утехиным для иллюстрации того, что «герои Булгакова, не надеясь на конечное историческое торжество справедливости, самым активным образом добивались ее торжества в настоящем» (Цит. по: Утехин Н.П. Указ. соч. С. 258).

³ Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 375.

Для нас представляет большой интерес приведенный В. Лакшиным рассказ Е.С. Булгаковой (с чертами гротеска, выдающими Булгакова-рассказчика) о посещении Булгаковым собрания пайщиков кооператива, где, совсем как в указанной сцене, решался вопрос о распределении квартир. «Первым в списке называют Б-на. Булгаков тянет руку. “Что сделал тов. Б-н? в чем его заслуга перед литературой?” – “О, его заслуги велики, – отвечает председательствующий, – он достал для кооператива 70 унитазов”. Булгаков снова тянет руку: “Скажите, а как он это сделал?” Тут председатель не выдержал: “Сядьте, тов. Булгаков, ваша квартира № 44”»⁴.

Гротескные элементы этого эпизода вошли и в указанную сцену, начинающуюся с протестов «заслуженной» писательницы Караулиной, не попавшей в заветный список, но вошло в эту сцену и нечто не вяжущееся с сатирой.

« – И я! Я! Не попала в список! Товарищи!» <...> «...И кто же? Кто? Дант. Учившаяся на зубоврачебных курсах, Дант, танцующая фокстрот, попадает в список одной из первых... Товарищи!.. Где же справедливость?!» <...> « – Товарищ председатель, – играя змеиными переливами заговорил бузотер, – не откажите проинформировать собрание: к какой писательской организации принадлежит Беатриче Григорьевна Дант? Раз. Какие произведения написала упомянутая Дант? Два. Где означенные произведения напечатаны? Три. И каким образом она попала в список? “Говорил я Перштейну, что этому сукину сыну надо дать комнату”, – тоскливо подумал председатель. Вслух же спросил бодро: – Все? – и неизвестно зачем позвонил в колокольчик. – Товарищ Беатриче Григорьевна Дант, – продолжал он, – долгое время работала в качестве машинистки и помощника секретаря в кабинете имени Грибоедова. – Зал ответил на это сатанинским хохотом...» <...> « – Покажите, кто хоть этот Дант! – рывкнул некто. – Дайте полюбоваться!» « – Вот она, – глухо сказал председатель и ткнул пальцем в воздух. И тут многие встали и увидели в первом ряду необыкновенной красоты женщину. Змеиные косы были уложены корзинкой на царственной голове. Профиль у нее был античный, как и фас. Цвет кожи был смертельно бледный. Глаза были открыты, как черные цветы. Платье кисейно-желтое. Руки ее дрожали». « – Товарищ Дант, товарищи, – го-

⁴ Лакшин В. Елена Сергеевна рассказывает... // Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 418.

ворил председатель, – входит в одно из прямых колен известного писателя Данте, и тут же подумал: “Господи, что же это я отмочил такое?!” Вой, грохот потряс зал». <...> «Тогда председатель понял, что не миновать открыть козырную карту. – Товарищи! – вскричал он, – товарищ Дант получила солидную авторитетную рекомендацию. – От кого? – прокричал кто-то»¹.

Центральный образ этой сцены – «товарищ Дант» – представляется нам теперь тем более интригующим, что он носит имя предполагаемого нами прототипа и имеет его внешность! («Змеиные косы», «уложенные корзинкой», только помогают узнаванию, уподобляясь лавровому венку, которым увенчан Данте на гравюрах.) Нетрудно заметить, что портрет «Беатриче Дант» явно выходит за рамки сатирического снижения этого образа в данной сцене. Что же за впечатления легли в основу феминизированного портрета Данте?

Можно определенно сказать, что портрет этот списан Булгаковым с Анны Ахматовой, знакомство с которой состоялось как раз во время его июльской поездки в Ленинград на обеде у художника Н.Э. Радлова². Судя по тому, что знакомство было продолжено и Ахматова заходила к Булгаковым во все свои приезды в Москву, присутствовала на чтениях романа, обращалась к Булгаковым в самые тяжелые моменты жизни, – знакомство это не было формальным.

Внешнее сходство Ахматовой с портретами Данте (который занимает важное место в ее творческой биографии), очевидное из ее фотографий, привлекало внимание и современников. Мы сошлемся на воспоминание М. Слонимского: «Пошли по Литейно-

¹ Текст данного отрывка получен контаминацией текстов его частей, приведенных в работах (со ссылкой в первой из них на ГБЛ, ф. 562, к. 6, ед. хр. 6, л. 5–7): Утехин Н.П. Указ. соч. С. 257, 258; Булгаков Михаил. Копыто инженера: Три отрывка из черновой редакции романа «Мастер и Маргарита» / Публикация Б.С. Мягкова // Памир. Душанбе, 1984. № 7. С. 57–59.

² См.: Ардов В.Е. Мой сосед // Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 342.

Впрочем, формальное знакомство могло состояться и ранее. В. Лосев и Л. Яновская сообщают об афише, хранящейся в фонотеке Госуд. лит. музея, согласно которой Ахматова и Булгаков должны были выступать в одном художественном вечере 10 мая 1926 года в Ленинграде (в кн.: Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 338). Разумеется, это никак не влияет на наши выводы, тем более что портретное сходство Ахматовой с Данте усиливалось с возрастом. (За годы, прошедшие после первой публикации данной статьи, появились доказательства того, что на вечере 10 мая 1926 г. Булгаков и Ахматова познакомиться не могли, т.к. Ахматова на него не поехала: Н.П. Лукницкий. Встречи с Анной Ахматовой. Том II. 1926–1927. Париж–Москва: YMCA-PRESS; Русский Путь, 1997. С. 154–155. – Прим. автора к настоящему изданию).

му. Видим: по той стороне идет – но это же не Ахматова, а Данте! Даже жутковато. Идет высокая женщина, одна ночью, с палкой в руке, держится очень прямо, и на плечах голова Данте (...) Удалось хоть на машине доставить домой Ахматову-Данте»³. В книге «Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма» (Л., 1990) на стр. 464 приведена и фотография Ахматовой конца 20-х годов, где у нее описанная Булгаковым прическа: уложенные вокруг головы косы.

Возникает вопрос: какие мотивы могли стать источником соединения в указанной сцене имени Данте, образа Ахматовой и квартирной проблемы? Не претендуя на объяснение, рискнем высказать следующие соображения.

Первое. Допустим, что наше предположение неверно, т.е. что рыцарское звание Фагота, проявившееся в августе 1933 года, не свидетельствует о предположенном нами замысле автора ввести Данте в свиту Воланда под гаерской личиной. Это означает, что присутствие Данте (по крайней мере, в качестве имени и облика некоего персонажа) в указанной сцене является спонтанным и чисто «внутренним» по отношению к основному тексту, не связанным с его идеями, мотивами и фабульными линиями. По нашим наблюдениям, такое явление с большой степенью вероятности несовместимо с творческим стилем Булгакова.

С другой стороны, предположив, что в образе «товарища Дант» действует (намекая именем и внешностью на свой прообраз) лицо из свиты Воланда («танцующее фокстрот», что, как известно, является в романе приметой «чертовщины»), мы можем указать на сходный мотив: перевоплощение в женщину – «сестру милосердия» другого представителя inferнальных сил – Азazelло, причем непосредственно после фокстротной танцевальной прелюдии.

Второе. Допустив наше предположение, мы должны найти возможные мотивы, по которым образ Ахматовой-Данте связался столь непосредственно с «квартирным вопросом». По нашему мнению, этот вопрос мог быть затронут во время обеда, за которым состоялось знакомство Ахматовой и Булгакова, в связи с тем совпадением, что в том же самом писательском кооперативном доме, о котором говорилось выше, и в то же самое время наряду с

³ Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л., 1990. С. 392.

Булгаковым претендовал на квартиру ближайший друг Ахматовой Осип Эмильевич Мандельштам. (Как известно, Булгаков был знаком с ним и даже получил от него в свое время совет для продолжения литературной деятельности перебраться в Москву.)

Нам представляется вероятным, что первоначально в том разговоре могла зайти речь о Мандельштаме и помимо этого нового их с Булгаковым пересечения. Осенью 1932-го – весной 1933 года Мандельштам имел 5 вечеров в Москве и Ленинграде (в Ленинграде 22 февраля – в Капелле, 3 марта – в Доме печати). По свидетельству Н.И. Харджиева, «зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в течение двух с пол<овиной> часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) – в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались»¹. В связи с этими вечерами Мандельштама в Ленинграде Ахматова вспоминала: «В этой биографии поражает меня одна частность: в то время (1933) как О. Э. встречали в Ленинграде как великого поэта, *persona grata* и т.п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет... в Москве никто не хотел его знать...»². Разговор, касающийся литературных событий года, произошедших со времени предыдущего приезда Булгакова в Ленинград (ноябрь 1932-го), не мог, думается, обойтись без упоминания этих вечеров (тем более в присутствии Ахматовой).

И последние детали. В указанной сцене содержится намек на какое-то могущественное лицо, по «солидной, авторитетной рекомендации» которого, «товарищ Дант» попала в заветный список. Известно, что Мандельштам попал в аналогичный список (причем получил ордер ранее Булгакова – в августе 1933 года, т.е. непосредственно перед тем, как в романе появилась указанная сцена), благодаря ходатайству Бухарина³. Наконец, к моменту поездки Булгакова в Ленинград, Мандельштамом был написан и предложен редакциям «Звезды» и Издательства писателей в Ленинграде

¹ Цит. по комментариям П. Нерлера в кн.: Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 502.

² Ахматова А.А. Собрание сочинений в двух томах. Том II. М., 1990. С. 163.

³ «Один раз мне удалось добиться жилплощади. Это было в 33 году, когда под натиском Бухарина нам дали голубятню на пятом этаже писательской надстройки» (Цит по: Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989. С. 127).

«Разговор о Данте», законченный им в Коктебеле в июне 1933 года (и там же читанный А. Белому и А. Мариенгофу)⁴.

Все эти сведения и соображения не являются, повторяем, исчерпывающими доказательствами нашего предположения, но, безусловно, должны быть учтены в дальнейших исследованиях эволюции мотивной структуры романа и генезиса его образов. Роман-завещание прочтен, но и сегодня, в канун столетнего юбилея Булгакова, в его творческой биографии далеко еще до последней точки⁵...

Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 70-74

⁴ См. комментарий П. Нерлера к кн.: Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1990.

⁵ Автор выражает благодарность Л. Кацису за помощь в работе.

«В молчаньи твоего ухода упрек невысказанный есть...»

Момент личной трагедии Цветаевой – «потери» ею Пастернака (хотя внешне дружба их как бы и не прерывалась, как и переписка) совпал с общим кризисом ее эмигрантской жизни. Для русской эмиграции Парижа она стала чужой еще со времени публикации в 1928 году ее приветствия приехавшему Маяковскому. Вскоре изгоем стал и Сергей Эфрон, активный участник евразийского движения, выступавший за сотрудничество с советской властью. Тяжелое материальное положение, разлад в семье... Доходящее до травли неприятие со стороны новой, сложившейся в эмиграции литературной среды, которой не по плечу была ее высокая романтика, ее принципиально новая, предельно доверительная форма общения с читателем... В лучшем случае Цветаеву просто терпели; она была вне групп, вне связей и даже, по свидетельству современника, чисто внешне «резко выделялась и своим обликом, и речами, и поношенным платьем, и неизгладимой печатью бедности». Но из неведомых глубин всякий раз поднимается в ней противодействие насилию жизни. Ибо: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы. На поэте – на всех людях искусства – но на поэте больше всего – особая печать неуюта, по которой даже в его собственном доме – узнаешь поэта».

У Пастернака в это время были проблемы иного рода: не «отпасть от истории», но в то же время и «не жертвовать лицом ради положения», к чему он призвал советских писателей с трибуны их первого всесоюзного съезда (29 августа 1934г.): «При огромном тепле, которым окружает нас народ и государство, слишком велика опасность стать социалистическим сановником. Подальше от этой ласки во имя ее прямых источников, во имя большой и де-

льной и плодотворной любви к родине». Но сам этот призыв держаться «подальше от этой ласки», исходящий от человека, выдвигаемого в то же время на должность «первого поэта», был вполне созвучен общепринятым демонстрациям лояльности режиму. Сам Пастернак отчетливо этого не осознавал – тем невыносимее стала его жизнь, когда он понял, что обязан платить чем-то таким, что «выполнимо только путем подлога», как он выразился впоследствии, одновременно признавая, что в тот период «не было чепухи и гадости, которую я бы ни сказал или ни написал и которой бы ни напечатали». Он уже не принадлежал себе и не смел отказаться, когда усатый «благодетель» (как называл его Пастернак) приказал ему ехать в составе делегации на Международный конгресс писателей в защиту культуры, открывшийся в июне 1935 года в Париже. Тогда-то и состоялась «катастрофа» их с Цветаевой «невстречи».

Почему-то считается, что Пастернак не смог достаточно связно обрисовать ей – что? – то ли положение в СССР, то ли причину того, что ему пришлось против своей воли подчиниться и ехать. Это впечатление возникает оттого, что у Цветаевой не наблюдается какой-либо соответствующей (по нашим сегодняшним представлениям) реакции. Но, во-первых, понятно, что невозможность своего отказа от поездки Пастернак подкреплял и каким-нибудь подобием «идейных» соображений («...В ответ на слезы мне – “Колхозы”! В ответ на чувства мне – “Челюскин!”»). Во-вторых, она и без того полагала свое возвращение в Россию немислимым, да и как мог «по-настоящему» предостеречь ее Пастернак, сам в это время продолжавший уговаривать возвратиться в Россию своего отца, известного художника Л.О. Пастернака (которого фактически спасла его племянница – двоюродная сестра Пастернака О. Фрейденберг: «Но я умоляла его в условных выражениях... не приезжать, и он послушал меня, спасшись от казни. Все его московские друзья были умерщвлены»).

В августе следующего, 1936 года, имя Пастернака появилось в одной из московских газет под письмом, требующим смертной казни для шестнадцати подсудимых показательного процесса группы Каменева – Зиновьева. Подпись поставили помимо его воли, но кому уже было до этого дело? Его имя стало государственной собственностью. Сам Пастернак полагал, что «именно в 36 году... все сломилось во мне, и единение со временем перешло в сопротивление

ние ему, которого я не скрывал», однако все это «сопротивление» уходило в работу над романом и уж во всяком случае не покидало стен совписовской кухни. История с подписью благополучно повторилась в 1937 году во время процесса военачальников – Якира, Тухачевского и других: «... Я отказывал Ставскому в подписи под низостью и был готов пойти за это на смерть, а он мне этим грозил и все-таки дал мою подпись мошеннически и подложно...» Вполне вероятно, что в это время Пастернак действительно был готов принести себя в жертву, но это уже было не в его воле. «Благодетелю» нужен был живой Пастернак – вот почему всемогущий генеральный секретарь Союза писателей В.П. Ставский, одним росчерком пера уничтоживший в 1938 году Мандельштама, несмотря на свою неприязнь к Пастернаку, боялся заходить в ней слишком далеко, не забывая помимо кнута и о прянике. Так, публично он объявляет в ноябре–декабре 1936 года новые стихи Пастернака «клеветой на советский народ». А 21 декабря состоится заседание президиума Мосгоржилстройсоюза по рассмотрению списка жилплощади к новом шикарном писательском доме. Пункт второй постановления гласит: «Согласиться с решением собрания уполномоченных РЖСКТ и постановлением комиссии ЦЖС от 15/10-36г., а также учитывая ходатайство Союза Сов. Писателей о предоставлении жилплощади в доме по Лаврушинскому пер. нижеуказанным пайщикам-писателям, имеющим недостаточный полезный стаж, но являющимся в литературно-общественной деятельности ценными писателями...»¹ «Нижеуказанные» – Эренбург, Пастернак, Эфрос, Лежнев. А присутствует и ходатайствует на первом заседании от ССП все тот же Ставский.

Цветаева как никто другой понимала, что именно ждет ее в Советской России. Еще в 1931 году, когда Сергей Эфрон впервые подал в советское консульство прошение о советском паспорте, она пишет: «Я там не уцелею, ибо негодование – моя страсть, а есть на что...» И: «Там мне не только заткнут рот непечатанием моих вещей, – там мне и писать их не дадут». Но отсутствующий у нее «дар слепости» с избытком компенсировался у мужа, а вслед за ним – и у детей. В 1937 году в СССР выезжает дочь Ариадна, а затем и Сергей Эфрон – после его фактического разоблачения в

¹ Центральный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы, ф. 1951, оп. 12, ед. хр. 17, л. 162–165.

парижской прессе как агента НКВД. А Цветаева все медлила перед лицом неотвратимого, понимая, что невозможна в новой России «я – не умеющая не ответить, я, не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо не я назвала его великим... и, может быть, важнее всего – ненавижу каждую торжествующую казенную церковь...» 18 июня 1939 года давшая когда-то обет не расставаться с мужем Цветаева приезжает в Москву...

Сразу после самоубийства Цветаевой Пастернак писал жене в Чистополь (туда, где еще лежало заявление Марины Ивановны: «В Совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую...»): «Последний год я перестал интересоваться ею. Она была на очень высоком счету в интеллигентном обществе и среди понимающих, входила в моду, в ней принимали участие мои личные друзья Гаррик, Асмусы, Коля Вильям, наконец Асеев. Так как стало очень лестно числиться ее личным другом и по многим другим причинам, я отошел от нее и не навязывался ей, а в последний год как бы и совсем забыл. И вот тебе! Как это страшно». «Входила в моду»? Входила в очередную полосу бедствий. «Стало очень лестно числиться ее личным другом»? Скорее – слишком хлопотно. Ровно за год до смерти она пишет В.А.Меркурьевой: «У меня есть друзья, но они бессильны. И меня начинают жалеть... совершенно чужие люди. Это – хуже всего, потому что я от малейшего доброго слова – интонации – заливаюсь слезами, как скала водой водопада. (...) Я не в своей роли – скалы под водопадом: скалы, вместе с водопадом падающей на (совесть) человека... Попытки моих друзей меня растрagiвают и расстраивают. Мне – совестно: что я еще жива». И через пять дней – в записную книжку: «Никто не видит, не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами – крюк...» Этот крюк она стала искать, когда вслед за дочерью (27 августа) был арестован 10 сентября 1939 года и ее муж Сергей Эфрон.

Жена «врага народа», бездомная скиталица с пятнадцатилетним сыном на иждивении... «Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь», – из того же письма Меркурьевой. А за четыре дня до него она обращается к Павленко – крупному литературному чиновнику, подробно описывая свои жилищные злоключения, и заканчивает обращение так: «Я не истеричка, я совершенно здоровый, простой человек, спросите Бориса Леонидовича. Но – моя жизнь за этот

год – добила. Исхода не вижу. Взываю о помощи». Это обращение сопровождалось личным письмом Пастернака к Павленко.

Впоследствии в стихотворении «Памяти Марины Цветаевой» будет признание:

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой-миллионершей
Средь голодающих сестер.

В письме к Павленко – то же его, Пастернака, ощущение, но уже переданное в недопустимо снисходительной форме уверенности: если Цветаева чем-то грозит – не воспринимай этого буквально, она этого не сделает. И, конечно, Пастернак этого уже не мог никогда себе простить.

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

«В угоду» Цветаевой (о чем свидетельствовал сам Пастернак) оказался написан – именно таким, каким он вошел в души миллионов, – роман «Доктор Живаго». И еще: «Смерть Цветаевой была для меня самым большим горем моей жизни» – услышит американская журналистка от Пастернака за пять месяцев до его собственной кончины...

«Я знаю, существует легенда о том, что она покончила с собой, якобы заболев душевно, в минуту душевной депрессии, – скажет через много лет Анна Ахматова дочери Марины Ивановны, – не верьте этому. Ее убило время, нас оно убило, как оно убивало многих...»

А Цветаева в 1926 году писала так (о Есенине):

...И не жалость – мало жил,
И не горечь – мало дал, –
Много жил – кто в наши жил
Дни, все дал – кто песню дал.

*Независимая газета. 2 марта 1993 г.**

«Выгоды отечества» в «слезинке ребенка». Особенности национальной ловли

Федор Михайлович говорил по-немецки, с трудом подыскивая слова, но если он воодушевлялся и, особенно, если сердился, то приходилось удивляться, откуда у него брались такие язвительные и мудреные фразы. Особенно я припоминаю спор Федора Михайловича в вагоне со стариком немцем, бесцеремонно занявшим мое место. Я просто диву далась знанию им немецкого языка.

А.Г. Достоевская

п р о л о г

В моей библиотеке есть книга с дарственной надписью:

«Товарищу Лобановой Н.И.

За активную работу с избирателями по выборам в Верховный Совет РСФСР и местные советы депутатов трудящихся.

Секретарь парткома Госстроя СССР /подпись/

Председатель месткома Госстроя СССР /подпись/

/печать месткома/

17 апреля 1959 г.»

Книга эта – «Братья Карамазовы» Федора Михайловича Достоевского.

з а н а в е с

Чем знаменита Россия? – Правильно, своей великой литературой. Толстой, Достоевский, «Война и мир», «слезинка ребенка»... 19 декабря 1999 г. Россия сделала свой очередной «исторический выбор» – война. Но, разумеется, «священная», против «бандитов». «Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны... Поможем детям» – как говаривал великий комбинатор.

Спасибо другу Биллу, спасибо Солане и прочим «европеянам нежным». Без их помощи, без их примера в усмирении Югославии

мы еще долго искали у себя на носу эту столь желанную панацею от всех прошлых и будущих наших бед – национальную идею. Но, взглянув в подвернувшееся вдруг натовское зеркало, мы ее нашли! Мы все вдруг поняли! «Тут нам фишка и поперла»!

Ну, через себя, как известно, не прыгнешь, и «братьям-сербам» мы все долги наши простили. (Да им и не привыкать; должны уже были за 160-летнюю историю нашей их «защиты» во всем разобратся!) Зато нашли-таки, наконец, свой «дедовский завет»!

«Война есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и к участию в них... Правом умереть за выгоды отечества, всех, самые низшие возвышаются до самых высших и становятся им равными как человеки»¹. «Война, мечи расковать на орала. Ложная мысль. Загниет человечество в этаким мире. Надобен мир по иному – Христов»².

Знаете, я все люблю у Венички, но есть у него одна вещь, которую я не считаю достойной его великого таланта. Это – «Моя маленькая лениниана». Слишком она суетная, масскультурная, что ли. Ну, кто такой в конце-концов этот наш знаменитый Вовчик? Просто удачливый узурпатор, не светоч, не титан духа. Да и злодейства в нем не больше, чем в Робеспьере; разве со Сталиным сравнишь! Потому в «Лениниане» и не дышит вечность... Но если вместо Ленина взять того же, только что процитированного, Достоевского – о, уверяю вас, многое, многое вам откроется в «загадочной русской душе»!

«Тот не русский, который не признает нужды завладеть Константинополем (Царьград)»³. «Константинополь православен, а что православное, то русское»⁴.

Это – к вопросу о «Христовом мире» национального розлива, чтобы не было иллюзий... Но вернемся к нашим баранам.

О, как ждало наше общество эту новую идею! Как надеялись все мы, что удастся, наконец, остановить зарвавшегося янки православным русским словом. Казалось, еще миг, – и выйдет навстречу супостатам какой-нибудь наш «Святой Сергей Радонежский» (атомный ракетносец). Но – решили побережь мы нашего святого

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 24. Л., 1982. С. 90.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 288.

⁴ Там же. С. 173.

и послали Виктора Степановича: с Басаевым уладил, авось и с Олбрайт договорится. А то вдруг до потери траншей дело дойдет, а таких ужасов на Руси еще не бывало!

Но идея, идея-то зажила, задышала в наших униженных и оскорбленных! И всех (кроме позорного правозащитного «Яблока») объединила между собой!

«Правду, видно, сказал Ф.М.Достоевский в “Дневнике писателя”, что война сближает, сплачивает разъединившиеся слишком взгляды, стремления и проч., вырабатывающиеся обыкновенно в течение долгого мира. Война еще не с нами – собратьями нашими только, а и то уже пошло вдоль и поперек матушки России дружное, братское стремление помогать общими силами» (Гражданин, 1876, 1 августа, №27.)

Вот даже мой друг К., известный эссеист, еще до рейда Виктора Степановича напечатал (нет, почел за честь напечатать!) в «Независке» гневное разоблачение НАТО, в лице Джейми Шеа и американских летчиков – «жвачных животных», по его изящному выражению. «Им» – бездуховным прагматикам, вычисляющим, сколько гражданских жертв может быть оправдано борьбой за «демократические ценности», он противопоставил «нас» – тех, для кого никакие ценности не стоят и одной «слезинки ребенка». Прямо так и напомнил про эту слезинку, не постеснялся. «Леня, спросил я его, а где ж ты был с твоим праведным гневом, когда мы бомбили Чечню, когда зачищали Самашки? Ведь тогда мы убили несколько десятков тысяч...» – «Ну, – ответил Леня, – это же чеченцы, бандиты». И продолжал сиять своей праведной нечаянной радостью (от посильного вклада в «общее дело»). Или вот мой добрый знакомый З. Ходил к американскому посольству, протестовал. Звал и меня приобщиться святому делу. А я опять опозорился, заявил, что это унижительно – публично негодовать от преступлений чужой власти по разрешению не менее преступной собственной. И опять на меня смотрели, как на полного идиота: я что, и правда, не понимаю разницу между Чечней и Югославией?

Один из заголовков главы II «Дневника писателя» за 1877 год (я напомню: в те годы Турция боролась, выражаясь нашим языком, за свою территориальную целостность с сербским сепаратизмом) начинается так: «Слизняки, принимаемые за людей». И, далее:

«В наше время чуть не вся Европа влюбилась в турок, более или менее. Прежде, например, ну хоть год назад, хоть и старались в Европе отыскать в турках какие-то национальные великие силы, но в то же время почти все про себя понимали, что делают они это единственно из ненависти к России. Не могли же они в самом деле не понимать, что в Турции нет и не может быть правильного и здорового национального организма, мало того, – что и организма-то, может быть, не осталось никакого, – до того он расшатан, заражен и сгнил; что турки азиатская орда, а не правильное государство. /.../ В довершении там состряпали недавно и заем для турок... и невозможный заем этот состоялся единственно потому, что в Европе так полюбили мечту о том, что Турция не государство слизняков, а действительно с такой же плотью и кровью, как и европейские государственные организмы»¹.

Да, тысячу раз был прав Федор Михайлович! Как и 120 с лишним лет назад, клик «наших бьют» сотворил в России чудеса. До толе всем ненавистная, насквозь преступная, лживая и воровская власть вдруг, как по мановению волшебной палочки стала нам всем родной и близкой! Коммунистический оборотень, который за 8 лет экономического «шока» довел страну до банкротства, уничтожил идею правового государства, обескровил народ моральной и экономической безысходностью, запустив процесс его нравственной и физической деградации, вымирания, одновременно с чудовищным укорочением жизни, узурпатор, потопивший в крови единственную реальную попытку отрешения его от власти законным образом, популист-самодур, доведший преступными играми в «суверенитеты» страну до смертоносной язвы, которую пытается теперь в очередной раз «лечить» каленым железом, – вдруг превратился в долгожданного «отца нации», мудрого и непреклонного Дэн Сяопина! Гуттаперчивое фээсбэшное изделие, надутое через пиар по заказу Семьи, превратилось в тщательно подобранного, твердого и решительного преемника! Ну, а «государство слизняков», – так на него оставалось только указать пальцем... Но не на Америку же!

После Берлинского конгресса 1878 г., где дипломаты вынуждены были охолонить слегка всех прорицателей «русского Константинополя» («Нет таких и слов, чтоб заклеить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 26. Л., 1984. С. 27-29.

России» – И.С.Аксаков), Россия решила поискать свой завет на востоке. И Кавказская армия понесла «цивилизаторскую миссию» (по словам Федор Михалыча) огнем и мечом дикому Туркестану («чуркам», по-нашему). «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: “Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился”. И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его. А ведь после неудачи генерала Ломакина непременно, должно быть, пронеслось по всей Азии сомнение в несокрушимости меча нашего – и русский престиж наверно был поколеблен. Вот почему мы и не можем остановиться на этой дороге. У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, – но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось!»² (Дневник писателя, январь 1881 года.)

Я помню, как в начале 80-х удивил своего друга Леню К., возразив как-то по поводу сомнительных заслуг Достоевского в борьбе с «бесами», что большевистская идея избранничества России произросла именно на удобренной Федор Михалычем почве (просто я прочел уже «Дневник писателя», а Леня еще нет). Позднее оказалось, что «крамольная» эта мысль была вполне ясна современникам, заставшим в этом мире обе эпохи (Ивану Павлову, например). Так что не трудитесь записывать Афганистан на счет «коммунистического режима»: за 100 лет до него «православная» Россия вела себя ровно тем же образом, а Достоевский выгодно отличался от Проханова лишь большей откровенностью.

А знаете, я готов открыть вам самую-самую сокровенную «русскую тайну», такую страшную, что только тут, шепотом, о ней и можно сказать.

Вся эта «слезинка ребенка» – дешевое шулерство от начала и до конца.

Не для того мы всякий раз ее вспоминаем, чтобы от царствия земного или чего иного в жертву ей отказаться, а напротив, когда надо бесчувственность и безжалостность свою замаскировать.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 27. Л., 1984. С.32-33.

Этот «отказ» Ивана Карамазова – не более чем псевдогуманистический выверт, за которым у нас необходимо следует продолжение: а коль слезинку эту ничем оправдать нельзя, так проливший ее – вне закона, и я (признающий ее примат) волен вершить над ним (этого не признающим) суд. И не божий, разумеется, а вполне земной! И вот уже кроткий Алеша Карамазов готов расстрелять убийцу-помещика. А почему, – спросят потом менее рафинированные потомки, – собственно, единственный барин должен за это преступление ответить? Остальные что, лучше что ли? Одна Салтычиха чего стоит! Смерть им всем за детскую слезинку!

Да-да, когда человек, верующий в Христа, оправдывает убийство в качестве возмездия, – с этого-то и начинается то самое «все позволено»!

Вы, быть может, обидитесь за Достоевского: он, дескать, совсем это не имел в виду! Он дальше ведь опровергнуть хотел этого атеиста Ивана, его «богохульство». Он ведь писал Победоносцеву: «Опровержение сего... явится в последнем слове умирающего старца»¹. Ведь вложил же он в уста старца (по записи Алеши) это опровержение: «Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом»! Он ведь не знал, что ТАК получится!

Да, – отвечу я, не знал. Уверен, что и в страшном сне он себе представить не мог, что именно это место из его сочинений (про «слезку» и «расстрелять») станет самым популярным в школе победивших бесов! И что «Бесов» ему за этот расстрел простят (дескать, не про нас это), и религиозность. И что «слезинкой» этой на каждом углу спекулировать станут...

Да, не знал, но поплатился за свою гордыню. «Стало быть, не как мальчик же я верую в Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня же, в том же романе, черт»². Ох, Федор Михалыч, с чертом играть нельзя, потому что нельзя его переиграть. И спиритическими сеансами вы, веруя в Христа, напрасно увлекались. Вот так и пропели вы чертову осанну на всю Рассею... Слишком, слишком эстетически привлекателен у вас атеизм оказался, и противоядие – не сработало.

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 30, кн. I. Л., 1988. С. 66.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 27. Л., 1984. С. 86.

Но почему я говорю о дешевом шулерстве, а не просто о сомнительных гностических играх (которые, затем, Мережковский и прочие декаденты передадут Серебряному веку уже просто как художественную норму)?

О, не просто так упомянул про детскую «слезку» в своем знаменитом романе Достоевский, о нет! Тема замученного ребеночка у него сквозная и очень не случайная! И не только из-за любви к детям.

Не потому только Федор Михалыч «взял одних деток для того, чтобы вышло очевиднее». Он не только умел «деток любить». Он еще и очень умел (очень умело) ненавидеть.

Сцены детских истязаний в главе «Бунт» (это там, где «слезка») выписаны с мазохистским сладострастием. Прочитав, Победоносцев написал Достоевскому: «Это очень сильная глава – но зачем Вы так расписали детские истязания!» Достоевский никак не прореагировал.³ Более того, в последующих главах эта тема была продолжена. Да еще как!

«Алеша, правда, что жида на пасху детей крадут и режут? – Не знаю. – Вот у меня одна книга, я читала про какой-то где-то суд, и что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, чрез четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и любовался... Знаете, я про жида этого как прочла, то всю ночь так и тряслась в слезах».

Эти обрезанные детские пальчики, которыми Достоевский не постеснялся приправить фактическую поддержку «кровавого навета» (на что ранее он ни разу не решался), – использованы им не в первый раз. До этого – во второй главе сентябрьского выпуска «дневника» за 1876 г., он уже смаковал подобную сцену, описывая страдания восставших против турок болгар: «Они просто выли, когда их маленьким ребятишкам мучители отрезывали в каждые пять минут по пальчику, чтобы продлить их мучения в глазах отцов и матерей, а те и не защищались, а лишь целовали, вопя и терзаясь, как бы в безумии, ноги мучителям, чтоб они перестали мучить и отдали им назад бедных деточек»⁴.

Я не стану утомлять читателя всеми его описаниями турецких мучительств детей; этот «безошибочный» полемический прием

³ Цит. по: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 30, кн. 1. Л., 1988. С. 315.

⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 23. Л., 1981. С. 130.

использовался Достоевским многократно и без стеснений. Я не буду обсуждать добросовестность такого приема, задаваться вопросами типа: ну а если бы турки убивали детей не мучая их, России не нужно было бы вступаться за болгар? Я попрошу только обратить внимание на один важный, с моей точки зрения, момент: на стилистику описаний. Ибо стиль – вот что единственно может иногда выдать те тайные пружины, которые движут автором на самом деле, вопреки его декларациям.

«Да что же заставляет подозревать в Достоевском такие скрытые мотивы?» – возмутитесь, быть может, вы.

Ну, во-первых, бывал Федор Михалыч подвержен столь сильным увлечениям, что вроде бы и отчета в сказанном не отдавал. Только он со вкусом поиздевается над «примитивной» Европой, не могущей якобы и помыслить, что Россия ни в коем случае не собирается в своей освободительной войне против турок никаких территориальных приобретений делать, – как тут же и объявит важно, что «Константинополь должен быть наш», и не просто объявит, а еще и «нравственным правом» (навряд ли того: «что православное, то русское») обоснует.

Ну а во-вторых... Впрочем, судите сами.

Во второй главе мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский поместил три статьи – «Еврейский вопрос» и последующие, посвященные упрекам в его адрес «некоторых из евреев» «за то, что он на них «нападает», что он «ненавидит жида», ненавидит не за пороки его, «не как эксплуататора», а именно как племя». Вот что, в частности, отвечает им Достоевский (вдоволь наизголявшись, попутно).

«Но опять-таки: когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? /.../ Уж не потому ли обвиняют меня в “ненависти”, что я называю иногда еврея “жидом”? Но, во-первых, я не думал, чтоб это было так обидно, а во-вторых, слово “жид”, сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: “жид, жидовщина, жидовское царство” и проч.»¹.

Здесь то, что «во-первых», – притворно-наивная издевка, т.к. слово «жид» приобретает оскорбительный оттенок уже с начала века (после исчезновения его из официального оборота еще при Екатерине II), а то, что «во-вторых»... В подготовительной к этим

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 25. Л., 1983. С. 75.

статьям заметке из «записной тетради» Достоевский, увлекшись, проговаривается:

«Ограничить права жидов во многих случаях можно и должно... Во-семьдесят миллионов существуют лишь на поддержание трех миллионов жидашек. Наплевать на них»².

Вот и судите сами, кого называл Федор Михалыч «жидами» – «известную идею» или все-таки «племя». И как он к этому племени относился. А также сделайте вывод – стоит ли после этого слепо полагаться на его искренность или хотя бы «простодушие»!

Итак, я продолжаю.

Что же это за стилистика такая, и какие же мотивы она выдает? Ответ весьма банален: это стилистика антисемитской литературы, мотивом которой являлась болезненная и всепоглощающая ненависть к «порочной» расе. Но если в наши дни основным содержанием такой литературы является «доказательство» всемирного еврейского заговора, имеющего целью всемирное же порабощение, то до эпохи «Протоколов сионских мудрецов» литература эта состояла в смаковании ритуальных наветов – обвинениях евреев в культовых употреблении христианской крови; почти всегда – именно крови «невинных деток».

Литература эта пришла в Россию из Польши после ее окончательного раздела в конце XVIII века и присоединения к России Белоруссии вместе с жившими там евреями, – века, когда в Польше для обвинения еврея достаточно простого было доноса. Как и во времена средневековой «охоты на ведьм», судебные процессы в Польше того времени не знали оправданий; непризнание вины под пыткой тоже не играло роли. Соответствующими были и казни: сажание на кол, сдирание кожи, расчленение...

Первыми были переведены «Обряды жидовские» и «Басни Талмудовы, от самих жидов узнанные», содержавшие фрагменты из сочинения монаха Пикульского «Злость жидовская». Именно в западных губерниях и стали возникать ритуальные обвинения евреев после войны с Наполеоном (когда евреи оказывали поддержку России против поляков, поддерживавших единоверную Францию). Именно «Злость жидовская» служила пособием для организаторов самого тягостного из процессов – Велижского, следствие по которому тянулось более 10 лет. И хотя в России, в

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 24. Л., 1982. С. 212.

отличие от Польши, никто из евреев по подобным наветам так и не был наказан, сам факт неоднократных следствий по ним (последний процесс – «дело Бейлиса» – состоялся в 1913 г.!) свидетельствует о степени предубежденности и всеобщей веры в «кровавый навет». Собственно, почему бы и не поверить в это православному человеку, если в «Житиях святых» подробно рассказано, как евреи выпустили кровь, «необходимую им для мацы», из православного младенца, святого мученика Гавриила¹?

Так вот стилистика описаний Достоевского – это стилистика антисемитских наветов, стилистика ненависти, облачаемой в ризы «благочестивого изумления», стилистика наигранного смирения перед лицом скрупулезно и художественно выписанных чудовищных подробностей. И постепенно крепнет уверенность в том, что не «защиты» маленьких деток добивается Федор Михалыч, так трогательно-наивно «ломаясь в открытую дверь» описаниями их мучительств; нет, ему важно исподволь убедить общество, что «все позволено» в отношении этой бусурманской нечисти, этих «слизняков», что нелепо применять к этим нелюдям человеческие законы...

«Как же так, – спросите вы, – ведь у Достоевского встречаются и вполне отечественные душегубы, в том числе и мучающие детей?» Да, но обратите внимание, какие при этом наблюдаются отличия в стилистике! Как исподволь привносятся в описания оправдательные мотивы: темнота, расстроенные нервы, сильные душевные движения... «Характер русский добродушен, – замечает Достоевский в тетради, – злых людей в России совсем даже нет. Но в России много иступленных». Ну а иступленный человек – это уже арена борьбы Добра и Зла, это уже предмет искусства. Иноверцы же – не то что турки или «жиды», а и поляки, и немцы, – исчадия бездуховности, морального убожества, а то и носители абсолютного зла.

А какими благозвучными эвфемизмами обставлено у Достоевского довольно обычное дело – пропаганда войны! Так, весь народ в едином порыве собирается на войну не иначе как «пострадать за веру». Не убивать ненавистных мучителей славян, а именно «пострадать», совершать «подвиг покаяния». А раз так, кстати, то и о по-

¹ <http://ortodoxy.pro/svyatie.html>.

терях тревожиться, в общем, не стоит. И упаси бог – в чем-нибудь обвинить в этот ответственный период начальство, усомниться в нем! И появляется в тетради такой «образец терпимости» по поводу сообщений в «либеральной» прессе о проворовавшихся снабженцах русской армии: «Что ж такое, что воры остаются. Пусть лучше воры остаются, только чтоб они не крали»²...

Нет, не так она бесполезна детская эта «слезка» для профессиональных ревнителей «выгод отечества»!

Идеологическое шулерство это санкционирует право на подлость, на насилие, на порабощение. Оно позволяет обанкротившимся и проворовавшимся властям вдруг превращаться, волшебным образом, в «государственников», дабы отвести от себя хоть на время гнев черни, направив его на внешнего, а потом и на внутреннего «врага».

Мы и сейчас о той же «слезинке» вспоминаем, уничтожая Чечню и «консолидируя» вокруг этого «благого дела» народ. С каким упоением ударились в подстрекательство к преступлениям всевозможные «политологи», «аналитики», не говоря уже о политиках! Какое наслаждение оказалось в том, чтобы явить прилюдно продукты самых своих дотоле подавляемых низменных инстинктов – «залить бетоном», «сбросить атомную бомбу». «Нация эта, – писал о нас де Кюстин, – унижительным покорством у себя дома заранее искупает свою мечту о тиранической власти над другими народами...».

И никому, похоже нет дела, что все закончится тем же, что и тогда, после антитурецких (начиная с Крымской) и русско-японской войн. Что наши мифические «чудо-богатыри» превратятся в одночасье в дезертиров и мародеров, полных ненависти, в том числе и к тем, кто приучал их ненавидеть.

«Савина писала летом 15 года мужу с Кавказа: “Ужели Господь попустит, и наши солдатики, наши чудо-богатыри должны будут перенести этот стыд и горе – наше поражение!” Что это было? Глупость, невежество, происходившее не только от незнания народа, но и от нежелания знать? Все было. Да была и привычная корысть лжи, за которую так или иначе награждали. “Я верю в русский народ!” За это рукоплескали. /.../ Какое огромное количество таких “лгунов” в моей памяти! Необыкновенный сюжет для романа, и страшного романа». (И.А. Бунин. Окаянные дни.)

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 24. Л., 1982. С. 172.

О, роману этому не видно и конца! «Русский солдат» – святыня! Предположить, что наш вечный «воин-освободитель» может то и дело являть рыло бандита и преступника – это сродни предательству. Вот генерал Шаманов на днях так и заявил относительно тех, кто хочет ехать выяснять правду о мародерстве в Алхан-Юрте: «Не смейте прикасаться своими грязными руками к русскому солдату! Они делают святое дело!»

«Аул, разоренный набегом, был тот самый, в котором Хаджи-Мурат провел ночь перед выходом своим к русским... Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая, во время его посещения, Хаджи-Мурату, теперь в разорванной на груди рубахе... стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и не переставая выла... Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгой палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся с своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. /.../ Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищали ее. /.../ О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения». (Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат).

Может быть, через 50 лет какой-нибудь новый Лев Толстой и решится написать что-то равное по силе о событиях нынешнего покорения Чечни. Только вот спасет ли это народ, отравленный многовековой традицией национальной гордыни?

январь 2000 г.

http://margulev.narod.ru/dnevnik_idealista/dnevnik5.html

Россия, которую мы не теряли

Книга Нины Матвеевны Соротокиной «История России в лицах» (Н.М.Соротокина. История России в лицах. – М.: Терра, 2004), в которой изложена, по сути, вся дооктябрьская российская история, – не учебник, и написал ее не специалист-историк, а литератор («опознавательный знак» – роман «Гардемарины»). А от литературы не стоит ждать очередной версии научной «истины в последней инстанции», ибо, как писал Дж. Оруэлл, *«литература – это попытка повлиять на взгляды современников путем записи жизненного опыта»*.

Хорошо это или плохо, что пособие по истории своей страны написал не специалист-историк, а профессиональный писатель? Хорошо – если искать в истории «жизненный опыт» нации. Ибо в жизненных опытах и личности, и нации есть безусловное подобие – навроде подобия онто- и филогенеза. И даже профессиональный историк неизбежно становится литератором, пытаясь реконструировать былое, ибо, говоря словами одного из них (А.Я. Гуревича), *«условие успеха на этом пути – проникновение в тайну человеческого поведения, поведения человека в обществе»*. Не случайно выдающийся историк Карамзин (как и, затем, Костомаров) был и известным писателем; не случайно и автор заканчивает вводную главу книги его фразой о том, что *«история есть священная книга народов, завет предков потомству, изъяснение настоящего в пример будущему»* (с. 5).

В общем, главная задача, которую ставила себе Н.М. Соротокина, – это осознать, что же, собственно, записано в этой «священной книге» нашего народа. Источниками ей служили летописи – в подаче, прежде всего, выдающихся историков прошлого. А дальше – дальше *«автор исторических очерков должен изгнать фантазию – только подлинность, правда, истина. Но в процессе работы*

он проходит через такие тенета и путы неточностей, догадок, спорных вопросов, разночтений, что вынужден писать не объективную историю (по-моему, таковой вообще не существует), а свой взгляд на нее» (с. 5). Причем «порой не соглашаясь с мнением историков», как сказано в аннотации. Нам остается только понять, насколько нужно, в частности, школьникам написанное таким образом

Мой вывод – книга интересна и полезна. И одна из необходимых причин успеха – это, вопреки аннотации, согласие с историками (за исключением, разве что, Л.Н. Гумилева) – с точностью, разумеется, до согласия историков между собой... Увы, в наше время «расцвета» различных форм «фолк-истории» соблюдение таких очевидных, казалось бы, требований приходится специально оговаривать как одно из достоинств... К счастью, не единственное..

К главному достоинству книги я отношу ее необычайную живость, увлекательность. Как была она, по свидетельству автора, «написана на одном дыхании», так же и читается. Автор открыто выступает собеседником читателя, вовлекая его в свои размышления и переживания, в загадки и разгадки человеческого поведения, в свой диалог с прошлым. Но, конечно, все это стало достоинством с учетом опоры на признанные наукой исторические источники и не замалчивание альтернативных воззрений на их достоверность. А это автору тоже удалось (с оговорками, которые будут даны ниже).

Дело в том, что Н.М. Соротокина взяла (в той или иной степени осознанно) за образец знаменитый итоговый труд выдающегося русского историка Н.И. Костомарова (1817-85) – «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Две трети объема книги охватывают тот же, что и у Костомарова, период и несут в себе «родственные черты» его труда. Черты, отмеченные печатью того кредо «историка», которое в явной форме высказал Костомаров в письме М.П. Погодину: *«Его труды могут принести тогда только гражданскую пользу, когда они будут иметь целью не потачку национальной гордости и предубеждениям, а строгую, неумолимую истину, как бы она ни казалась горькою для патриотических чувствований, которые нередко соединяются с застарелыми предубеждениями национального чванства».*

Забегая вперед, скажу, что когда русло, проложенное Костомаровым, прервалось (после царствования Елизаветы Петровны), глубина аналитической «вспашки» событийных пластов стала мельчать и к концу книги выродилась в оживленный довольно неряшливым комментарием пересказ событийной канвы. На двух фразах, повлекших уничижительную реакцию известного публициста-историка, придется остановиться особо.

«В 1900 году правые тоже создали свою монархическую организацию Русское общество под руководством Б.Н. Никольского и В.М. Пуришкевича – пишет Н.М. Соротокина. – В 1903 году в Русском обществе состояло полторы тысячи человек, они изучали русские традиции, стремились к укреплению самодержавия» (с. 443-444). И, далее: «На улицах Петербурга вновь появились красные знамена, рабочие пели “Марсельезу”, все было очень революционно, под шумок шли еврейские погромы, убийства и грабежи» (с. 451).

Последний отрывок Ильи Смирнов в статье «Не падайте духом, корнет Смердяков» (Русский журнал. – <http://www.russ.ru/culture/education/20040825-pr.html>) снабдил таким комментарием: *«Интересная версия революции 1905 г., не правда ли? Люди с красными знаменами под “шумок” Марсельезы устраивали еврейские погромы. А как еще это прикажете понимать, если чуть выше В.М. Пуришкевич и К^о представлены просто как “правые”, которые “изучали русские традиции” (с. 444) и стремились к единению монархии с широкими массами русского крестьянства?»*

Здесь публицист в Илье Смирнове взял вверх над историком: вместо того чтобы распутать то, что напутала Н.М. Соротокина, он начал строить на этом заведомо тенденциозные выводы: вот, дескать, в какой «регрессанс» скатился «современный российский антикоммунизм»! А Нина Матвеевна писала-то вовсе не о «Пуришкевиче и К^о» (праворадикальных партиях), а о «Русском собрании», которое до 1904 года являлось чем-то вроде клуба «русской традиции». Исказив его название (и инициалы его организатора Б.В. Никольского), Н.М. Соротокина ошибочно приписала к его «руководителям» и В.М. Пуришкевича, что и открыло возможности для спекуляций. Не будь, однако, у Ильи Смирнова явного желания прочесть данное пособие совершенно определенным образом, на следующей же странице он нашел бы такой, например, относящийся к лозунгам правых партий комментарий,

не оставляющий сомнений в позиции автора: «Только абсолютное незнание родной истории может питать националистические теории» (с. 452). Да и про «еврейские погромы» на упомянутой им с. 444 сказано, что «устраивала их черносотенная толпа при полном попустительстве властей».

Но вернемся к «Истории России в лицах». Перед тем как перейти к критике, приведу некоторые из тех «поэтических» высказываний автора, без которых, образно говоря, мертва правда фактов.

«Но глядя на предков из нашего далека, я говорю себе: кто мы такие, чтобы их судить? Нам ли с опытом XX века удивляться человеческой подлости? И что мы можем понять в отношениях удельных князей, задачей которых было выжить самим и помочь выжить своим подданным и народу своему, выжить любой ценой? А всхлип мой и удивление подлости предков – это обида детей на родителей. Так хочется, чтобы они были хорошими» (с. 65). «Анализируя летописи, с удивлением замечаешь, что в каждом поражении русских виноваты инородцы – наемные силы, которые первыми бегут, мешая русские ряды. Оно и понятно... наемник слабее духом, чем хозяин. Но просматривается здесь и другая (может быть, исконная?) особенность русских – валить свои беды на иноверцев. Кабы не они, как бы прекрасны мы были!» (с. 45). «Оправдывая Петра, часто цитируют его письмо к Алексею: де я “за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть?”. Ну не хотел играть царевич в отцовские игры, не дано ему было быть патриотом, так оставь его в покое. Ан нет... Казнить во славу отечества! Потому-то оно до сих пор у нас лютное, а Россия людям – мачеха» (с. 262).

Перейдем теперь к тому, что я, судя книгу по ее собственным законам, считаю существенным недостатком: ряду неправомерных, ошибочных выборов той или иной концепции.

Первая ошибка – это история смерти царевича Дмитрия (а заодно и мнимого самозванства Григория Отрепьева). Излагая ее, автор пишет: «История – потемки, известное дело, но автору (вкуче со многими исследователями отечественной истории) хочется считать Бориса Годунова невиновным» – и делает сноску: «Если я вас не убедила, дорогой читатель, то обращайтесь к книгам историка Р.Г. Скрынникова. Он целиком оправдывает Годунова».

Действительно, когда лет 25 тому назад я читал «Бориса Годунова» Р.Г. Скрынникова, меня поразило, как он «на голубом глазу» «исследовал» этот вопрос так, словно приводимые им доводы в пользу официальной версии «несчастливого случая» не были уже многократно разобраны и раскритикованы классиками русской истории, в частности, С.М. Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен», приводимой тем же Р.Г. Скрынниковым в списке литературы. А ведь Н.М. Соротокина использовала, по ее словам, Соловьева в своей работе! Я уж не говорю о Костомарове, который даже посвятил этой теме специальную работу «О следственном деле по поводу убийства царевича Димитрия» (1873 г.), начатую им так: *«Вопрос о смерти царевича Димитрия и о виновности Бориса Годунова в этой смерти сдавался не раз в архив нерешенным и снова добывался оттуда охотниками решить его в пользу Бориса. Никому этого не удавалось, хотя, конечно, в свое время авторам защиты казалось иное»*. Что привело Р.Г. Скрынникова в число таких «охотников» я еще могу представить, но почему именно с ним решила солидаризоваться Н.М. Соротокина... Вывод и Соловьева, и Костомарова однозначен: царевич был зарезан, а потому виновность Бориса Годунова не исключена.

Еще конфузнее получилось, когда автор вслед за тем же Р.Г. Скрынниковым стала излагать «наиболее устойчивую версию» о том, что Лжедмитрием в действительности являлся беглый монах Григорий Отрепьев: *«Пишу и сама себе не верю»* – так при этом комментирует себя Нина Матвеевна. Но даже если смириться со всеми несообразностями этой версии, невозможно объяснить следующий факт: *«В Загоровском монастыре (на Волыни) есть книга с собственноручной подписью Григория Отрепьева; подпись эта не имеет ни малейшего сходства с почерком названного царя Димитрия»* (Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях...). Потому-то, кстати, характеризуя эту «подпись» (дарственную надпись) как «неоспоримое доказательство» пребывания Григория Отрепьева в Остроге (в Литве), Р.Г. Скрынников обходит стороной вопрос о сходстве почерков.

Замечу, что вопрос о причине смерти царевича Дмитрия всегда имел политическую составляющую и столь же актуален у нас ныне, как и сотни лет тому назад. Скормив версию «сам зарезался» податливому детскому сознанию, официальная историография де-

лает будущему подданному как бы «прививку» от возможных сомнений в «следственных делах» власти уже современной...

Если первая ошибка автора никак разумно не объяснима, то вторая как раз вполне понятна: Н.М. Соротокина простодушно «подобрала» у Костомарова ту, пожалуй, единственную у него вещь, которую следовало обойти, – версию об аренде евреями на Украине православных церквей и отсюда – об оскорбленном религиозном чувстве православных как главной причине истребления казаками украинских евреев при Богдане Хмельницком. *«Поляки, – пишет она, – блюдя экономическую выгоду, а также желая унижить православных, отдавали евреям церкви на откуп, то есть хочешь слушать литургию – плати. Евреи жестоко заплатились за вмешательство в дела чужой веры (удивительно, как отказала интуиция мудрому народу?), их уничтожали семьями, не щадя ни детей, ни младенцев»* (с. 201).

Не имея возможности в рамках рецензии изложить все нюансы данного вопроса, приведу лишь результаты позднейших исследований, обобщенные «духовным преемником» Костомарова в части украинской историографии, историком М.С. Грушевским. В своей десятитомной *«ІСТОРІЯ УКРАЇНИ-РУСИ»* (за 90 лет так и не переведенной на русский), он пишет: *«Какая конкретно фактическая основа лежит под этими, как видим, достаточно разветвленными рассказами про аренду церквей Жидами и собирание с них налогов, остается неясным. Документальных известий об аренде Жидами церквей и каких бы то ни было конфликтов на этой почве до сих пор не обнаружено, несмотря на некоторый интерес к этому делу»* («Жида» здесь – украинское именование евреев).

Конечно, приведение столь недостоверного и болезненного с точки зрения межнациональных отношений «факта» в учебном пособии совершенно недопустимо.

Последняя ошибка – это такое вот «подведение итогов» аграрной реформы П.А. Столыпина: *«Советская историография пишет, что столыпинский реформы потерпели крах: недовольных-де было много, аграрная реформа “до крайности обострила противоречия и расширила фронт классовой борьбы в стране”*. Однако статистика говорит другое. Поднялась урожайность полей, увеличился экспорт пшеницы. Средний ежегодный сбор до реформы составлял два-два с половиной миллиарда пудов, после столыпинских реформ

в пятилетие 1909-1913 годов он составил в год четыре миллиарда пудов. Увеличился также сбор картофеля, сахарной свеклы и хлопка в Туркестане» (с. 455).

Беда такого «анализа» не только в его карикатурной алогичности (статистика про «пуды» «опровергает» статистику по обезземеливанию крестьян и росту социальной напряженности в деревне), не только в том, что за результаты реформы выдаются в том числе и результаты благоприятной конъюнктуры на мировом хлебном рынке (нетрудно провести параллели с современной ситуацией...). Столыпину не удалось главное: создать в крестьянстве тот самый «средний класс», который послужил бы опорой власти в ее попытке модернизации России по западному образцу. Образовавшийся вместо «среднего класса» слой зажиточных крестьян (при обнищании основной массы) не стал опорой режиму – в этом одна из причин мгновенного крушения империи в марте 17-го.

И все же, повторюсь: все эти ошибки не так существенны для воспитания личности, как важен тот эмоциональный настрой, который стремится передать автор: *«Я не знаю, какое у нас будущее, но прошлое столь богато, полнокровно, ужасно, прекрасно и интересно, что я никогда не устану заниматься им, распутывая клубок из нитей шелковых, домотканых, золотых, гнилых и кровавых... И тебя, драгоценный читатель, призываю последовать моему примеру» (с. 4).*

Присоединяюсь.

Школьное обозрение. 2005. № 1

ОТКРОВЕНИЯ

Сколь ни насулит кукушка лет –
Время вычтет, и останется ответ.
Что по осени сочтут – не угадать,
Но сумеь бы иероглиф начертать,
Где причудою судьбы сочленены
Ветви юные с корнями старины,
Где сплетаются мучительным узлом
Две стихии, что зовут добром и злом,
Где навек, перед разлукою за шаг
Ты останешься со мной. Да будет так.

Сегодня я встречаюсь

1

Сегодня у меня выходной. Но не обычный, каких у меня сотни полторы в году, а такой, каких в моем году только 4 – раз в сезон.

Сегодня я встречаюсь с Олей.

Впрочем, если быть совсем точным, сегодняшней выходной вообще единственный в таком моем году, потому что он первый после очередного, тридцать четвертого уже, Олиного дня рождения, а значит, я могу сделать ей подарок.

Конечно, она могла бы принимать подарки и почаще, ведь это уже явно не то, по ее словам, «голожопое пижонство», за которое она ругала меня еще тогда, пять – да, уже целых пять – лет назад, когда мы были близки. Теперь я почти «богат», у меня есть свое «дело» и даже самое в этом неприятное – люди, которые меня за это уважают, не зная больше обо мне ничего... Все это так, но просто у Оли болезненное и хроническое неприятие моих подарков еще с тех времен; ей кажется, она чувствует, что становится мне обязана, а она не желает продаваться. Все это смешно, но такова моя Оля.

Поэтому подарок мой достаточно скромн, во всяком случае, гораздо скромнее того, который я рад был бы ей предложить. Это – альбом Брейгеля Старшего, художника, перед которым я когда-то преклонялся и которому продолжаю хранить верность несмотря на то, что пять лет назад я возненавидел всех художников, ну уж по крайней мере нынешних.

Кроме, разумеется, Оли. Любимой моей, непутевой моей Оли.

Итак, нынче мы идем с Олей в ресторан, она еще в нем не была, это новый клиент моего «дела», и мне не стоило большого труда заказать там не просто места, а целый уютный закуток на двоих, где мы можем спокойно поговорить, не стесняясь окружающих и не перекрикивая оркестр. Впрочем, ни я, ни тем более Оля, давно уже не стесняемся вести эти бесконечные, безграничные и самые нелепые для нашего возраста (а я уже разменял недавно пятый десяток) разговоры о и около, так называемых, «вечных вопросов».

Я открываю шкаф и еще раз оцениваю, верно ли я выбрал костюм и рубашку. Оля не выносит безвкусицы.

Ты – бабочка на моей попоне,
И я шевельнуться боюсь.
Ах, некрасивый пони,
Стою, на тебя кошусь.

Мне дети щекочут ноздри,
Но – только слезины из глаз.
Я вынесу все эти козни,
Господи, но продли этот час!

Явления случайного дай мне
Внимать откровенью, пока
К моей нежнокрылой тайне
Еще не подкралась рука.

Когда я познакомился с Олей, а было это почти одиннадцать лет назад, она была замужем за своим мехматовским однокурсником. Все мы, в той или иной степени, бредили тогда литературой, искусством, творчеством и всеобщим синтезом. Просто приятно вспомнить. Вокруг этого все и крутилось, но не просто так, разумеется, а целью выхода «наверх» – к Богу, к смыслу жизни, к гармонии. Как ведут себя женщины во время таких разговоров? Как бы активно ни участвовали они в беседе, но при выходе «наверх» они замолкают. Почему – я не знаю, но если вы мне не верите, проанализируйте хотя бы письменные источники, и вы услышите это молчание.

Так вот Оля не молчала, наоборот, она в каком-то почти лихорадочном упоении требовала от нас объяснений на всю эту путаницу из высоких и прочих материй, которые вполне уживались в ее упрямой головке подростка рядом с довольно-таки жесткой логикой оценок. Уже только это проявляло ее необыкновенность, но я не отличаюсь аналитическим складом ума, Оля просто очень мне тогда понравилась – и не более.

Через полтора года после нашего знакомства Оля вдруг бросила мужа, работу и ушла к последователю одной из псевдовосточных сект, открыто презрев и отвергнув то, что все мы отвергали только внутренне, и даже более того – ту часть моральных устоев, которую отвергать просто как-то даже и не приходило в голову...

Смелость ее поступка меня тогда даже восхитила – чисто эстетически. Я был, конечно, очень наивен, но не более, чем те, кто этот ее поступок осуждал. Ибо для реки нет ничего естественнее, кроме как течь по своему руслу, совершая при этом самые, казалось бы, неожиданные, если смотреть на нее сверху, повороты.

Впрочем, вечные вопросы будут соседствовать в нашем разговоре со вполне земными темами: об общих знакомых, о виденном, слышанном и прочитанном, о том, что нового в наших занятиях, и конечно, Оля расскажет мне о какой-нибудь очередной своей анекдотической «промашке», а она на них великая мастерица. И мне захочется ей сказать, как когда-то: «Ах ты моя глупыня!» – и услышать в ответ: «А ты мой умышка!» – но я не сделаю этого. Потому что все это – из того уголка прошлого, которого мы не долж-

Гамлет

О, милый Гамлет, смерти нет, поверь!
Ты вспомни детский сон – откуда он, откуда?
То шелест бытия сквозь замкнутую дверь,
Весь мир – тюрьма, когда б не это чудо.

О, милый Гамлет, жизни нет, смотри,
Есть только круговерть тягучих заблуждений,
Где, как незрячие нетопыри,
Бесплодно бьются и глупец, и гений.

Усни, мой друг, умри в себе и вновь
Воскреснешь в том спасительном виденьи.
Так не жалея отравленную кровь!
Спи Гамлет, скоро пробужденье.

Где, забываясь, станешь вновь искать
Чужой рукою шпаги рукоять.

ны касаться. Поэтому я скажу: «Мэри-Энн – и никаких сомнений! Или нет – «Безумная Грета». Знаешь такую у Брейгеля? Ну, вот она, посмотри.

4

Я ненавижу художников. Болезнь эта...

Впрочем, почему обязательно болезнь? Мне есть за что их ненавидеть, ибо это они заставили меня завидовать удаче, завидовать служителям дела, а не истины.

Мне всегда было плевать и на признание, и на успех, и на славу, мне всегда была дороже моя истина, моя святыня, несмотря на все то страшное одиночество, на которое она меня обрекала. Ибо следовать ей, означало отрицать божественную гармонию, мир, как акт творения, и – оставаться одному против неба и земли.

Истина, которую я нашел, на уровне языка выражается так: бытие есть самопознающий хаос. А дальше нужно просто искать следствия, искать проявление этой истины в каждом явлении, в каждой сфере. Вот, например, пара таких следствий, вытекающих прямо из нее: процесс познания не ведет к гармонии; всякая философская система ложна. И вот Бог, в поисках которого я и открыл свою истину, оказывался вторичен.

Было ли это творчеством? Если и так, то это было творчество созерцания, которого не заметно извне, потому что оно почти не оставляло следов, почти не давало результата.

Да и кому кроме, разве что, меня самого нужны эти «результаты»? Изнемогший под бременем информации мир не нуждается в них; они – не более чем требования признания, доказательства перед своим кругом того, что ты существуешь как личность, еще не плывешь по течению. Но ведь это унижительно, доказывать это; те, кому я дорог, должны в это верить, а на остальных мне плевать. И потому я не ставил себе целей; единственной моей целью было жить по-христиански, сохраняя во всех смутах человеческий облик.

Так вот художники, особенно нынешние художники – они стоят на противоположном полюсе творчества, которое, как процесс, не только не существует там без результата, но более того, на троне восседает именно результат, а процесс скитается неузнанным мессией.

Грачи, как чайники, кружатся, и блики
По дну тишины рассыпают их крики.

Тяну, запрокинувшись, воздух, и свет,
И звуков настоя дурманыщий бред.

Но в эти глотки неизбывное время
Бросает сомнения сорное семя.

И вот уж питье с недоверьем цежу я,
Глотаю украдкой, как будто рискуя.

Как будто, рисуя, предвижу, в тоске,
Как дрогнет рука на последнем мазке.

Возможность копирования – вот что выделяет художественное из массы других творчеств; окружающим преподносится результат якобы творчества, хотя собственно творческим актом тут и не пахнет, зато виден труд, видно мастерство, а это всегда доказательство силы, правоты.

Поэта может оставить вдохновение, писателя или композитора – поразить немота. И лишь художнику ничто не мешает «совершенствоваться», плодя свои бесчисленные копии.

Ах, как просто им быть уверенными в себе, этим дешевым демиургам, только от счастья иметь этот свой талант; как просто им имитировать могущество актами творения из грязи красок «новых» миров – индивидуализированных копий мира своего высокого покровителя!

А уж тот не оказывается у них в долгу. Художник может и не быть богат деньгами, но у него всегда есть то богатство, которое нельзя купить и не всегда можно заслужить другими талантами – это бескорыстная любовь женщин, женщин, ищущих поклонения неподвластной им силе, рабынь, страстно и искренне любящих своего султана только за божественную высоту его положения, лишившись которой он был бы с презрением отвергнут...

Я ненавижу всю эту плотоядную братию с того проклятого дня... Когда Оля отошла вдруг от этюдника и, закрыв руками лицо, сказала: «Я ухожу в любовницы к одному художнику. Чтобы учиться рисовать. Прости».

Это случилось спустя ровно месяц от начала нашей близости.

5

Да, теперь таблетки. Я, как и всегда в таких случаях, выпиваю двойную дозу и еще столько же беру с собой. Это сильное успокоительное, его мне привезли когда-то прямо из-за границы, наши на меня не действуют.

Не то чтоб я сильно волновался перед встречей, хотя и это есть, но главное – мне надо выглядеть сильным и уверенным в себе – так любит Оля. Мне надо оставаться спокойным, даже когда я замечу, как постарела моя любимая женщина, как время все дальше разъединяет нас тех, прежних. Потому что, если судорога все же сведет мне лицо – это будет означать, что свое страдание я ценю выше, чем Олино уважение, а ей не стоит знать, что это так и есть.

Эта женщина бывает молчалива,
Она слушает дыхание прилива.
Сквозь нее текут течения неземные,
В ней колебля натяженья потайные.

Кто ее любили – это знают,
А кого она – ей не прощают,
И никак пролив не переплыть,
Между «быть любимой» и «любить».

Этой женщины закон – непостоянство.
Приручать ее – пустое шарлатанство,
Как служить слугою двух господ,
Меж которыми смертельный суд идет.

И, пускаясь перед нею в рассужденья,
Вы плутаете тропой заблужденья.
Она слушает дыханье океана,
Не касаемая шелестом бурьяна...

Впрочем, если ей не стоит этого знать, значит, это вовсе и не так.

Я смотрю на часы – у меня есть еще полчаса, и я могу еще раз проглядеть альбом и взглянуть на свою «Безумную Грету».

Брейгель, конечно, никогда не принадлежал середине XVI века; не зная нашего века, такое невозможно создать. Ведь то было Возрождение, эпоха титанизма, веры в прогресс, в свет, в гармонию. Но был, оказывается, человек, который непостижимым образом перерос все эти детские увлечения и безо всякого стеснения смахнул фигов листок «божественной гармонии».

Брейгель велик тем, что за триста лет до Достоевского понял, к чему ведет подчинение идее, пусть самой, казалось бы, благородной. Но в отличие от Достоевского, он остался верен открытой им правде до конца.

Неподчинение идее – это то, чему я хотел научить Олю.

А она жила наоборот – стремлением отдаться любой идее, где можно чего-нибудь «достичь», отдаться до конца, бросив все и вся.

Я, как и остальные, считал, поначалу, это какой-то психологической неустойчивостью, и только после уже понял, что дело тут не только в психологии, но и в, быть может, не до конца осознанном сильном половом любопытстве к мужчине-демиургу; причащение любой идее должно было обязательно идти у нее через постель; ей нужен был живой кумир, плотский носитель идеи, с которым можно было бы заключить самый близкий союз, познавая идею как бы через естество кумира.

В общем-то, в этом Оля была как раз типичной женщиной. Но в том-то и заключалась ее необычность, что в ней непостижимым образом соседствовали самые противоположные начала: женское и мужское, рассудочное и безрассудное, высокое и низкое, серьезное и комичное, доброе и жестокое. И потому она была для меня всем: другом, женой, сестрой, дочерью, матерью. И, наконец, – бросившей меня любовницей...

То, что сблизило нас с Олей, можно объяснить одним словом – судьба. Но именно моя судьба, и не только потому, что именно я искал этой близости, именно я ждал всю жизнь встречи с такой женщиной, но и потому, что я так и не стал ее судьбой, а остался

Не хочу тебя видеть.
Мечтаю забыть.
Не дано в одной лодке
С тобою мне плыть.
Я растянут на углях
Моей беззаконной любви,
И позорны морщины,
И позорны седины мои.

Не хочу тебя знать
Я во веки веков.
Твои радости ныне –
Моя мука без берегов.
Дай мне время, и я –
Я исчезну как сон поутру.
Расплету наши судьбы,
Следы нашей встречи сотру...

одним из тех, кому она отдавалась просто из жалости. В ней была любовь ко мне только как к брату.

Даже, когда бросив кисть, она вдруг говорила: «Милый, нет, ну как я люблю твои глаза!» – и целовала их.

6

Да, все это правда, но не вся.

Был, был-таки единственный момент в моей жизни, когда женщина поверила в меня, и это была моя Оля.

Это случилось в одну из тех счастливых ночей, которые я проводил в ее квартире, когда мы разговаривали, пели, или Оля рисовала меня, а я впитывал в себя всю ее невыразимую прелесть. Она только год как занялась рисованием, и вопрос, как жить дальше, держал ее в постоянном напряжении и постоянной готовности к прыжку в неизвестность. Мне было что ей сказать, и однажды, во время такого ночного диалога, я сумел покорить ее своей убежденностью и ощутил, на мгновение, свою над ней власть. На одно только мгновение, но это дало мне уверенность в своей мужской правоте, и я лег в ту ночь рядом с нею, и спина ее послушно выгнулась, отвечая притяжению моей руки...

Зачем я об этом вспоминаю, так ли это важно, любил ли я бы ее меньше, если бы здесь была только жалость с ее стороны? Вряд ли. Но я, наверное, легче перенес бы тогда ее уход. Потому что, когда она бросила меня, я понял, что это Бог взял в руки свой молот, чтобы сокрушить дерзнувшего разогнуться перед ним гордеца, обратить его в ничтожного червя, не просто не имеющего ничего, но и не могущего ничего иметь, не могущего даже удержать поверившую было в него женщину. И я пал на колени, и я превратился в червя, и, когда извиваясь во прахе, я пытался вызвать в Нем сострадание, и молил Его оставить мне мою Олю – одну лишь Олю и больше ничего, – Он только засмеялся, и раскаты ужасного хохота раздавили меня: «Я вижу, как он работает, я чувствую его силу, – сказала мне тогда Оля о своем художнике. – А еще мне хорошо с ним в постели».

7

Я выхожу из своей недавно купленной квартиры и сажусь в заказанное такси. Мы встречаемся с Олей в метро, но я ненавижу

Тайна прозрения. Тайна причастия.
Тайна мгновенья непрочного счастья.
Тайна «откуда мы?» Тайна «куда мы?»
Все эти тайны смывает годами...

И по ночам, как пугливые дети,
Пальцы сцепив, мы спускаемся к Лете
И провожаем глазами бессмертными
Умерших тайн уплывание мерное...

метро более прочего общественного транспорта, поэтому до нужной мне станции я еду на такси.

Мы останавливаемся у рынка, и я покупаю для Оли цветы. Хотя цветы она примет только как художник, но не как женщина. «Пожалуйста, я прошу тебя, не будь таким рыцарем» – просила она меня в те прежние времена...

Нескладная девочка-подросток, она так мало заботилась о своей внешности, и как было узнать, что под одеждою ее скрыто неотразимо сладострастное тело восточной рабыни, что душа ее мечется вовсе не в поисках пресловутого смысла жизни, а в поисках своего повелителя.

Но и теперь, когда я это уже знаю, я все равно не хочу ничего менять.

Только глупцы полагают, что рыцарство – это какое-то неестественное состояние, нелепый этикет и образ жизни. Кроме такого, «масскультурного» уровня рыцарства, есть ведь и совсем иной, и «Божественная комедия» тому порука. «Суровый Дант», да еще «с профилем орлиным» – ах, что может быть смешнее – называть так мальчугана, заблудившегося в темном лесу и пробивающегося сквозь чащу на струящийся с небес свет своей любви – последний ориентир божественной гармонии в этом царстве вселенского хаоса. Рыцарство – это последняя попытка примирения земного и небесного, вечного и смертного, когда божественным величием освящается тот поразительный союз плоти и духа, который и воплощает собою Любовь к Женщине. Быть рыцарем больно, но это святая, очищающая боль Искупителя, рождающая таких, как Данте, титанов духа.

Данте любил свою Беатриче, но и он успел узнать, как мало нуждаются в рыцарях земные женщины, предпочитая им не то что доморощенных демиургов, но и просто узколобую пошлость.

8

Я стою у выхода из метро и жду.

Что бы я ни делал с собой, я не смогу себя изменить, и если вдруг когда-нибудь Оля и доверится мне снова, то под личиной преуспевающего «дельца» она откроет все того же восторженного мальчика, сколько бы ни было ему уже лет. Кто знает, может быть, сама она отнесется к нему уже иначе? Я больше не спорю с Богом, я уже

Триптих

I

Я слышал 5 минут сегодня голос твой,
Уединившись с трубкой телефона.
Держа ее, как вор, опасливой рукой,
Косился из кабинки воспаленно.

Я 5 минут держал тебя в руках,
Дыша на помутневшую пластмассу...
Я 5 минут дерзал тебя ласкать,
И только не поцеловал ни разу...

II

Как мне жить, если ты не со мной?
Как мне жить, если ты не со мной?
Это ком в моем горле,
Это жало под костью грудной.

Я люблю тебя – эти слова,
Я люблю тебя – эти слова
Рвут мне горло на выдохе, словно,
Твердь асфальта живая трава...

III

Я в бездне нелюбви твоей тону.
Кричу немой, дрожащею гортанью.
Припасть к тебе уж больше не мечтаю...
Как схлынувшую отыскать волну?

Любимая, ты где-то вдалеке...
Сквозь толщу лет, сквозь пропасть беспросветья,
Я буду целовать твое соцветье
Земного Рая в тайном уголке...

без судорог плыву в общем потоке, но я живу, а значит, и надеюсь.

«Привет!» – вдруг раздается за моим плечом Олин голос. Я поворачиваюсь, и...

Наверное, я слишком далеко ушел в свои мысли, потому что окружающее вдруг исчезло, и в какой-то невообразимо короткий миг стрелка вселенского времени запала на пять лет в прошлое, и в этом узком провале передо мной вдруг возникла та самая моя Оля, мое такое короткое, такое ослепительное и тревожное счастье. Но уже в следующее мгновение края провала сомкнулись, и в едином ощущении я заново прожил весь ужас своей потери, всю прошедшую муку, боль и унижение... И снова любовь, мою безнадежную и бессильную любовь. Ту, что останется со мной уже до конца.

«Привет, – повторяет Оля, но уже упавшим голосом. – Ты чего такой мрачный?» «Здравствуй» – выдавливаю я, наконец, проклиная свою неожиданную слабость...

По правде говоря, таблетки, которыми я пользуюсь, помогают мне не всегда.

август 1988 г.

По ручьям воспоминаний
Пробираюсь я к началу.
Удивленья обмелели,
Оголились тайн причалы.

А казалось ведь, когда-то,
Бесконечным будет лето.
Лишь подмигивали даты,
Да выстаивались беды.

Что же делать, если время
Не желает породниться:
Сторонится, да листает
За страницей страницу?

Если время в самом деле
Подводить итог решило
И в архиве заблуждений
Вдруг судьбу мою подшило?

Своя игра

Итак, сегодня у меня игра.

Я игрок. Впрочем, кто-то может с этим не согласиться. Я еще никогда не проигрывал.

Сегодня у меня игра и я должен к ней подготовиться. Я лезу на стул и достаю замаскированный среди давно прочитанных книг небольшой, красного дерева, футляр. Открываю, и медленно провожу пальцами по напряженному стальному торсу револьвера. Я знаю, мой соперник уже в пути.

В ритуал игры входит чай, реже кофе. Осторожные фразы, как чуткие усики медленного сближения. В сущности, мы очень с ним похожи. Но он еще ни разу не побеждал.

«Ладно, пора», – говорю я, видя, что чашка гостя уже пуста. На его губах мелькает стыдливо-презрительная ухмылка. Он знает, что я непобедим, и все-таки на что-то надеется. Мы по очереди покачиваем револьвер на ладони, примеряясь к его тяжести и изгибам, и рассматриваем словно впервые. Потом я достаю коробку с патронами.

Мой соперник нервничает. Он старается не глядеть, как я заряжаю барабан, но это ему плохо удается. А я, напротив, становлюсь совершенно спокоен и даже равнодушен. Разговор в это время идет о Боге или еще о чем-нибудь нейтральном.

Наконец, барабан *полон*. Соперник по крупичкам собирает остатки бывшего достоинства, но на его лице маска обреченности. А ведь он почти убедил меня в своей правоте.

«Ну ладно, сдвигай!» – вдруг прерываю я его с глумливым смешком. Дуло револьвера упирается прямо в его сердце, и оно бьется в моей руке. Считается, что мы играем в «русскую рулетку», но мой соперник никогда не признается, что сел играть с наперсточником. Все, что он может сделать, – это лишь пристально взглянуть мне в глаза перед тем как крутануть барабан.

июль 1997 г.

Литературно-публицистическое издание

Маргулев Андрей Игоревич

Из Четвертого Рима с любовью

Компьютерная верстка и дизайн: О. Виноградова

Тираж 300 экз.
ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел. (495) 651-84-56